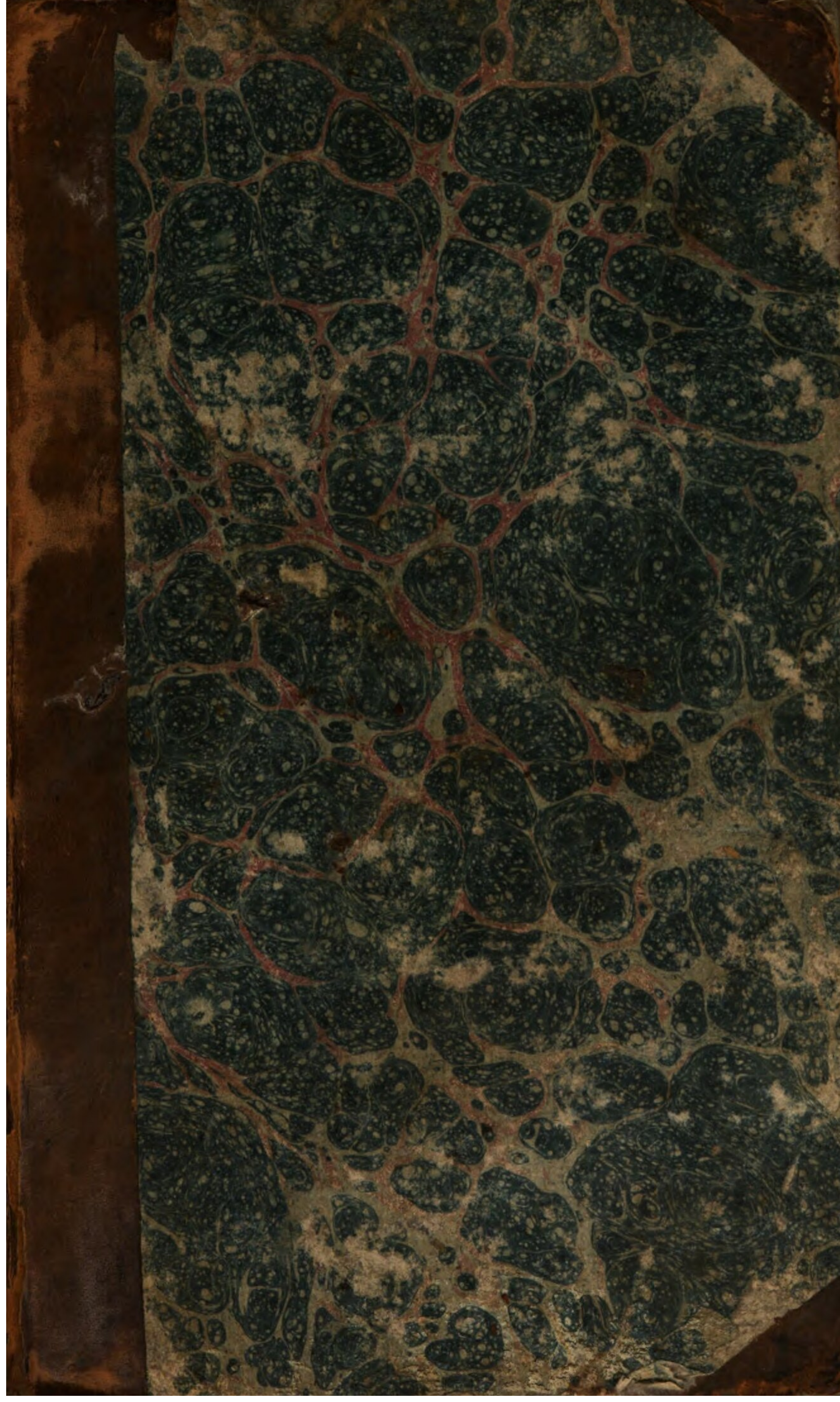

Медо-фасо 1³ раз. дафта
апокапсиса.

РЕЛИГІЯ.

Соч. Ина Экартсгаузена?

МОСКВА.

Въ типографіи С. Селивановскаго.

1818.

20/9/1961

РЕЛИГІЯ,
РАЗСМАТРИВАЕМАЯ
КАКЪ ОСНОВАНІЕ
ВСЯКОЙ
ИСТИНЫ и ПРЕМУДРОСТИ.

Сочиненіе
Г. ЭККАРТСГАУЗЕНА.
Переводъ съ Нѣмецкаго.

~~~~~
МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1818.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
сѣмъ, чтобы по напечатаніи, до вы-
пуска изъ Типографіи, представлены
были въ Цензурный Комитетъ: одинъ
экземпляръ сей книги для Цензурна-
го Комитета, другой для Департамента
Министерства просвѣщенія, два экзе-
мпляра для Императорской Публичной
Библіотеки и одинъ для Император-
ской Академіи Наукъ. Санктпетер-
бургъ, Октября 31 дня, 1816 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Ка-
валеръ Иванъ Тимковскій.

Николевская Рукопись

Bayerische
Staatsbibliothek
München

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стран.
Вступленіє. - - - - -	1

Г л а в а.

I. Религія. - - - - -	13
II. Вѣрованіє. - - - - -	37
III. Церковь. - - - - -	68
IV. Невѣрующій. - - - - -	83
V. Богъ. - - - - -	110
VI. Безмертіє. - - - - -	127
VII. Христіанство. - - - - -	144

ВСТУПЛЕНІЕ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ писать, цѣлью моею было благоденствіе человѣковъ. Я старался занимать ихъ полезнымъ и пріятнымъ образомъ. Истины, ведущія къ благополучію, представлялъ въ различныхъ видахъ было главнымъ моимъ упражненіемъ. Я изображалъ ихъ то въ повѣстяхъ, то въ важномъ тонѣ нравственныхъ разсужденій, то въ сказкахъ, то въ театральныхъ пьесахъ, то въ разговорахъ звѣрей, соображаясь во всѣхъ сихъ сочиненіяхъ со временемъ, съ обстоятельствами и расположеніемъ публики; сверхъ того я старался узнать природу и людей, замѣчалъ и пользовался всемъ, даже собственными моими недостатками и слабостями, и такимъ образомъ судилъ о спрасяхъ и

Религія.

А

сердце чловѣческомъ по собственнымъ спраснямъ и сердцу. Въ случаѣ же, гдѣ спотыкался, или падалъ, предостерегалъ другихъ отъ подобнаго нещасія — и никогда не стыдился быть чловѣкомъ.

Имѣя въ предметъ благо чловѣчества, я не преспавалъ говорить истину и не боялся опасности, копорая угрожаетъ отъ злыхъ людей чпипелю оной. Мысль, что могу быть нѣкопорымъ полезенъ, сохраняла меня отъ поношенія невѣжества и ругательства злобы.

Никогда не спарался я пользоваться одобреніемъ всѣхъ вообще людей, но искалъ похвалы не многихъ благородномыслящихъ.— Откуда заимспвуютъ сполько мыслей, и какъ можно имѣть довольно времени для всѣхъ сочиненій сего рода? Вотъ вопросъ,

часто предлагаемый любопыт-
 ствомъ человѣческимъ, и на ко-
 торый легко отвѣчать можно:
 природа есть большая книга въ
 которой начертаны всѣ сущія,
 бывшія и будущія идеи. Изъ ней
 можно научиться искусству шкѣ
 распложать время, что изъ од-
 ного часа выдуть десять, и сія
 великая наука состоитъ въ слѣ-
 дующемъ правилѣ: пользуйся каж-
 дою минутою и мысли обо всемъ;
 ибо мы живемъ въ области поня-
 тій, гдѣ одна мысль рождаетъ
 тысячу другихъ мыслей. Я видѣлъ
 ораша съ плугомъ, работавшаго
 въ дождь и непогоду, и надежда
 богатой жатвы подкрѣпляла его.
 Научись изъ онаго, вѣщаль мнѣ
 внутренній гласъ къ истинному
 подкрѣпленію моего духа, продол-
 жай и ты трудиться и не за-
 боюсь о молвѣ людской. Пусть
 иной бранишь тебя, другой по-
 рицаетъ, а третій клеветаетъ
 на тебя; пусть люди говорятъ,

что хопятъ, а ты продолжай
прудисься, ища награды въ соб-
ственномъ своемъ сердцѣ, а не
отъ устъ человѣческихъ.

Такъ мыслилъ я издавая сіи
правила всемірной Религіи — пра-
вила, которыя нашелъ соотвѣт-
ственными обстоятельствомъ на-
стоящаго времени.

Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ,
когда мнимая Философія ста-
рается совокупить во едино все
то, что только имѣетъ на себѣ
признака Религіи и Христіанства,
кои одни суть начало всякой ис-
тины и премудрости. Въ наши
времена презираютъ Религію по-
тому, что не знаютъ болѣе ея
достоинства. Есть даже мно-
жество людей совсѣмъ не имѣю-
щихъ религіи; но еще болѣе имѣю-
щихъ религію ложную, и сіи по-
слѣдніе гораздо опаснѣе первыхъ:
ибо вся ихъ добродѣтель нахо-

дѣлается только въ устахъ, а сердце вовсе не знаетъ Бога. Безпрестанно твердящъ о Философіи и человеколюбіи, и гнушающа Религією, которая сама по себѣ есть чистѣйшая Философія и дѣятельное исполненіе человеколюбія. Но отъ чего все это? Отъ того, что гораздо легче быть благочестивымъ мечтателемъ, нежели истинно благочестивымъ человекомъ. Философія только совѣтуетъ добродѣтель, а Христіанство повелѣваетъ ее, а сіе-то и есть истинная причина человеческаго отвращенія отъ Религіи; ибо непріятно повиноваться тому, что противно нашему самолюбію и осуждаетъ оное. Ограничиваніе спрасшей, господствованіе надъ желаніями нашими, угнетеніе чувственности — вотъ чего пребуетъ отъ насъ Религія; но испорченная воля желаетъ совсѣмъ противнаго, и пошому ищетъ оправданія дѣламъ сво-

имѣ въ невѣріи, или въ омраченіи
 собспвенной своей совѣсти. Да
 и въ самомѣ дѣлѣ, Христіянство
 не согласуется съ егоистиче-
 скими правилами нашего времени,
 не согласуется съ мнимыми поли-
 тиками и Махіавелистами при
 дворахѣ, воздвигающими олтари
 только собспвенному самолюбію,
 а любовь къ Богу и ближнему
 заглушающими въ сердцѣ своемѣ;
 не согласуется съ правилами
 льстецовѣ, неправедныхѣ судей,
 лукавыхѣ клеветниковѣ и лице-
 мѣровѣ, кошорые предосудитель-
 ными пущами во всѣхѣ предме-
 тахѣ ищущѣ временнаго блага,
 живущѣ въ сладострасіи и слу-
 жащѣ только своимѣ похощамѣ.
 Законѣ Христіянства вѣщаетѣ
 одинаково какѣ людямѣ низкаго
 соспоянія, такѣ и вельможамѣ
 слѣдующее правило: не дѣлай
 сего, говоришѣ онѣ земледѣльцу
 въ его хижинѣ и Царю на тронѣ;
 исполняй заповѣди; то и то те-

бѣ не позволено: а потому такой законъ и долженъ оскорблять наше самолюбіе. Въ чувствственности нашей находится источникъ ненависти къ высочайшимъ и Божественнымъ истинамъ. Хотя мы ихъ и чувствуемъ, однакожь вопреки такому чувству пропивимся онымъ; мы требуемъ, чтобъ всѣ люди въ своихъ дѣйствіяхъ поступали бы по законамъ Религіи; дѣйствуя же сами, имѣемъ въ предметъ угожденіе спраснямъ своимъ.

Ежели разсмотримъ человѣка, живущаго точно по правиламъ Христіанской вѣры, тогда увидишь, что онъ не носитъ на себѣ никакой мазки, сердце его благородно, уста вѣщаютъ истину, а душа согрѣвается чувствованіями человѣколюбія; рука его готова помочь несчастному, глаза его плачутъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ, и сердце его принимаетъ

участіе во всемъ, что касается
человѣковъ, его собратій. Онъ вѣ-
ренъ своему Государю, привязанъ
къ своему опечесству, ласковъ къ
своимъ согражданамъ, честенъ и
справедливъ противу всѣхъ во-
обще.

Но совсѣмъ иначе поступаетъ
лукавый, спрасней исполненный
свѣтскій мудрецъ: онъ хладенъ
ко всему, что касается человѣ-
чества, коварна улыбка его, слова
его не имѣютъ истины, учпи-
вость его есть лесть. Онъ дѣлаетъ
добро не по внутреннему безко-
рыстному влеченію, но изъ личной
выгоды, по обстоятельству и
времени, по расположенію своего
духа и по тому, чѣмъ хочетъ ка-
заться въ свѣтѣ; а отъ сего про-
исходитъ то, что онъ любитъ
лишь самого себя и такимъ обра-
зомъ удаляется отъ всеобщей
цѣпи любви, которою Вѣра соеди-
няетъ Бога съ человѣкомъ и чело-
вѣка съ Творцемъ его.

Все сохраняется единственно посредствомъ порядка; а порядокъ находится только въ Религіи, ибо она есть начало всякой истины и премудрости, ибо она низпосылается отъ Бога, какъ истиннаго средопочія порядка. Кто же удаляется отъ порядка, тотъ приходитъ въ неусстройство; а гдѣ неусстройство, тамъ нѣтъ любви. Напротивъ того, гдѣ находится порядокъ, тамъ царствуетъ любовь, потому что Богъ есть любовь; а гдѣ нѣтъ Бога, тамъ нѣтъ и любви, но владычествуютъ только спраси; а гдѣ спраси, тамъ необходимы и бѣдствія человека.

Подъ владычствомъ любви люди бываютъ добры, честны и сострадательны; гдѣ же господствуютъ спраси, тамъ они честолюбивы, хитры, лукавы, мздоимны и принимаютъ на себя видъ добродѣтели тогда только, когда симъ

средством надѣются дости-
 гнуть цѣли своей. Тамъ одно
 преступленіе предшествуетъ дру-
 гому; тамъ одинъ порокъ крѣпко
 примыкаетъ къ другимъ поро-
 камъ, одинъ заговоръ разрушаетъ
 другой; всякой алчетъ богатства
 или чести, и ни мало не разби-
 раетъ средствъ къ достиженію
 своего намѣренія. Всякой посту-
 паетъ по собственной волѣ, а не
 по законамъ добродѣтели. А изъ
 сего безпорядка спраспей, сози-
 дается наконецъ великое зданіе
 неусстройства, коему основаніемъ
 служишь глупость, а камни онаго
 страсти и пороки человѣческіе,
 рано или поздно влекущіе за со-
 бою паденіе монархій. Когда солн-
 це удаляется отъ земли, тогда
 спадаютъ листья съ деревьевъ,
 прекрасныя луга теряютъ видъ
 свой, цвѣты исчезаютъ, и тамъ,
 гдѣ были тѣнистыя деревья и
 цвѣтами испещренныя поля, тамъ
 остаются только голыя верши-
 ны и скучныя степи.

Такимъ же почно образомъ ,
 когда удаляется отъ насъ и
 Божественное Солнце, тогда из-
 чезаетъ весна добродѣтелей че-
 ловѣческихъ , увядають цвѣты
 невинности, плоды справедливо-
 сти падають съ деревьевъ, все
 что питало жизнь удовольствіемъ
 преходитъ, и сердце человѣческое
 покрывается толстымъ льдомъ,
 который человѣколюбіе щепно
 опогрѣть старается.

Вотъ истина столь же древ-
 няя, какъ и самое время, ибо она
 вѣчна и непремѣняема. — Здравомы-
 слящій съ благодарностію уви-
 дитъ, что я осмѣливаюсь въ на-
 стоящую эпоху возвышать голосъ
 свой въ пользу Религіи и Хри-
 стіанства, и отъ него-то един-
 ственно ожидаю я благодарности;
 но чего оспаются мнѣ надѣяться
 отъ прочей толпы человѣ-
 ковъ, столь скудныхъ въ добро-
 дѣтели, что содѣлались неспо-

собны и къ чувствованію благодарности. Какого блага могу я ожидать отъ сердець ихъ, исполненныхъ пороками? Отъ нихъ можно надѣяться только ругательства и поношенія, обыкновенной участи всѣхъ издающихъ благонамѣренныя сочиненія. Между тѣмъ однакожь всегда вносилъ я свѣщу свою подъ темную свѣнь невѣжества, гдѣ всякой могъ возжигать собственной свѣпильникъ, и каждый возжигая оный, могъ озариться свѣтомъ его. — Если же придетъ какой нибудь злодѣй и задуетъ небольшое пламя свѣщи моей, то въ томъ будетъ не моя вина: Отецъ Свѣтовъ, обитающій въ горнихъ селеніяхъ, и Которому извѣстны сердца человѣческія, узнаетъ, для чего онъ здѣлалъ сіе.

Г Л А В А І.

Р е л и г і я.

Мудрецы всѣхъ временъ чувствовали слабостъ своего разума. Платонъ говоришъ: «Человѣкъ не знаешъ, что пріятно Богу, и пошому конечно надѣяшся можно, что сіе Высочайшее Существо умилосердишся надъ нами и низпошлетъ намъ учителя, который насъ наставишъ насъ въ мудроси.» Сократъ изъявляешъ такоежъ желаніе. Въ гласъ разума, озареннаго просвѣщеніемъ, молящій Небо о низпосланіи ему въ помощь Откровенія!

Какое слабое созданіе человѣкъ, говоришъ Монпанъ, ежели не укрѣпитъ себя небесными средствами: ужасныя заблужденія, унижавшія его во всѣ времена, ясно сіе доказывающъ.

Разумъ , говоришь Баиль , есть источникъ разрушенія , а не созиданія ; онъ только что способенъ рождашь сомнѣнія.

Религія низпослана съ неба для того, чтобы очистишь разсудокъ и вознаградишь въ немъ недоспашокъ яснаго понятія. Не совсѣмъ еще испорченный разумъ чувствуетъ сію потребность, познаешь сего Божественнаго вождя, покоряешься ему, и въ такомъ поведеніи самаго себя ощущаешь увѣришельность, которой прежде недоставало ему. И такъ, если человѣкъ будетъ управляемъ непосредственно самимъ Виновикомъ его разума, тогда не для чего ему будетъ опасаться болѣе заблужденій.

Но какъ можно оплести истинную Религію опложныхъ, наполняющихъ всю землю, и которыхъ опчасти господствуютъ на оной? Ее должно узнавать лишь по ея прочно-

спи, чистотѣ и превосходству ученія. Іудейскій законъ единъ только имѣетъ всѣ сіи признаки и непосредственно ведетъ къ законамъ Іисусовымъ.

Философія зрѣтъ въ людяхъ только бѣдствія и противорѣчія; но Религія опдѣляетъ хаосъ сей и примиряетъ человека съ Богомъ, самимъ собою и всею природою.

Если бы существовала въ мірѣ одна только религія, то конечно была бы она Религія истинная. Мы не можемъ спросить Божество, для чего допускаетъ оно владычествовашь на землѣ столькимъ ложнымъ сектамъ; но при томъ увѣрены одинаково, что не всѣ онѣ равно несправедливы.

Если изъ введенныхъ на земли богослуженій нѣтъ ни одного праведнаго, ежели нигдѣ нельзя найти истинны: то Богъ ни что иное есть, какъ

неправедный власишель, создавшій слабыхъ пварей для того только, чшобъ предашь ихъ на произволъ жи и заблужденія; но возможно ли мыслишь такимъ образомъ! . . .

Совершенно прошивно величію Божію, говорящъ наши деисшы, заключаешь его въ шѣсныхъ предѣлахъ храма: вселенная есть храмъ его, а сердца наши должны бышь его жертвенниками. Гордый софизмъ! а потому-то они и предполагають, что человекъ есть Ангелъ; но, какъ объясняеся Паскаль, кто хочетъ сдѣлаться Ангеломъ, тотъ дѣлаеся животноымъ.

Что до того нужды, говоришь вольнодумецъ, подъ какимъ бы то образомъ, подъ какимъ бы то именемъ ни поклонялись Богу; но безъ сомнѣнія одна только жертва сердецъ можетъ бышь ему пріятна. Христіанская же Религія есть единая предписывающая сіе; прочія же

напрошивъ того по большой части
только безчестяшъ имя Божіе, про-
славляя его своими пресупленіями;
и пошому она должна бышъ Религія
испинная.

Положимъ даже, что всѣ и вся-
кое богослуженіе хороши, однакожь
догматы Хриспіянскіе всегда заслу-
живающъ преимущесшво, ибо всѣ
вообще должны прославляшъ Хри-
спіянсшво по крайней мѣрѣ пошому,
что человѣкъ, понявъ совершенно
свяшыя его качесшва, не можетъ
опвергашъ онаго, зная, что оно
всегда и во всякомъ случаѣ ешъ
вѣрное для него прибѣжище.

Люди чувсшвовали во всѣ време-
на, что ешъ надъ ними нѣкошорая
власшъ; но опдавшись на произволъ
своей чувсшвенности, они приписы-
вали сей власши также всѣ свои мы-
сли и слабосши. — Въ Аѣинахъ по-
читали пресупленіемъ говоришъ о
вещахъ духовныхъ.

Что значили нечестивыя бого-
служенія древней Греціи и Рима? Что
значили праздники, установленные
въ честь Бахуса, Адониса и Сивиллы?
Что значили всѣ ихъ жертвоприно-
шенія, при которыхъ закалали чело-
вѣковъ? Не уже ли прославлялось тѣмъ
имя истиннаго Бога?—Ни мало: еже-
ли шакія церемоніи были въ честь
нѣкоторымъ духамъ, то конечно
были они не добрые духи.

Теперь предлагаю другой вопросъ:
отъ чего шакая склонность людей
къ идолопоклонству?—Она произхо-
дитъ отъ потребности, чувству-
емой человекомъ имѣть очевидное
или чувственное доказательство,
которое могло бы подтвердить связь
его съ Божествомъ. А отъ того
произошли жертвы, чистилища,
освященія, и всемъ онымъ воспользо-
валось попомъ суевѣріе; однакожь
даже и сіи самыя излишества дока-
зываютъ необходимость внѣшней
подпоры человѣчества.

Далѣе спрашивается: какой есть
 тотъ всеобщій законъ, который Фи-
 лософы наши выдають единствен-
 но достаточнымъ? Конечно не тотъ,
 который между всѣми сокрытъ во
 мракъ и находится подъ покровомъ
 предразсудковъ. Признаваемъ ли былъ
 законъ сей между древними народа-
 ми, которые посрамляли своихъ
 женщинъ и приносили въ жертву
 подобныхъ себѣ челоуковъ? Извѣ-
 стенъ ли онъ Азіатскимъ націямъ,
 гдѣ серали наполнены прекрасными
 невольницами и мущинами, кото-
 рыхъ для охраненія первыхъ столь
 жестоко посрамляютъ? Господ-
 ствуетъ ли онъ между дикими пле-
 менами, которые жарятъ и пожи-
 рають враговъ своихъ, убиваютъ
 посѣдѣвшихъ своихъ опцовъ, поки-
 дають дѣшей и содѣлываютъ ихъ
 добычею звѣрей кровожадныхъ. Все
 это есть у тѣхъ народовъ приня-
 тое обыкновеніе и вкоренившійся
 обычай, а не такъ какъ у насъ рас-
 пуштво, достойное жестокаго
 наказанія.

И такъ , гдѣ же введена сія натуральная Религія, о которой безпрещанно швердытъ намъ ? — На землѣ нѣтъ ее: она находится только въ воображеніи нашихъ философовъ, и каждая ихъ голова имѣетъ оную особенную. Едва ли когда либо приведутъ они въ совершенство непремѣняемый символъ, который могъ бы указать намъ путь къ истинной вѣрѣ.

Почти всюду худо познаваемая натуральная Религія существуетъ во всей своей важности и чистотѣ въ одномъ только Священномъ Писаніи. Любишь Бога, посвящаешь ему все бытіе свое ; съ терпѣливостію принимаешь какъ благое, такъ и злое и даже самую смерть; любишь братьевъ своихъ, подаешь имъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей; пользуешься земными благами такъ, чтобы чрезъ нихъ пріобрѣсти себѣ вѣчныя—гдѣ сіе можно найти иначе, какъ не въ Религіи Иисуса Христа, Спасителя нашего.

Законъ сей , предписанный чело-
вѣку при самомъ его созданіи , и
вскорѣ потомъ забытый его попом-
ками , сохранился только въ ис-
стинной Религіи; и когда началъ онъ
безпрерывно соблюдаться между из-
браннымъ классомъ людей, Христосъ
снизшелъ на землю для усовершен-
ствованія онаго и для подкрѣпленія
нашей слабости , столько препяш-
ствующей вѣрному его исполненію.

Религія перваго челоѣка естъ
теперь также и нашею. Она, какъ
сказашъ, имѣла различные возрасшы;
еднакожъ основаніе оной всегда бы-
ло одно и то же. Въ младенченствѣ
своемъ была она только семействен-
нымъ преданіемъ , сохранявшимся
между Папріархами; на послѣ того,
какъ люди довольно умножились въ
числѣ своемъ и уклонились отъ сихъ
истинъ, Богъ избралъ одинъ народъ,
кошорому чрезъ Моисея предписалъ
Религію, заключающую въ себѣ часъ
полищическаго усщроенія ; и эшо

было третьею эпохою. Какъ наконецъ обѣщанный во всѣхъ сихъ вѣкахъ Христосъ проповѣдалъ законъ свой, который есть общій и долженъ просвѣтити собою всю вселенную.

Истинная Религія долженствуетъ быти едина со всякое время; она началась вмѣстѣ съ міромъ и съ нимъ только окончится. Вѣра Христіанская, по свидѣтельству Старого Завета, соединяетъ всѣ столѣтія. Ожидаемый Мессія, пришедый и признанный, былъ всегда главою и предметомъ единственной Религіи, которая съ самаго начала міра велишь поклоняться единому истинному Богу.

Религія не обязана распространеніемъ своимъ климату, какъ по думаютъ сіе нѣкоторые, въ новѣйшія времена существующіе: ибо еще съ перваго столѣтія распространилась она на Сѣверъ, Югъ и во дру-

гихъ совершенно противоположныхъ между собою климатахъ. Божескія дѣйствія не подчинены физическимъ причинамъ, но напрошивъ того сами управляющъ оными.

Чудо для всѣхъ вообще странное есть то, что Христіанская вѣра, проповѣдывающая сверхъ-естественныя совершенства, была принята народами въ то время, когда пороки достигли высочайшей степени. Первобышныя церкви возникли въ городахъ, преданныхъ необузданной роскоши, и введеніе оныхъ оказало первое чудо, то есть Евангеліе произвело въ нихъ совершенное преобразование.

Христіанство, очищенное отъ всего излишняго, что примѣшали къ нему люди, являясь въ глазахъ просвѣщеннаго разума изящнѣйшимъ твореніемъ Божиимъ: оно болѣе изумляетъ душу, нежели самое мірозданіе.

Есѣли скажущѣ мнѣ, что Хри-
стова Религія не естѣ истинная,
то пусть укажущѣ мнѣ истинную;
и есѣли будущѣ опвѣчаютъ, что
истинная Религія не сущесѣвуетъ,
или есѣли будущѣ утѣрждають,
что помраченный разумъ долженъ
заступитъ ея мѣсто: то разсмо-
три внимательнѣ слѣдствія такого
утѣржденія: не будещѣ ли сіе зна-
читъ опѣргать Провидѣніе и сдѣ-
латься безбожникомъ.

Ежели несправедлива исповѣдуемая
мною Религія, говоритъ Ла-Брюй-
еръ, то это самыя искусныя силки,
которыя когда либо могли бытъ раз-
спавлены, пошому что ихъ никакъ
избѣжать невозможно.

На земли сущесѣвующѣ три ве-
ликія Богопочитающія общества,
покланяющіяся Богу, какъ шворцу
своему. Іудеи ожидаютъ еще Мессіи,
своего избавителя, котораго Хри-
стіане признають во Іисусѣ Хри-

ствѣ. Музульмане соглашаются, что Хриспосѣ есть посланникъ Божій; однакожь ушверждають при томъ, что онѣ долженъ ошдашь преимущество ихъ пророку. И такъ большая часть земли свидѣтельствуетъ о Хриспѣ, хотя и опвергаетъ его Божественность.

Всѣ народы вѣрили, что Божество снишло на землю дашь законъ челоѣкамъ; между всѣми народами сдѣлалось общимъ преданіемъ, что боги ихъ посредствомъ своего сѣнимъ обхожденія должны научить ихъ, и сіи преданія надлежишь почитать драгоцѣннымъ признакомъ общованій, кои сдѣланы челоѣческому роду при самомъ его рожденіи.

На вопросъ: для чего Богъ допустилъ, чтобы Магомешанство распространилось по большей части обитаемаго нами шара? опвѣстивую: знаемъ ли мы, что можеть

Религія.

В

бышь всѣ сіи народы уклонены
чрезъ то отъ грубаго идолослуже-
нія, подобно какъ нѣкогда Іудеи,
живущіе разсѣянно между ими, при-
зывались къ наслѣдію Христову, не-
посредственно возвѣщенному лже-
пророкомъ.

Ежели обозрѣшь вообще всѣхъ
человѣковъ, тогда между множе-
ствомъ мірній, ихъ раздѣляющихъ,
увидимъ небольшое общество, со-
храняющее твердую и постоянную
вѣру. — Мудрый старается всяче-
чески соединиться съ симъ тихимъ
и мирнымъ обществомъ, которое
не страшится никогда и никакихъ
бурь Религіи.

Религія не такая вещь, которую
было бы можно разсмащивать толь-
ко для препровожденія времени:
нѣтъ, но ее должно изслѣдывать
какъ единственно важный предметъ,
отъ котораго зависишь болѣе, не-
жели жизнь на земли. Сколь слабы

средства , употребляемые нами для поклоненія Божеству ! Еслибъ Несомворенная Премудрость не управляла человѣчествомъ, то никогда не могло бы оно исполнить своего долга.

Благодать того священнаго огня, для возженія кошораго Христосъ снизшелъ на землю, есть пламя, пылающее собственно въ сердцахъ Христіанскихъ; оно есть та превосходнѣйшая добродѣтель, которая соединяетъ между собою не только человѣковъ, но Ангеловъ и самаго Бога.

Сія верховная добродѣтель, явившаяся уже во всемъ своемъ блескѣ при самомъ возникнушіи Церкви, изумила язычниковъ. Лукіанъ дослославно свидѣтельствуетъ о первыхъ Христіянахъ, и Императоръ Юліанъ, явный ихъ врагъ, приспыхаетъ язычниковъ чувствительностію Галлилеянъ (какъ онъ обыкновенно)

новенно называлъ ихъ) къ бѣднымъ своимъ собратамъ и даже бѣднымъ между язычниками.

Христіянская Религія не оплущаетъ людей одного отъ другаго, въ чемъ упрекали оную враги ея. Уединенная или пуспынная жизнь подобна дѣвству: немногіе пользуются оной. Да Христіянство и не требуетъ сего: исповѣдующій оное можетъ быть художникъ, солдатъ, купецъ и судія; но при всемъ такомъ различіи въ званіи хранивъ свое превосходство, опличающее его какъ Христіянина.

Всѣ дѣйствія Христіянина облагораживаются Религіей. Лишь только развернешя его разумъ, какъ Религія призываетъ уже его къ исполненію обязанностей, которыя при самомъ даже его рожденіи вмѣстѣ съ именемъ Христіянина содѣлались его жребіемъ и обновили его. Ежели онъ избретъ общество,

тогда поржеспвенныя одобренія освящяшъ сіе избраніе. Оно, по причинѣ его слабости, подасшъ ему средства возсшашъ при паденіи и примиришъ его какъ съ Богомъ, такъ съ самимъ собою; и наконецъ на смертномъ одрѣ найдешъ онъ въ немъ утѣшеніе, которое гораздо превышаетъ удовольствія, доставляемыя міромъ, и кои являющяся тогда ничтожны въ глазахъ его.

Люди, обозрѣвающіе только вообще политическія общества, на которыхъ Религія имѣетъ лишь слабое вліяніе, спрашивающъ, что произвела она въ нихъ. Въ частности произвела она великую перемѣну; она дѣйствуетъ на сердце каждаго человека.—Христосъ пришелъ vybrать изъ общества только нѣсколькихъ, а не все общество, которое существуетъ болѣе для міра, а не для него.

Религія излечила не всю землю

отъ пороковъ, но показала ей убѣдительное зрѣлище добродѣтелей, которое прежде ея было еще неизвѣстно свѣту. Ей обязано человѣчество, что узы рабства свалились съ него; она открыла немощнымъ и старымъ надежное пристанище; она приходитъ на помощь даже къ самымъ прегрѣшеніямъ, сходитъ въ мрачныя темницы, восходитъ на кровавый эшафотъ и спѣшитъ на краешокъ міра.

Философы нашего вѣка всегда восхваляють добродѣтели язычниковъ, гостепріимство невѣрныхъ, искренность и безкорыстіе дикихъ народовъ и человѣколюбіе мудрецовъ ихъ. Но чтожь прошивоплагають они всему оному?—пришворное благочестіе и лицемѣріе нѣкоторыхъ Христіанъ, неисповѣдство и распущенство нѣкоторыхъ служителей вѣры, глупость и суевѣріе нѣкоторыхъ слабыхъ душъ. Нѣтъ ни одного злоупотребленія, котораго бы они не

увеличили ; все , что осуждаетъ Религія , приписываютъ ей ; и истинный Христіанинъ , который никогда не былъ имъ извѣстенъ , и о которомъ не имѣли они даже истиннаго понятія , по несправедливому ихъ приговору , подвергается спра- жайшему наказанію.

Заповѣдь любишь Бога отъ всего сердца возвѣщаетъ уже божественное ученіе , внушая къ себѣ страхъ и уваженіе. Одна только истинная Религія говоритъ намъ о любви и доставляетъ побудишельныя къ тому причины.

Ежели повелѣваешься намъ любишь Бога паче самихъ себя — заповѣдь , отъ которой происходятъ всѣ прочія — то мы не должны одинаково думать , что Богъ имѣетъ надобность въ любви нашей ; но заповѣдь сія дана намъ для того только , что шварь не можетъ быть щаслива , ежели не будетъ сохра-

нятъ себя въ порядкѣ. Но порядокъ сей пребуешъ, чшобъ она во всемъ обращалась къ Богу, Творцу своему. Прошивишся же сему, или не хотѣшъ исполнишъ онаго значишъ нарушишъ непремѣняемый, вѣчный законъ. И ежели Религія повелѣваетъ человѣку любить Бога, то подъ симъ не иное разумѣть должно, какъ что она хочетъ чрезъ то содѣлать его весьма щасливымъ.

Гордосъ приковываетъ насъ самихъ къ себѣ и есть важная причина нарушенія закона; она есть единственнѣйшій порокъ души, наиболѣе прошивный цѣли, для кошорой мы созданы; она-то убѣждая человѣковъ при собсшвенныхъ способностяхъ воспаритъ къ Богу, начерпываетъ ему планъ произвольной Религіи, гдѣ каждый назначаетъ себѣ законы по собсшвенной волѣ своей.

Для чего долженъ человѣкъ чшипъ

Бога? Для того, что онъ будучи оскверненъ грѣхами своихъ родителей и собственными, могъ только посредствомъ чуда благоспи Божіей примиришься съ Божествомъ, и сія Божественная благоспъ дѣйствительно произвела сіе чудо такъ, что жертва наша достигла высочайшей цѣны своей предъ Творцемъ міра.

Одна только Хриштова Религія прославляетъ Бога такъ, какъ онъ сего желаетъ, ибо приноситъ ему въ жертву только собственные дары его. Церковь безпрестанно напоминаетъ намъ о Спасителѣ; Христіанинъ же, внутренно увѣренный въ своемъ ничтожествѣ, долженъ на него только надѣяться и имъ только достигать своего достоинства.

Смиреніе, которое философы наши почитаютъ подлостью, есть напротивъ того благородное ка-

чество: ибо человекъ самъ по себѣ
 есть ничто. Христосъ дѣла бла-
 городѣйшая, которая когда либо
 бышь могла, смирилъ себя, какъ
 онъ самъ говоришь, для того, ибо
 видѣлъ, что возвышеніе его было
 истинный даръ благодаши. Святые
 также смирились. Небо есть вмѣ-
 стилище смиренія. Честъ и слава
 принадлежашъ единому Богу.

Не предразсудокъ, не случай
 рожденія содѣлали меня Христіа-
 ниномъ. Ежели душа моя въ дѣш-
 сѣвъ, бывъ еще немощна, приняла
 характеръ Христіанина не изслѣ-
 довавъ его, то въ послѣдствіи по-
 знала превосходство онаго. Въ ка-
 кой бы я ни былъ рожденъ Религіи,
 но съ воспоргомъ принялъ бы вѣру
 Христіанскую, хотѣвъ только ны-
 нѣ получилъ первое въ ней настав-
 леніе.

Человекъ изчисляетъ печеніе
 планетъ, господствуетъ надъ спи-

хіями, имѣешъ Физику, Историю, Законодательство — все сіе получилъ онъ отъ Бога: и такъ, уже ли долженъ опказать ему въ единственномъ дарѣ, единственномъ, для котораго всѣ прочіе содѣланы — въ Религіи.

Лиши землю Религіи — и свѣтъ будешъ тогда хаосъ произшествій безъ всякаго плана и связи; тогда человекъ, сдѣлавшись звѣремъ, или скипаясь между оными, не познаешъ болѣе ни того, какую степень занимаетъ между прочими существами, ни того, какое долженъ сдѣлать употребленіе изъ онаго; тогда безъ цѣли и правилъ будешъ онъ скипаться въ излучистомъ лабиринтѣ, гдѣ нѣтъ инаго приспанища, кромѣ смерти.

Ежели естъ на земли хопя шѣнь щасія, то оное свойственно только человеку, имѣющему Религію; и какъ онъ всегда находишся предъ

глазами любящаго его Опца, по и
 въ подобныхъ себѣ видишъ только
 друзей и брашій, въ живописныхъ
 служишелей, въ расшніяхъ различ-
 ные роды пищи и лекаршва; въ
 природѣ же присущшвіе Господа,
 копорый всегда печешся о' его нуж-
 дахъ. И шамъ, гдѣ ненасытный че-
 ловѣкъ находишъ только причину
 къ ропосу, онъ имѣешъ случай из-
 лишъ предъ Творцемъ благодар-
 ность свою.

Кшо повинуется Религїи и оду-
 шевленъ духомъ благодаши, онъ нее
 происходящей; шомъ въ одинъ день
 имѣешъ болѣе ушѣхъ, нежели рос-
 кошный мірянинъ во всю жизнь
 свою. Сколь чисто и усладительно
 чувшво изящныхъ душъ, когда они
 изъ любви къ Богу благодарштельсш-
 вуюшъ! Эшо живой знакъ Божїяго
 къ намъ благоволенїя, шакъ какъ
 угрызенїе совѣспи ешъ ужасный
 признакъ гнѣва его, карающаго по-
 рочную душу.

Г Л А В А II.

В Ъ Р О В А Н І Е.

Ежели сущесшвуешъ Богъ, Творецъ неба и земли, то долженъ онъ имѣть власъ надъ своими швореніями, и сія власъ налагаетъ на нихъ извѣспныя обязанности, изчисленныя въ законѣ, изданномъ самимъ Богомъ для человѣковъ. И пакъ вездѣ, гдѣ Богъ и человѣкъ, безконечное и конечное имѣющъ опношеніе одно къ другому, тамъ должно бытъ мисперіи.

Но и безъ мисперіи, говоритъ невѣрующій, повиновались бы Религіи; однакожъ совсѣмъ напрошивъ: безъ мисперіи Богъ не присущесшвуешъ въ Религіи, ибо онъ самъ есть величайшая изъ всѣхъ мисперій, и все опъ него произходящее должно пакже имѣть карактеръ оной.

А пошому незразумишельность догмашовъ вѣры должна бытъ неразлучна съ божесшвенною Религіею. Всѣ дѣла Божіи, даже и шѣ, копорыя подлежатъ чувспвамъ нашимъ, какъ-шо, созданіе міра и печеніе онаго, неприсшупны слабому нашему разуму.

Когда имѣемъ мы доказательсшва, что Опшкровеніе снисходишъ свыше и есть вѣщаніе самаго Бога, шо уже ли должны удивляшъся, что онъ сего возбуждающся въ насъ нѣкоторыя мысли, приводящія насъ въ недоумѣніе. Рузумъ мой изумляешся мисшеріямъ, но представивъ себѣ величіе Божіе, я уже не удивляюсь болѣе, что онъ есть въ шрехъ лицахъ единое сущесшво; что можешъ все предвидѣшъ, не лишая меня при шомъ воли моей. Я не удивляюсь шога болѣе, что правосудіе его шребовало награды, сопшвѣшсшвенной его величію; что его благосшъ и человѣколюбіе учи-

нили сіє возмездіє , и что онѣ избѣ
нѣдрѣ своего милосердія занялѣ тай-
ну воплощенія — тайну , кою которой
нѣтъ ничего превосходнѣе: ибо Ре-
лигія представляеѣ ее намѣ какѣ
высочайшую благослѣ непоспѣжи-
маго Бога.

Религія или не должна ничего го-
ворить намѣ о Богѣ, или говорить
о немѣ непоспѣжимыя вещи , хотя
бы то была одна капля избѣ океана
совершенствѣ его: и такѣ, могутѣ
ли понять ее наши мечтатели!

Вѣ величїи Христїанства дол-
жны находитьсѣ божественныя чер-
ты, подтверждающїя истину онаго.
Надобно взять вѣ разсужденіе ус-
спройство его и цѣль его догма-
товѣ, чтобѣ избѣ сложенія Религіи
познать дѣло Превѣчнаго.

Пусть кричатѣ намѣ наши фило-
софы, что все есть добро на свѣтѣ,
но чувства увѣряютѣ насѣ вѣ прошив-

номъ. Зло, управляющее міръ сей какъ физической, такъ и нравственной, и которое оканчивается смертію, не могло существовать въ первобытномъ планѣ милосердаго Бога; оно доказываетъ только испортившуюся нашу натуру. Нравственное зло произошло отъ порчи человѣчества, а физическое отъ нравственного зла: бѣдствіе, сраданіе, болѣзни и смерть содѣлались печальнымъ слѣдствіемъ заблужденія и порока.

Первородный грѣхъ, который безбожникъ отвергаетъ какъ небылицу, обнаруживаетъ состояніе человеческого рода, которое безъ того было бы для насъ загадкою. Большое число народовъ имѣютъ о томъ свои различные толки. Цицеронъ говоритъ: кажется, что человѣкъ въ здѣшнемъ свѣтѣ будетъ наказываться за преступленія, учиненныя имъ въ предшествовавшую жизнь его. И Платонъ сказалъ гораз-

до прежде сего философа: кажется, что естество и способности человеческія испортились еще въ его праотцѣ. Такимъ образомъ Ошкровеніе подтверждаетъ, о чемъ человеческій разумъ только догадывается.

Христіанство есть единая Религія, ясно показывающая человеку его слабость, ничтожество и необходимость сверхъестественной помощи; одно оно заключаетъ неразрушимый союзъ между имъ и Богомъ. Мысль объ Отцѣ, показывающемъ дѣшамъ своимъ путь, коимъ должны они слѣдовать, есть и пребудетъ для меня драгоценною.

Вѣра научаетъ меня, что Божественный свѣтъ, все создавши и освѣщающій человека отъ самаго его рожденія, готовъ еще и послѣ паденія снова возвести его къ утраченному имъ достоинству; а чтобы оныя возвратили его на

Религія. Г

пушъ истинный, по благоволилъ онъ сойти къ нему въ священномъ воплощеніи Іисуса Христа. Сія вѣра вѣщаетъ мнѣ, что всѣ вѣрующіе въ него чрезъ него будутъ чада и друзья Божіи. И сей небесный Владыко блистательнѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о себѣ. Я вижу, что всѣ послѣдующіе ему подлинно обновились въ существѣ своемъ, между тѣмъ какъ прочіе пресмыкаются во прахъ порока. Въ восторгъ радости приступаю я къ первымъ и познаю во Христѣ пушъ, истину и жизнь.

Вѣра не спрашивается излѣдованій добродѣтельного философа: чѣмъ что болѣе имѣетъ любви и чувства къ справедливости, тѣмъ тотъ болѣе ощущаетъ красоту ея; одно только нечесіе мнимыхъ остроумцевъ или развратившихся софистовъ препятствуетъ ея успѣхамъ.

Вѣра не въ томъ состоитъ,

чшобѣ вѣришь чудесамѣ, не имѣя на то доказательствѣ; но увѣряясь по непреложнымѣ свидѣтельствамѣ, которыхѣ разумѣ хощя не поспигаешь, однакожь допускаешь.

Оскорбительно для вѣры думать, что она пребуешь въ жертву разсудка: нѣтъ, но онѣ есть основаніе вѣры. Вѣра сія минуешь на небѣ, гдѣ всѣ обяснятся; но разсудокѣ останется на вѣки.

Разсудокѣ навчаешь насѣ, что какое-то верховнѣйшее существо создало міръ сей; что Богѣ даровалѣ человѣку душу, переживающую шло; что онѣ долженѣ ему опираться. . . Вѣра подтвердила сіи истины и превращаетѣ сомнѣнія въ увѣришельность.

Хощя человекѣ сколько ни спарается содѣлать себѣ Религію правиломѣ ученія; однакожь она можетѣ только учинить его способ-

нымъ къ вѣрованію, или пригото-
вишь его къ вѣрѣ, но не даровашь
ему оную. Вѣра есть свѣрхъвѣспе-
ственный даръ, котораго Богъ удо-
стоиваетъ только чистое и по-
корное сердце.

Вѣра господствуетъ надъ раз-
судкомъ, милосердіе надъ природою,
а благодать надъ любовію къ само-
му себѣ. Все происходящее отъ Бога
добро есть; но какъ человѣкъ дѣла-
етъ изъ всего злоупотребленіе, то
спасеніе его унижается, однакожь
милосердіе снова возноситъ его на
прежнюю высочайшую степень; или,
когда разумъ колеблется, вѣра
подкрѣпляетъ его. Ежелижъ ослѣп-
ляетъ его самолюбіе, тогда Благо-
дать открываетъ ему глаза и уп-
равляетъ имъ. Безъ помощи Господ-
ней и самые дары его былибъ для
насъ гибельными орудіями къ на-
шему бѣдствію.

Первая обязанность нашего раз-

ума естѣ знашь свои предѣлы, и
 коль скоро захочешѣ онѣ превзойти
 шѣлесную свою оболочку, то уже и
 лишается понятія. По сей-то са-
 мой причинѣ Божество благоволило
 приняшь наши органы, дабы шѣмѣ
 удобнѣе говорить нашимѣ чувст-
 вамѣ, или сдѣлашься вразумитель-
 нѣе нашимѣ понятіямѣ. Хотя раз-
 судокѣ и не способенѣ постигатьъ
 великихѣ истинѣ, ведущихѣ къ
 Богу, однакожь можешѣ познаватьъ
 ихѣ, когда онѣ будутѣ возвѣщены
 ему.

Безѣ вѣры большая частьъ физи-
 ческихѣ и даже моральныхѣ истинѣ
 были бы сомнительны, какѣ-то:
 бышіе Бога, его провидѣніе, бышіе
 души, даже существованіе шѣла —
 все было бы оспариваемо; одна
 только вѣра непоколебимо утвр-
 дила то, что разумѣ понималѣ не-
 совершенно.

Послѣ того, какѣ Божество бла-

говорило сообщиться съ людьми, то необходимо нужно было, чтобы вѣра вспомоществовала естеству его. Разумъ и вѣра имѣютъ одно и то же начало; но вѣру необходимо употреблять тамъ, гдѣ не дѣйствуетъ разумъ.

Вѣра наша заключается въ Св. Писаніи и преданіи, и въ нихъ-то находишся истинная Богословія; ибо что касается до Схоластики, то ее несправедливо называють хранильницею вѣры: это значитъ то же, что гору спряташь въ соломину.

Отъ Христа и до нашихъ временъ продолжались писатели, коихъ сочиненія столько же достоверны, какъ и Библія, которую они извѣщаютъ. Сии писатели полагають нашей охотѣ къ новизнамъ непреодолимую преграду.

Ничто во вселенной не можетъ

доставишь свидѣтельствъ, копорыя могли бы сравняться съ тѣми, на кои опирается вѣра наша. Они возникли вмѣстѣ съ міромъ и были проповѣдуемы отъ спольшїя до спольшїя. Христосъ содѣлалъ все истиною и ввелъ законъ, подтверждаемый множествомъ свидѣтелей, соединяющихъ настоящую минушу съ минушою мірозданїя. Пусть укажутъ мнѣ въ исторїи свѣта цѣпь, копораябъ споль же непрерывно продолжалась, и въ копорой бы каждое звѣно было споль хорошо соединено одно съ другимъ.

Ежели почишають текстъ Стараго Заваща за произведеіе челоувѣческое, то онъ есть драгоцѣннѣйшій памятникъ, соблюденный для насъ Провидѣніемъ. У насъ нѣтъ ничего, что бы могло сравняться съ его древностїю: ни Ведамъ Индѣйскій, ни многія древнія книги Кишайцевъ не проспираются далѣе 1500 лѣтъ до нашего лѣтосчисле-

нія. Ежели время и преданія раз-
 проспранили въ немъ нѣкошорую
 шемношу или невразумишельность,
 то это не должно бытъ предме-
 томъ кришики, кошора гоняешся
 за всякою бездѣлкою, но нужно
 возникнуть въ сущность онаго.

Гуспинъ назвалъ Авраама Царемъ
 Дамасскимъ, далъ ему въ сыны Из-
 раиля и повелѣлъ сему послѣднему
 произвеси на свѣтѣ десятерыхъ
 дѣшей. Онъ повѣствуетъ всю ис-
 торію объ Іосифѣ и обвѣщаетъ
 Моисея сыномъ его, а между про-
 чимъ говоритъ, что Египтяне из-
 гнали народъ Іудейскій по причинѣ
 его проказы; что сей народъ, выйдя
 опшуда подъ предводительствомъ
 Моисея, увезъ съ собою Египет-
 скихъ боговъ и былъ за то преслѣ-
 дуемъ симъ народомъ; но какъ Егип-
 тяне были испреблены грозою то
 Моисей повелъ народъ свой въ пус-
 тыни, и въ седьмый день, который
 праздновалъ какъ день ошдыха, взо-

шелъ на гору Синайскую. И такъ повѣствованіе сіе хошя и искажено, однакожь служишъ несомнишельнымъ доказательствомъ истины Священнаго Писанія.

Невѣрные поржествуютъ, прошивополагая малозначущій народъ Іудейскій великимъ націямъ; но всѣ сіи націи, споль славныя, показывають намъ шолько человѣческое: онѣ подобны великимъ рѣкамъ которыми не лзя найши слѣда болѣе.

Народъ Іудейскій имѣетъ неизгладимые признаки и существуетъ еще. Города и царства исчезають, подобно какъ умирають слабые основашели оныхъ; но законъ, данный Іудеямъ, носишся невредимомо по всепоглощающему океану временъ.

Цѣлостъ Іудейскаго народа, сохранившаяся въ печеніи осмнадцати вѣковъ, есть чудо, всегда находящееся предъ глазами нашими.

Религія.

Д

Сей народъ единспвенно и во всякое время признавалъ и поклонялся истинному Богу. Онъ есть храни- шель его оракула, избъ среды его ис- шекли лучи свѣта. Пресшупленіе онаго состоишъ въ томъ, что онъ не позналъ сего свѣта, и за сіе пресшупленіе былъ наказанъ своимъ паденіемъ. Всѣ усилія къ возстанов- ленію его были тщешны; однаковъ также всѣ насилія, и даже ужаснѣй- шія смершоубійства, произведенная надъ нимъ между многими народами, среди коихъ онъ былъ разсѣянъ, не могли испребишь его.

Подлинникъ Новаго Завѣта и пе- реводъ седмидесяти полковниковъ писаны на грубомъ и необработан- номъ Греческомъ языкѣ, кошорымъ говорилъ народъ въ то время. Это доказываешъ, что слово Божіе не имѣешъ надобности въ краснорѣчіи. Сочиненія славнѣйшихъ философовъ гораздо ниже сего грубаго Грече- скаго языка, не смошря даже на кра-

спорѣчіе, съ каковымъ извѣсняяш-
ся шамъ всѣ вещи.

Мудрецы всѣхъ временъ, шакъ
сказашъ, произносили шолько не-
понятныя звуки, когда хопѣли го-
воришъ о Божествѣ и предназначе-
ніи человѣческомъ. Въ послѣднія
времена они шакъ же, какъ Плашонъ,
по основательности своихъ правилъ
прозванный божественнымъ, полу-
чили ихъ опъ всюду разсѣянныхъ
Иудеевъ. Самъ Пифагоръ былъ обрѣ-
занъ, и даже новыя наши философы
должны благодарить Опкровеніе,
на кошорое шолько нападающъ.

Въ сочиненіяхъ сихъ мудрецовъ
можно найши нѣкошорыя истины; но
въ Священномъ Писаніи собраны онѣ
всѣ въ надлежащемъ порядкѣ. Руссо
говоришъ, что Евангеліе и безъ чу-
десъ убѣдило бы каждаго.

Остроумцы наши чишающъ и не
могушъ довольно начишашся Пла-

шона, Сенеки, Цицерона; нѣсколько разсѣянныхъ искръ свѣта въ сочиненіяхъ сихъ философовъ приводящъ ихъ въ удивленіе, оканчивающееся восторгомъ; а лучи яснѣйшаго свѣта, озаряющіе всѣ слова Іисусовы, едва ихъ прогають. Отъ чего жъ происходитъ сіе несправедливое предпочтеніе?—отъ того, что философы только совѣтуютъ то, что Христосъ повелѣваетъ дѣйствительно.

Суешнымъ людямъ Священное Писаніе кажется темно и исполнено противорѣчій. Кришика и коварство припыкаются къ нему со всѣхъ сторонъ—между тѣмъ какъ сердце чистое находитъ въ немъ скрытую манну.

Евангеліе есть наставленіе въ чистотѣ и совершенствѣ. Оно шоль превyšаетъ суешное созерцаніе сего міра, что живо чувствовашъ можно, что одинъ только

Богъ былъ въ состояніи дать людямъ такое ученіе, на которомъ основывается вѣра просшаго вѣровавшаго; неспособнаго испытывать или искажать доказательствъ.

Догматъ воплощенія, основаніе нашей вѣры, безъ сомнѣнія далеко превышаетъ нашъ разумъ, который никогда не можетъ объяснить сего, не взирая на то, что оный догматъ не противенъ пониманію. И хотя подлинно было бы противъ разсудка сказать, что во Христѣ естество Божіе соединилось съ нашимъ, что оно пострадало, и что Христосъ, какъ Богъ, удовлетворилъ во всемъ Божество; но вѣра наша говоритъ намъ, что оба естества были различны одно отъ другаго, и что одно только естество человеческое пострадало и удовлетворило Бога.

Враги истинной вѣры приписываютъ Христіанству непостижимости,

и шѣмъ уличають насъ , какъ-то дѣлали сіе прежде язычники, ибо не знають догматовъ нашихъ; но есѣлибъ знали они, что мы даже и во Іисусѣ Христѣ покланяемся единому Богу, и что Христосъ по человѣчеству есѣ братъ нашъ, то конечно не сдѣлалибъ сихъ упрековъ.

Нелѣпо, говоритъ Іеронимъ , думать, что Божество, исполняющее собою всю вселенную, могло заключишься внутри шѣснаго пространства человѣческаго шѣла ; но онъ не зналъ, что слово сохранилось цѣло въ Сынѣ человѣческомъ , ибо есѣство Божіе нераздѣльно, и Сынъ Божій въ одно и то же время былъ какъ въ нѣдрахъ Отца своего, такъ и среди человѣковъ.

Въ сей великой шайнѣ человѣкъ возвысился уже и шѣмъ, что Божество удостоило принять на себя его напуру , не причиня никакой перемѣны въ своей божественности;

и между пѣмъ какъ Хриспосъ, яко человекъ, совершилъ свое назначеніе на небольшомъ краю земли, исполнилъ однакожь, яко Слово, небо и землю своею славою.

Та же самая благодать, по кошорой Богъ сошворилъ человека, побудила его равно и послѣ паденія онаго возвести въ прежнее достоинство, и сіе второе благодѣяніе споль же мало уменьшаетъ его величіе, какъ и первое.

Уже ли унизилъ себя Богъ пѣмъ, что создалъ міръ сей и собственною рукою начерпалъ различные виды великаго множества животныхъ, подчинилъ все сіе человеку и далъ ему волю, кошорая, кажется, дѣлаетъ его почти соучастникомъ его опредѣленій? Могъ ли онъ унизиться совокупясь съ освященнымъ человекомъ, кошорого угодно ему было поставишь главою и образцемъ всего зримаго.

Всѣ возраженія прошивъ вочеловѣченія производяшъ ошъ ложнаго понятія, кошорое имѣемъ мы здѣсь на земли о чеспи, въ силу кошорой Царь не можетъ сообщаться съ рабомъ своимъ; но сіе иначе бываетъ въ отношеніи къ Богу, кошорому не съ кемъ болѣе сообщаться, какъ съ своими твореніями, пошому чшо нѣтъ существъ ни выше его, ни равныхъ ему.

Люди имѣютъ неправильное понятіе о величіи. Какъ всѣ математическія величины ничтожны прошивъ безконечныхъ, такъ точно и все наше нравственное величіе исчезаетъ предъ Несозданною Премудросшію; одинъ только Богъ есть истинное величіе, а твари заимствуютъ только нѣкоторыя чершы онаго Въ человѣчествѣ нѣтъ ничего болѣе Христа; нѣтъ истинной науки, кромѣ его науки.

Богъ конечно пошому удостоилъ

сообщиться съ человѣчествомъ, что
 изящнѣйшее находящся въ есте-
 ствѣ нашемъ. И такъ не сила и не
 слава человѣческая (кои суть вещи
 преходящія), но добродѣтель, и при-
 томъ въ высочайшей степени, ка-
 кую изображаетъ Соломонъ въ пра-
 ведникѣ, презираемомъ безбожника-
 ми и преданномъ поносной смерти—
 ради сего-то удостоилъ онъ насъ
 такого опличія. Сами язычники
 имѣли понятіе о семъ превосходствѣ
 гонимой добродѣтели. Она есть
 прекраснѣйшее зрѣлище, какое поль-
 зо земля доставить можетъ небу,
 говоритъ одинъ изъ древнихъ. Пла-
 тонъ доспыхвально повѣствуетъ о
 праведникѣ, который согражданами
 своими, осыпанными его благодѣя-
 ніями, былъ пригвожденъ ко кресту;
 но все сіе далеко еще не можемъ срав-
 ниться со Христомъ.

Суешные чловѣки не узнаютъ
 Христа подъ соломенною кровлею,
 но я не узналъ бы его подъ пурпу-

ромъ; они не узнають его въ свѣ-
тѣ двенадцати убогихъ, я не узналъ
бы его въ начальникъ многочислен-
ной арміи. Поруганіе, сопряженное
съ крестною смертію, совершен-
но удаляетъ ихъ отъ него; и одна-
кожь сіе-то самое поруганіе пред-
ставляетъ намъ послѣднюю харак-
теристическую черту его величія.

Всѣ законодатели были ни иное
что, какъ человѣки. Мойсей, Ілія
и всѣ Пророки назывались служише-
лями Бога. Могли-бы сколько ни
былъ дерзокъ, принялъ однакожь сіе
только шло. Не видно изъ все-
мїрной Исторіи ни одного человѣка,
кромѣ Христа, который бы на-
звалъ себя Сыномъ Божіимъ, едино-
сущнымъ Отцу, и который бы вы-
давалъ себя такимъ, не ожидая за
то иной награды, кромѣ смерти.

Ежели-бы догматы, столь прошив-
ный человѣческимъ понятіямъ, ка-
ковъ догматъ Іисуса Христа, могли

быть разрушимъ : по сему надлежало бы случишься тогда , какъ Аріанизмъ привелъ Церковь въ плачевное состояніе; однаковъ сей догматъ воспоржествовалъ и побѣдилъ какъ власъ Императора , такъ и буйство Аріанянъ , и пошому долженъ бытъ догматомъ Божественнымъ.

Извѣстно, что Папріархи и духовные Іудеи вѣровали въ Божественнаго Мессію и виновника справедливости. Талмудъ повѣствуетъ о спраждущемъ Спасителѣ. И въ самомъ дѣлѣ , какое можетъ быть участіе благоразумный человекъ въ побѣдишелѣ, обѣщанномъ во многихъ сшолѣтіяхъ; одни только грубые Іудеи могли ожидать, вмѣстѣ съ нашими худыми Хрисстіянами, шакого, кошорый бы удовлетворилъ ихъ високомѣрію.

Ожиданіе Мессіи и избавишеля было во времена Хрисшовы споль

общее, что Тацитъ повѣспивуетъ о-
шомъ, какъ о преданіи, распростра-
нившемся на всемъ Восшокъ. Лесъ
уподобляла ему тогда Веспасіана.
Вовсе не предполагали найши ис-
купищеля челоуѣческаго рода въ не-
большомъ городѣ Іудеи.

Хриспосъ являешся въ сіе время
въ такой наружности, кошорая бы-
ла болѣе его досшойна, нежели пыш-
носъ Царская. Прежде еще совер-
шенія своей жершвы предсказалъ
онъ основаніе своей Религіи и па-
деніе Іудейскаго царства. Двенад-
цать просполудиновъ возвѣщающъ
народамъ, преданнымъ роскоши и
гордой Философіи, осужденнаго на
смерть Евреянина, какъ Бога. Все
сбылось по предсказанію Іисусову:
соощичи его ввали въ цѣпи рабства,
разрушился храмъ, многіе народы
начали послѣдовашъ Евангелію, ору-
діе поноснѣйшей смерти уважаешся
государствами, и наконецъ самый
даже гордый Римъ, столица языче-

ешва, дѣлаешся столицею Христіян-
сшва.

Какое имя можетъ сравняшся
съ именемъ Христа? Сколько Богъ
прославилъ въ немъ человека? По сло-
вамъ его, дана ему власть на землѣ
и на небѣ; небесные духи подчине-
нены ему; онъ есть средоточіе и
связь всего шворенія.

Всѣ переворошны государствъ суть
лишь минушныя явленія; одна шоль-
ко та эпоха продолжшельна, для
кошорой всѣ прочія устроены —
эпоха Христова.

Когда Слово Божіе облеклось пло-
шю нашею, тогда Богъ заключилъ
союзъ съ человѣчествомъ. Избраніе
Христово есть шакже и наше из-
браніе. Люди, совокупленные Благо-
дашю, образуюшъ таиншвенную
цѣпь, кошорой каждое звѣно, соеди-
няясь съ Божествомъ, возношишъ къ
Богу, и всѣхъ крѣпко за нее держа-
щихся ведешъ къ Нему.

Христосъ, вознесясь на небо, не оставилъ землю : онъ присутствуе-
 ть теперь между нами такъ, какъ
 былъ нѣкогда во Іудеи. Какоежъ все
 сіе можетъ сдѣлать впечатлѣніе
 на тѣхъ, коихъ не прогаетъ
 присутствіе его на олшаряхъ на-
 шихъ, его священство и вѣчно су-
 ществующее ученіе, когда они уз-
 рятъ его преданнаго поруганію и
 вресной смерти.

Нѣтъ ни одной Религіи безъ жер-
 твоприношенія. Оно столько же
 древне, какъ и міръ. Жертва Нова-
 го Завѣша есть только воспомина-
 ніе воплощенія. Божіе слово, вѣчно
 существующее, имѣетъ и вѣчное
 дѣйствіе; оно есть то слово, кото-
 рое вѣщаетъ живошнымъ: *множи-
 тесь, расшѣніямъ произрастайте,*
 и сіе слово содѣлываетъ дѣйстви-
 тельнымъ присутствіе Іисуса Хри-
 ста на олшаряхъ нашихъ.

Все во Христѣ согласуется съ

его ученіемъ, проповѣдующимъ сми-
реніе и ошверженіе самага себя.
Будучи рожденъ ошъ бѣдныхъ роди-
телей, хошя производящихъ ошъ
крови Царской, скрывается онъ въ
печеніи придцаши лѣшъ жизни
своей, а послѣдніе три года оной
посвящаешъ дѣяшельности, въ про-
долженіи коихъ являешъ все свое
величіе; но вдругъ ошавляешъ оное
и предаешся ярости враговъ своихъ.
Онъ ничего не дѣлалъ для жизни,
и слава его просіяла только по
смерши.

Есшъли Хрисшосъ не воскресъ
изъ мершвыхъ, то суешна вѣра на-
ша, говоритъ Св. Павелъ. Да и въ
самомъ дѣлѣ, Богъ обманулъ бы
насъ, есшълибъ верховнѣйшій законъ
и совершеннѣйшее богослуженіе бы-
ли дѣло обманщика, добровольно
пожертвовавшего собою и пригла-
шающаго къ тому другихъ. Но эшо
несбышочно и прошивно разсудку; а
пошому слѣдовательно воскресеніе

Христово должно бысть истинно и несомнѣнно.

Разсмотри со вниманіемъ Писаніе и жишіе учениковъ Іисусовыхъ. Все возбуждаешъ шамъ любовь къ истинѣ и справедливости. Его именемъ свидѣтельствую его воскресеніе, производили они чудеса, копорыхъ не могли опровергнуть ни враги Христіанской Религии, ни самъ Юліанъ. Не должно ли почестъ апостолы и безумцами шѣхъ, кои вздумали бы утверждать, что они хотѣли обмануть свѣтъ, свидѣтельствую на мѣстѣ казни воскресеніе преслупника, коего шѣло, по мнѣнію ихъ, они похищали.

Но для чего Христосъ не возвѣстивъ, или не показалъ всему народу преславное свое воскресеніе? — Но послѣдующій родъ человѣческій, не видѣвши онаго, развѣ не могъ бы также сомнѣваться? И для того надлежало бы ему являться во всякое

время и во всякомъ мѣстѣ. Но онъ и дѣйствительно такъ поступалъ, однакожь такимъ образомъ, кошорый въ сердцахъ вѣрующихъ былъ болѣе его достоинъ.

Ученіе Христово не имѣетъ ничего общаго съ шѣмъ, что свойственно уму человѣческому. Въ немъ непосредственно владычествуетъ новый духъ, непричастный ничему земному, кошорымъ обладалъ только Христосъ и вдохновенные отъ него.

Блаженни плачущіе — горе богатымъ: вошъ нравственность, кошорая не приходитъ на мысль духу человѣческому, и кошорую неспособенъ изобрѣсти бранный умъ нашъ. Но истина и премудрость знали, что полезно человѣку бытъ испытанну. Христіанинъ хошя долженъ терпѣть, однакожь не долженъ бытъ несчастнымъ.

Божественное сіе ученіе возму-
Религія. Е

щаетъ слабыя души; но души швер-
дья, каковы Іуспина и первыхъ
мудрецовъ, принявшихъ Хрисіян-
ство, были обьяшы удивленіемъ.

Въ какихъ нѣжныхъ и любез-
ныхъ черпахъ изобразилъ намъ Хри-
сѡсъ Божество! Кто не распро-
гается до слезъ, чашая молишву,
кошорую онъ въ минушу приноше-
нія себя въ жершву произнесъ предъ
Ошцемъ своимъ. Она есть, шакъ
сказашъ, послѣдняя воля его, кошо-
рую онъ, умирая, возвѣсшилъ чело-
вѣкамъ. Въ ней видна великая цѣль,
для кошорой снизшелъ онъ въ смерш-
нымъ; а попому-шо многокрашно
шребуешъ, чшобъ мы были съ нимъ
едино, шакъ какъ онъ едино суще-
ство со Ошцемъ своимъ, и призы-
ваетъ насъ въ шому неизреченному
единодушію, кошорое есть цѣль всей
Религіи.

Человѣкъ, вѣрующій во Христа,
не можешъ болѣе жаловашься на

слабость свою: у него есть наставникъ, который показываетъ ему путь и освѣщаетъ оный. Милосердіе его для души есть то, что свѣтъ для глазу, но — глазъ можетъ произвольно сомкнуть, и тогда не узришь свѣта! . . .

ГЛАВА III.

ЦЕРКОВЬ.

Церковь есть то священное мѣсто, которое Богъ препоручилъ Христу и посвятилъ его въ вѣчные Первосвященники оной. Нынѣ существуеши она во времени испытанія и подвержена прошиворѣчіямъ; но Христосъ каждую минушу присушествуеши среди ея и общаетъ до конца сохраняши оную.

Соборъ избранныхъ на небѣ и вѣрныхъ на землѣ составляетъ одну и ту же Церковь, гдѣ всѣ молишвы, духъ и заслуга должны быти общи: и такъ, кто хочетъ принадлежать въ сей Церкви, тотъ долженъ обращаться всѣми своими склонностями шуда, гдѣ ожидаетъ его вѣчношъ.

Что здѣсь болѣе досшойно Бога,

какъ не по многочисленное и священное общество, которое соединяясь съ главою, его основавшимъ, идетъ по пуши, имъ показуемомъ? Церковь, распространившаяся по всѣмъ странамъ земнаго шара есть народъ, избранный къ прославленію Бога, въ нѣдрѣ котораго должно нѣкогда совершиться великому предопредѣленію. Теперь пусть сравняшъ съ симъ шовъ фантомъ человеческого величія, который въ минушу своего явленія опять исчезаетъ.

Изъ чепырехъ великихъ монархій, предсказанныхъ Даніиломъ, одинъ только Римъ, содѣлавшійся владыкою надъ всею землею, наиболѣе способствовалъ къ проповѣдыванію Евангелія. Тотъ же самый Римъ, который въ продолженіи XI вѣковъ былъ столицею языческаго, есть нынѣ столица Христіанства, и въ такомъ состояніи существуетъ болѣе, нежели сколько существовалъ въ прежнемъ состояніи.

Церковь есть хранилище Вѣры и нравственности, чистоты коихъ ничто повредишь не можешь. Если-либъ священнослужители были исторгнуты изъ всеобщего поврежденія, то изреченіе ихъ о семъ важномъ пунктѣ было бы тѣмъ безошибочнѣе.

Чистое Христіанство есть единственное непоколебимое средоточіе всѣхъ Евангельскихъ истинъ. Заблужденія отпадшихъ отъ него довольно сіе доказываютъ; они безпрестанно перерождаются: сперва возникаютъ Соціане, потомъ Деиспы, а наконецъ Исты. Такъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что когда вѣра поколеблется хотя въ одномъ пунктѣ, то и все придетъ въ разстройство.

Всѣ вещи отъ Христа до нашихъ временъ получили совсѣмъ иной видъ, всѣ онѣ очень перемѣнились: такъ говорятъ съ Реформатами полу-Христіане. — Но не то же ли теперь

Евангеліе, не то же ли исповѣданіе
вѣры, не то же вѣрованіе вѣ Тро-
ицу и Воплощеніе, и не сущесву-
юшѣ ли шѣ же самыя тайнства?
Догмашѣ еще не раздѣленѣ, шакѣ
какѣ и нравственностѣ. Чшо нужды
до прочаго? оно ни мало не касаеш-
ся ни основанія, ни чистоты Ре-
лигії.

Чистая вѣ Іустинѣ и другихѣ
свяшыхѣ опцахѣ, бывшихѣ почти
современниками сего Апостола, по-
дробноши о собраніяхѣ для прино-
шенія даровѣ, можно ли еще осмѣ-
лишѣся обвиняшѣ Церковь вѣ пре-
терпѣнныхѣ ею перемѣнахѣ? Тамѣ
найдемѣ мы шакже пригошовленіе
кѣ совершенію Тайнѣ чшеніемѣ Свя-
щеннаго Писанія, наставленіе пас-
шыря, жертвопринощеніе, приспу-
пленіе вѣ шому народа и причащеніе
отѣ чаши спасенія, вѣ которой на-
ходящееся выдаешѣся за шѣло и кровь
Хрисша Спасителя — и сія древняя
лишургія еще и до днесѣ сохранилась.

Церковь, претерпѣвающая въ предметахъ вѣры великое гоненіе, не имѣетъ временныхъ правъ: божественный ея владыко неоспоримо доказалъ сіе. Ей не оставлено ничего, кромѣ того, что правовѣрные добровольно ей приносятъ. И нѣкошорые просвѣщенные пастыри положили предѣлы сей самой набожной щедрости. Реформа, имѣющая цѣлію только благоразумное раздаяніе имѣнія, можетъ быть полезна во всякое время.

Набожность правовѣрныхъ обогатила служишелей олшаря, и сіе богатство есть источникъ соблазна, оплакиваемого въ духовенствѣ; но еслибъ такое злоупотребленіе было доспашочно содѣлать сіе званіе презрительнымъ, то по истинѣ на свѣтѣ не осталось бы тогда ничего непрезираемаго. Богъ не обѣщавалъ поспавлять всегда Ангела пастыремъ спада своего. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что просвѣщен-

ный Христіанинъ конечно найдешъ возраженіе прошивъ нѣкоторыхъ пунктовъ.

Духовенство проповѣдуешъ законъ Божій и соблюдаетъ его отъ сполнѣнія до другаго. Теперь нѣтъ ни одного бѣднаго Христіанина, который бы обязаности человѣческія не обяснилъ лучше, нежели нѣкогда мудрецы древніе.

Пусть кто хочешъ смѣшся надъ проспошою сельскаго священника: однакожь нѣтъ ничего почтеннѣе сего пасырскаго сословія, изъ котораго каждый имѣетъ у себя небольшое спадо, съ коимъ провождаетъ презвую и прудолюбивую жизнь. Онъ научаетъ поселянина вѣчнымъ истинамъ Евангелія и повѣлываетъ ему покорность къ закону.

Они обясняютъ народу обязанности его къ Богу, Государю и самимъ себѣ. Безъ такого поученія

Религія.

Ж

служишелей Религіи люди были бы болѣе ужаснымъ скопищемъ хищныхъ звѣрей , нежели народомъ. И шакъ , какое иное званіе или должностъ можешъ бышь превосходнѣе оной?

Презрѣніе, оказываемое служишелямъ олшаря, производшъ ошъ небреженія Религіи. Человѣкъ , свергнувъ съ себя ея иго , гнушается и ея служишелями; онъ свои удовольствія предпочишаешъ предосперегающему и врачующему его священнику.

Спрашиваюшъ нѣкоторыя , для чего сполько монашхрей? — Можешъ бышь, что мы и подлинно имѣемъ оныхъ много и могли бы уменьшишь число ихъ; но естъ монашхри въ большихъ городахъ и сполицяхъ, копорые служашъ имъ украшеніемъ, гдѣ раздаюшся щедрыя подаянія неимущимъ, гдѣ опчащи преподаюшся юношешу у

науки, и есць монашпыри, кои вспомо-
моществують исправленію дол-
жностей, и кошорые менѣе расшо-
чають, нежели иной богашой шу-
неядець.

Клевещуть на Церковь, приписы-
вая ей суевѣрныя дѣйствія и обря-
ды, кошорые будшо бы со временемъ
исказили богослуженіе и всегда упо-
требляли во зло легковѣріе народ-
ное. На сіе должно сказаць, что въ
разсужденіи чудесъ надлежишь со-
образовашься съ народнымъ вкусомъ, и
сіи заблужденія гораздо не сполько
гибельны и даже ничего не могушь
значишь, пока не коснушся догма-
товъ или нравственности.

Церковь не знаешь ничего о без-
человѣчїи, производимомъ подъ ея
именемъ за дѣла касашельно Рели-
гїи: ибо она повелѣваетъ человѣ-
камъ любить, а не убивать другъ
друга. Закланіе поликаго множе-
ства Іудеевъ, изгнаніе и испребле-

ніе Альбижанцевъ, Тампліеровъ, ужасное Варфоломеевское побоище и Инквизиціонныя коспры — всѣ сіи ужасы суть только гнусныя дѣйствія фанатизма и полишики.

Наказаніе, которое Церковь со вздохомъ налагаетъ на ерешика, состоитъ только въ исключеніи его изъ своего общества; но свѣшская властъ, чувствуя удары, произшедшіе отъ различія въ богослуженіи, хочетъ предупредить великую бурю. Словомъ сказать: въ комъ правовѣрный зрѣтъ заблуждагося браша, въ томъ государство видитъ мятежнаго подданнаго.

Церковная дисциплина во времена Лютера имѣла нужду въ реформѣ; но сей ложный преобразователь оной, искавшій раздора, болѣе исказилъ вѣру перваго сполѣнія послѣ Христіанской эры, равно какъ и самыя слова Христовы. Онъ, пакъ сказать, желая исправить зданіе,

вмѣсто того совершенно низпро-
вергъ его.

Послѣ такого переворота видѣлъ
Люшеръ Кальвина, Шпока, Карло-
спаша, Минцера, возстающихъ съ
нимъ вмѣстѣ противъ Церкви, и на-
последокъ противъ самаго его; вся-
кой ученикъ желалъ самъ быть учи-
телемъ, всякой хотѣлъ сдѣлаться
владыкою. Такимъ образомъ, когда
разрушилось единомысліе, каждый
началъ имѣть права, равныя съ дру-
гимъ, и наконецъ возникло почти
столько же Религій, сколько было
людей.

Люшеръ всенародно женился на
монахинѣ, Кальвинъ зжегъ Серба;
ученики его дали своему Государю
семнадцать сраженій и истребили
въ Германіи до милліона жишелей;
Церкви были созжены, монастыри
поруганы. Огнь и мечъ служили
предвѣспниками сего новаго апос-
тола. Но первые Христіане доспой-

нѣе соблюдали вѣру свою : они не дѣлали смершоубійствъ, но еще себя дозволяли вести на смерть и поруганіе.

Богъ допускаетъ, что Религія его не господствуетъ въ нѣкоторыхъ странахъ земли. Но была бы она на верху своего величія, или въ униженіи, все равно, въ обоихъ случаяхъ будетъ она священна. Самое униженіе и гоненіе суть эпохи ея блистательнѣйшаго пріумфа. Она получаетъ свой блескъ не отъ міра сего, но отъ Владыки, кошорый внутренно господствуетъ надъ нею.

Христосъ есть единственныи предметъ церковнаго богослуженія. Церковь празднуетъ воспоминаніе дѣяній и крестную смерть Іисусову; и ежели при томъ шворитъ также память Святой Дѣвы, Апостоловъ и Свяшыхъ, то все сіе дѣлается только ради Іисуса Христа, виновника ихъ заслугъ и славы.

Наружный церемоніаль имѣетъ въ предметъ только то, чтобъ управлять внутреннимъ и возвысить духъ. Сколь превосходно пѣніе, принятое Церковію въ ея богослуженіи! сколь прогашельны молишвы Христіянина! и сколь оплочно въ сравненіи съ холодными нашими Философами дѣйствуетъ на нашу душу Богъ, коему мы служимъ и покланяемся!

Реформа, уничтожающая всѣ наружные и даже прогашельные знаки, съ которыми угодно было Христу соединить свое милосердіе, показываетъ намъ ни что иное, какъ бездыханный трупъ, изъ котораго ежедневно родятся новыя секшы, приспраспившіяся къ своимъ заблужденіямъ.

Что случилось съ Аріанствомъ, заразившимъ собою всю землю? что съ Пелагіанизмомъ и другими сектами? Всѣ онѣ исчезли яко дымъ.

То же произойдетъ и съ мнимою реформою. Она уже раздѣлилась болѣе, нежели на двадцать чешыре секшы, изъ которыхъ Анабаптизмъ одинъ произвелъ болѣе чешырнадацаши. Сіи секшы проклинаятъ одна другую, и шолько въ томъ сходны между собою, что совокупно оспариваятъ истину. Хошя заблужденіе родишся, распроспраняешся и сущесшвуешъ нѣскольکو времени; но истинная вѣра всегда побѣждала — побѣждала ерешиковъ и Царей, вооружавшихся противъ нее.

Кромѣ Церкви нѣтъ спасенія: вошъ правило, возмущающее безбожниковъ, которое однакожь очень справедливо. Церковь изключаетъ всѣхъ тѣхъ изъ области Христовой, которые не приняты въ число чадъ его, а пошому шакже и не имѣютъ права на наслѣдіе. — Что же съ ними будетъ? вопросъ очень неприличный для Христіанина; ему должно шолько удосшощь-

ся обѣшваній, ему данныхъ, и вѣришь, что милосердное Божество не накажетъ невинность и будетъ всегда имѣть средство, совершенно не входящее въ системы наши, просвѣтитъ и увѣнчаетъ праведниковъ, въ какомъ бы столѣтіи и въ какомъ бы мѣстѣ они ни жили.

Церковная Исторія производитъ на духъ не одинаковыя, но совсѣмъ различныя впечатлѣнія, хотя и находишся всегда въ одномъ положеніи. Лишь только кончились гоненія первыхъ прехъ столѣтій, какъ уже хищеніе и заговоръ поставили престолъ свой. Раздоры и еришичество привели ее въ печальнѣйшее состояніе; умножились соборы духовенства; Папы обременяли проклятіями одинъ другаго; роскошь, сребролюбіе и любочесшіе заразили священнослужителей подобно всюду быспро распространившейся язвѣ. Всѣ сіи безпорядки содѣлываютъ вѣру подозрительною

для челоѣка непросвѣщеннаго ; но
оспроумный челоѣкъ, копорый не
подаешъ мнѣнія, не достигшаго со-
вершенной своей зрѣлости , совсѣмъ
иначе разсуждаешъ о томъ: онъ го-
воришъ , что Церковь, копорая не
разрушилась ни ошъ умысловъ вар-
варовъ , ни ошъ коварства Фопіа ,
ни ошъ конпр-соборовъ Император-
скихъ , ни пороками Папъ, ни ошъ
невѣжества и разврата священни-
ковъ , должна бытъ непременно
и непосредственно подкрѣпляема и
хранима рукою Всемогущаго.

Уже болѣе прехъ сошъ лѣшъ по-
му назадъ , какъ наши праошцы
упрекали людей въ ихъ прошивномъ
заповѣдямъ поведеніи , а пошому и
немогущихъ сосшавишъ испинной
Церкви , копорая давно уже измѣ-
няешся въ своихъ качестввахъ ; и
шолікое число сполѣшій , прошед-
шихъ съ шого времени , придаюшъ
доказательству въ развратѣ нынѣш-
нихъ новѣйшихъ челоѣковъ не-
преодолимую силу.

ГЛАВА IV.

НЕВѢРУЮЩІЙ.

По мнѣнію нашихъ философовъ, ежели бы существовало общество, котороебъ сдѣлало заговоръ прошивъ Религіи и прошивъ всего, что привязываетъ человека какъ къ подобному ему человеку, такъ и къ Богу, то надлежало бы поспѣшить разрушить такое общество. Однакожь оно не существуетъ, говорятъ они, да и существовать не можетъ. Но чтожъ значить сія толпа писателей, которые подъ различными видами стараются божественный законъ замѣнить разсудкомъ, слабостью коего свидѣтельствуютъ всѣ сшолшія?

Ничто не можетъ быть свободнѣе вѣры; ничто не можетъ принудить меня вѣровать. — Правда,

пока сомнѣнія раздирають наше сердце, должно только сожалѣть о человѣкѣ; но какое бѣшенство одержитъ его, ежели онъ не вѣря ни небу, ни аду, распроспраняетъ ядовитое ученіе, вовлекающее родъ человеческій во весь развратъ, къ какому только онъ можетъ быть способенъ.

Воля человеческая имѣетъ болѣе вліянія на вѣру его, нежели какъ о томъ думаютъ. Всякая истина, какая бы она ни была, имѣетъ спору, съ которой можно дѣлать на нее возраженія, и за которую обыкновенно хватаются, нападая на истину, ненравящуюся человѣкамъ.

Такой хитрой умъ, каковъ Баиля, всегда предлагаетъ вопросъ съ шемной споры, и на ограниченности его основываетъ слѣдующее правило: должно, говоритъ онъ, во всемъ сомнѣваться. Вотъ метода всѣхъ нашихъ Софистовъ, избравшихъ

Баиля своєю пружиною. Умствова-
 ніє служишъ имъ только въ изы-
 сканію сомнѣній. Не имѣшъ Религїи,
 пошому чшо сущесвуютъ Религїи
 ложныя; опвергаешъ пророчесва и
 чудеса, пошому чшо обманъ поддѣ-
 лывается иногда сіи блистатель-
 ныя черты силы Божіей; опмешашъ
 всѣ испорическіе памяшники, по-
 шому чшо иногда вкрадывалось въ
 нихъ баснословное, значишъ опречь-
 ся опъ всякаго познанія и просвѣ-
 щенія и предашся добровольной слѣ-
 пошѣ.

Желая бышъ судією обѣ испи-
 нѣ Религїи, никакъ не должно при-
 держивашся того, чшо изсключаетъ
 она изъ среды своей, ибо иначе бу-
 дешъ пристрастнымъ судією.

Тщешно лжецъ выдаешъ прошивъ
 вѣры множесво сочиненій; онъ раз-
 вѣ только похишишъ у Религїи и
 насильспвеннымъ образомъ привле-
 чешъ къ себѣ такихъ людей, кошо-

рые и безъ того уже мало имѣющѣ
вѣры. Такія сочиненія не болѣе при-
чиняющѣ ей вреда, какъ иногда ру-
тапельства язычниковъ , почиав-
шихъ первыхъ Хриспіанъ людьми
глупыми и ослабъ подобными.

Наши оспроумцы гордящся тѣмъ,
что унижаютъ Константина и пре-
возносятъ Іуліана. Сей имѣлъ , мо-
жешъ бытъ, нѣкоторыя добрыя ка-
чествы , а другой свои пороки, но
пускъ присвоивающѣ они ему такъ-
же и беззаконіе : однакъ спра-
шиваешся, какой произошелъ отъ
того вредъ Религіи ? А что напро-
тивъ должно думать о Іуліанѣ, ихъ
образцѣ и оракулѣ ? Онъ , подобно
нашимъ философамъ, будучи воспи-
танъ въ Хриспіанствѣ и наученъ
великимъ истинамъ онаго , предпо-
читаетъ сіи истины безумію Аспро-
логіи и язычествы , и покушаетъ
хитроснымъ преслѣдованіемъ
Мифологическихъ боговъ восста-
новить ихъ опять — тѣхъ идоловъ,

въ которыхъ прежде не вѣровалъ. Теперь скажите, такъ ли долженъ поступать мудрецъ, одѣтый маншіею приманчивой Философіи?

Вольнодумство имѣетъ также свои границы, внѣ которыхъ существуетъ только неустройство и анархія.

Человѣкъ, всегда склонный выходить изъ предписанныхъ ему предѣловъ, необходимо долженъ удерживать себя въ надлежащемъ средоточіи, которое равно опдалено какъ отъ глупаго порабощенія, такъ и отъ необузданной независимости.

Враги Религіи суть также и враги прона. Они съ одной стороны видятъ только суевѣріе, а съ другой только приѣсеніе; мятежный духъ ихъ опличаетъ также и ихъ сочиненія. Гордость не признаетъ надъ собою властелина и грызетъ узду, ее укрощающую.

Поверхностное знаніе Философіи, говоришъ Баконъ, ведетъ къ атеизму. Да и подлинно, полученный не чувствуетъ ни своей слабости, ни превосходства истинъ, ему предлагаемыхъ; и какъ онъ не въ состояніи понимать хотя нѣсколько отвлеченныхъ предметовъ, то и опешаетъ ихъ: но эшо совершенное слѣпоствованіе.

Нѣтъ ни одной нелѣпости, говоришъ Цицеронъ, которая бѣ не была выдумана какимъ нибудь изъ нашихъ философовъ. То же самое можно сказать и нынѣ, въ наши времена. Они, какъ возраспители пороковъ, были изгнаны изъ Рима. Но наши также одобряютъ теперь личныя выгоды, роскошь и всякія распущенства.

Не возмущительно ли видѣть, какъ малое и слабое твореніе, каковъ есть человѣкъ, у котораго чуть, чуть лучъ разума проникаетъ изъ-за грубыхъ его органовъ, дерзаетъ

спорить съ Богомъ въ его опредѣленіяхъ и опровергаетъ догматы, несообразные съ слабымъ его пониманіемъ. Но, о брешное, ничтожное швореніе! какъ смѣешь ты утверждать, что почка, измѣряющая бытіе швое, можешь также измѣрять и Превѣчнаго.

Таинства смущаютъ безбожника, и природа съ каждымъ шагомъ ведетъ его къ ихъ непроницаемости. Сіи миллионы міровъ, разсѣянныхъ по необозримому пространству шворенія; сіи солнца, помѣщенные въ млечномъ пути неба; кометы, планеты и проч. — знаемъ ли мы все это, равно какъ и цѣль ихъ существованія? Но скажу еще болѣе: рассмотримъ малый міръ, то есть, самихъ себя: знаемъ ли мы смѣшеніе прехъ жидкостей, посредствомъ которыхъ существуетъ наше тѣло, сокъ нервъ, приводящій въ движеніе наши органы, причину чувствованія въ животныхъ и возра-

станіє распѣній? Какія тайны
окужають насъ! Есѣли же соз-
данная природа представляеть по-
λικое число таинствъ, то можеть
ли еще быть намъ непонятно, ко-
гда находимъ въ Религіи тайны,
которыя имѣя единственнымъ пред-
метомъ Бога, должны непремѣнно
быть превосходнѣе таинствъ на-
шуры.

Какіе спранные люди наши лже-
умствовашели, дужи прошиворѣчія, чу-
довища легковѣрія и безбожія: они не
могутъ постигать таинствъ вѣры,
и терпятъ таинства ащеизма; они
не понимаютъ бытія вѣчнаго Бога,
а понимаютъ существо вѣчнаго мі-
ра; они не хотятъ допустить бы-
тія духовнаго, и принимаютъ бы-
тіе живошное, которое, по мнѣнію
ихъ, способно мыслишь и разсуждашь;
они не хотятъ, чѣобъ обращеніе
язычниковъ въ Христіанъ было дѣй-
ствіемъ чуда, произведеннаго про-
повѣдниками Евангелія, и хотятъ

напрошивъ шого, чшобъ всѣ народы
безъ чуда опреклись отъ боговъ
своихъ и пороковъ.

Чудеса ничего не доказываютъ.
Не могъ ли Богъ говорить моему
разсудку и убѣдишь его, не разруша
порядка природы, говоритъ безбож-
никъ? Но Богъ говоритъ съ нимъ
посредствомъ свидѣтельствъ въ
пользу Религіи; онъ говоритъ съ
нимъ посредствомъ чиспошы и пре-
восходста своего ученія, и сверхъ
шого присовокупляетъ блескъ чу-
десъ своихъ. И шакъ, ежели послѣ
сего безбожникъ еще не умолкаетъ
въ своихъ возраженіяхъ, то Богъ не
виноватъ, что непосредственно
не говорилъ съ нимъ, а виноватъ
онъ самъ, что не внималъ ему.

Ошвергать всѣ чудеса пошому,
что естъ изъ нихъ ложныя, зна-
читъ безобразить Бога и не при-
знавать верховной его воли. Онъ из-
бралъ сей путь для шого, чшобъ

явишь себя человѣкамъ и возвѣ-
спишь законъ свой. Впрочемъ сіе ни
мало не прошивно его непремѣня-
емости : ибо давъ однажды законъ
природѣ, онъ предвидѣлъ случаи, въ
кои славиѣ было для него произве-
сти въ немъ перемѣны.

По новой Философіи число язы-
ческихъ боговъ умаляется по мѣрѣ
того, какъ просвѣщается свѣтъ.
Многобожіе есть древнѣйшая и
всеобщая Религія. Манихейзмъ со-
ставилъ изъ сихъ боговъ двухъ,
попомъ деизмъ призналъ только
одного Бога, и наконецъ, когда міръ
озаренъ былъ превосходнѣйшимъ
свѣтомъ, исчезъ также и сей богъ,
и люди начали признавать одну
только Природу. Вотъ что произо-
шло напоследокъ ! . . .

Можно ли говорить съ людьми,
опшвергающими бышіе Бога и духов-
ность души ? Спранная выдумка,
говорятъ они, чшобъ мучишь че-

ловѣка отъ рожденія до смерти
страхомъ невидимой силы. Но не
признавши сихъ обѣихъ истинъ,
не можетъ быть ни Религіи, ни
нравственности, ни даже разсудка.

По новой системѣ, Философія дол-
жна на землѣ заступитъ мѣсто Бо-
жества. Она, говорятъ нѣкошо-
рые Философы, есть дочь Приро-
ды, раздавательница благодѣлій; она
просвѣщаетъ людей и утѣшаетъ
ихъ, не пребуя за то богошворенія;
она презираетъ только тиранство и
обманъ, то есть шронъ и олшарь.
Вотъ какія мнѣнія! можно ли слу-
шать ихъ безъ досады и содроба-
нія? . . . .

Какая цѣль всѣхъ сихъ споровъ?
Были ли на землѣ народъ, городъ, хотя
по крайней мѣрѣ общество филосо-
фовъ? Можно ли найти изъ нихъ хо-
тя только двухъ во всемъ соглас-
ныхъ между собою? Такіе люди ни-
чего не дѣлаютъ болѣе, какъ толь-
ко сражаются на перьяхъ.

Наконецъ сіи обожатели слѣпой природы обнаружили себя. До сихъ поръ согласовались они съ превосходствомъ Христіанской нравственности; но теперь ясно дають знать, что сія самая нравственность раздражала ихъ противъ Христіанства. Она, говоритъ одинъ изъ ихъ Докторовъ, есть варварская нравственность, потому что удовольствія сдѣлавши на ряду съ пороками; она безразсудна, что слабости любви наказуетъ какъ дѣла самыя гнусныя; она подла, ибо повелѣваетъ намъ любить уничиженіе. И такъ, слушая слова сіи, кто не видитъ, что гордость и склонность къ сладострасшію диктовали автору сіи дерзкія умствованія.

Чтобъ возбудить въ здоровомыслящемъ сердцѣ омерзеніе къ коварству Философіи, надобно только представить нѣкоторыя изъ ея правилъ. Одно изъ нихъ утверждаетъ, что вѣра въ Бога есть гибельнѣй-

шій предразсудокъ , и что атеизмъ
 есть единственная система , могу-
 щая содѣлать человека свободнымъ
 и щасливымъ. (Смол. Systeme de
 la nature) ; а другое говоришь , что
 душа и духъ суть ничто иное , какъ
 щеславіемъ выдуманная слова :
 должно напередъ заботиться о тѣ-
 лѣ , нежели думать о душѣ ; о ду-
 шѣ же рачишь для того только ,
 чтобы болѣе доставить тѣмъ вы-
 годъ тѣлу (Разсужденіе о щастли-
 вой жизни). По смыслу книги , на-
 зываемой *Нравы* (Les mœurs), сынъ
 ничемъ не обязанъ отцу своему ,
 когда сей послѣдній при его воспи-
 таніи думалъ только о своихъ удо-
 вольствіяхъ. Въ книгѣ о *Разумѣ*
 (de l'esprit) сочинитель говоришь ,
 что надобно прервать всю связь
 родства между людьми ; что над-
 лежишь любить беззаконіе , если-
 ли оно содѣлываетъ насъ щасли-
 выми , и что истинная Философія
 допускаетъ только временное бла-
 женство. А въ другомъ мѣстѣ (Пир-

ронѣ о мудрецахъ) ушверждаешся, что ужаснѣйшее беззаконіе было бѣ похвально , естѣлибѣ шолько можно было дѣлать оное не опасаясь наказанія.

Вошѣ начальныя правила людей, обѣявляющихъ себя учишелями міра; вошѣ адское ихъ ученіе , предпри- няшое для преобразованія человѣ- ковѣ. Но впрочемѣ не служишѣ ли къ чесши Религій, что она имѣ- ешѣ у себѣ такихъ шолько прошив- никовѣ ?

Гдѣ безумецѣ , гдѣ безбожникѣ , шотѣ , кошорый сравнивая сіи пра- вила съ ученіемѣ Религій , не по- зналѣ бы преимущесшва и не доволь- но бы ясно видѣлѣ , что человѣкѣ , произведшій на свѣшѣ шполь ужас- ную мораль , нуждается въ высо- чайшемѣ свѣшѣ , кошорый былѣ бы способенѣ управляшѣ имѣ ?

Всѣ сіи сисшемы безбожія , нынѣ

намъ предлагаемыя , заимствованы
 ошъ древнихъ и издревлѣ были опро-
 вергаемы. То же самое случается
 и съ возраженіями прошивъ Религіи.
 Наши безбожники ничего не пред-
 лагають новаго : они суть плагі-
 арии , всячески силящіеся возобно-
 вить хулы свои , надъ кошорыми
 давно уже восшоржеспвовала Ре-
 лигія.

Мнимая Философія во дни наши
 не есь сиспема ; она не навчаєть,
 но приводить въ недоумѣніе разумъ;
 она, шакъ сказаць, не идєть, но ша-
 шаєтся; не дѣйспвуєть, но ожидаєть.
 Религія просвѣщаєть и сооружаєть
 великолѣпнѣйшее зданіе ; безбожіе
 напрошивъ шого помрачаєть и раз-
 рушаєть оное , ибо оно любиєть
 шолько гибель и разрушеніе.

Заблуждшій умъ , проходя испо-
 рію міра , при видѣ нечеспиваго бо-
 гослуженія , заразившаго землю, при
 видѣ гнуснаго шираншва , угнеша-
 Религія. И

ющаго челоѣчесшво, выводитѣ не-
лѣпое заключеніе, чшо сей свѣтѣ
ошданѣ на произволѣ хищенія и
обмана, и имѣ не управляетѣ ни-
какое провидѣніе. Но просвѣщенный
напрошивѣ шого тѣмѣ болѣе чувст-
вуешѣ необходимость въ Ошкро-
веніи, спасающемѣ челоѣковѣ какѣ
отѣ одного, такѣ и отѣ другаго
бича.

Безбожники почитаютѣ вѣру фа-
нашизмомѣ, и апоспасіи своей пре-
краснымѣ именемѣ премудросши при-
даютѣ пріятный видѣ. Но фана-
шизмѣ, проклинаемый Религіею, ме-
нѣе причинилѣ вреда челоѣкамѣ,
нежели мнимая Философія, кошо-
рой цѣль состоитѣ въ томѣ, чшобѣ
раздѣлитѣ ее посредствомѣ гибель-
наго эгоизма.

Обманщикѣ Магометѣ, прину-
дивши вооруженною рукою нѣкошо-
рыя орды кочующихѣ и идолопоклон-
сшвующихѣ Араповѣ признашѣ еди-

наго Бога , Творца ихъ , былъ еще благошворишелемъ свѣта въ сравненіи съ тѣми миссіонерами лжерелигіи , копорые все разрушають , ничего не возобновляя.

Убѣдишельнѣйшее доказательство для вѣры есть слѣпоша , въ копорую впадають ея опсшупники. Разсмопри ихъ со вниманіемъ , и ты увидишь , что они опвергають мірозданіе , Провидѣніе и безсмертіе. Богъ для нихъ ничто оное , какъ загадка , нравоученіе проблемма: словомъ , все для нихъ кроешся подъ мрачнѣйшею завѣсой.

Есшьлибъ возможно было , чтобъ то , что въ самомъ себѣ есть добро , было зло , то опнявъ пріятные предразсудки для шого , чтобъ на мѣсто оныхъ посшавишь печальныя и унылыя испины , оказалибъ тѣмъ худую услугу человѣчесшву. Но какое же должно бышь пресшупленіе , когда хошяшь опш-

нять у него законъ, который одинъ только можешь сдѣлать человѣковъ счастливыми и ввести на его мѣсто ненавистныя лжи!

Читая сочиненія древнихъ мудрецовъ, не найдешь въ нихъ ничего утѣшительнаго. Да и въ нынѣшнихъ находишься только то, что сокрушенныхъ человѣковъ приводитъ только въ отчаяніе. Какая розница между ими и чувствами, внушаемыми Религіей! Священное Писаніе для того показываетъ наше ничтожество, чтобы при томъ доставить средство выйти изъ онаго.

Философы наши сравниваютъ Христа съ Зароастромъ, Конфуціемъ, Сократомъ и даже съ самымъ Магомъ; но какое это постыдное сравненіе! Кто читаетъ со вниманіемъ Евангеліе тотъ чувствуетъ вмѣстѣ съ Женевскимъ философомъ, что ежели сіи мужи

были озарены нѣкоторыми лучами истины, но Христосъ напрошивъ того есть самый сей свѣтъ, отъ котораго тѣ лучи происходили.

Какія ни приводи безбожнику доказательства о воплощеніи Бога, онъ опровергаетъ ихъ, и мысль, что Богъ соединился съ такимъ слабымъ твореніемъ, каковъ есть человекъ, всегда заграждаетъ ему путь къ вѣрѣ. Онъ рассуждаетъ о семъ соединеніи по расположенію своего сердца. Но впрочемъ и въ самомъ дѣлѣ попребна извѣстная степень ясности, или просвѣщенія, чтобы желать такого союза и вѣрить его возможности, и сіе просвѣщеніе есть слово Божіе.

Человекъ, коему неизвѣстно его опредѣленіе, узнаетъ, что сила, его создавшая, хотѣла излишь весь фіалъ даровъ своихъ на избраннаго и отъ вѣчности предназначеннаго человека, отъ коего содѣлала зависи-

мою судьбу всего міра. Всѣ памяшники свидѣтельствуютъ его пришествіе, его воскресеніе и славу, соучастниками коей общалъ онъ сдѣлашь и всѣхъ въ него вѣрующихъ. Какая же низость можетъ засшавишь чловѣковъ отрицать сшоль преславное приглашеніе?

И шакъ безбожникъ долженъ необходимо признашь древность Іудейскаго народа и шѣхъ общованій, коихъ продолжаетъ онъ ожидать событія. Онъ долженъ, по свидѣтельству историковъ, согласишься, что Христосъ дѣйствительно жилъ на земли, распространилъ свое ученіе и принесъ себя на жертву для искупленія чловѣчества; что 39 лѣтъ спустя потомъ раззорили храмъ Іерусалимскій, и народъ Іудейской разсѣялся по всему лицу земли: словомъ, все свершилось, какъ то предсказалъ Іисусъ. Далѣе, что Евангеліе побѣдило всѣ великія препящствія и даже самый Римъ и

чрезъ цѣлыя осмнадцать вѣковъ ничто не могло поколебать его. Теперь, ежели онъ сію цѣпь событій, клонящихся къ одной цѣли, почитаетъ игрою случая, то принадлежитъ слѣдовательно къ тому классу безумныхъ, которые все приписываютъ случайному соединенію атомовъ.

Гордость человѣческая, говоритъ безбожникъ, всегда и во всякое время побуждала человѣковъ творить себѣ боговъ по своему подобію, и сію дерзость приписываетъ онъ также нашей Религи. Гнусное и несправедливое возраженіе! Христіанство не представляетъ намъ Бога въ образъ человѣковъ, о развратъ коихъ и ничтожество говоритъ онъ всюду въ своемъ ученіи; но человѣкъ созданъ по образу Божію, и возстановивъ сіе обезображенное свое подобіе было цѣлію спрдацій Христа Спасителя.

Человѣкъ созданъ не съ другимъ

накимъ намѣреніемъ, какъ только съ тѣмъ, чшобы вступишь онъ въ нѣкошорый родъ связи съ Богомъ, и на сей-шо конецъ одаренъ способностями, кои одинъ только Богъ . могъ усовершенствовашь. Пущь же скажущь теперь безбожники, какимъ образомъ могъ онъ ушвердишь союзъ сей; могла ли связь бышь болѣе соопвѣтственной нашему соспоянію, нежели шощь образъ, кошорымъ Божественная премудрость обнаружилась въ лицѣ Іисуса Христа.

Религія упадаешь и теряешь свою довѣренность, говорящъ враги оной. Правда, она находишся въ совершенномъ забвеніи между мнимыхъ Христіянъ, ошпадшихъ ошъ нее, или обезчещившихъ ее своими нравами; но впрочемъ сколь бы не было велико число ихъ, однакожь они никогда не могушъ преодолѣшь Божіихъ изреченій, ушверждающихъ ея вѣчность. Сшадѣ Христіянъ мо-

жестъ только уменьшился, но совершенно никогда не испребишся.

Хотя большая часть свѣшскихъ людей приспаше въ споронѣ мнимой нынѣшней Философіи; однакожь вшайнѣ сіи люди склоняющся на спорону Религіи и полагающся на число ея послѣдовашелей, чшобы въ сомнѣніи, ихъ раздирающемъ, утверждашся болшинствомъ голосовъ.

Наши философы проповѣдуюшъ терпѣніе, а между тѣмъ самымъ дерзкимъ образомъ поносяшъ истинную Религію; они хощашъ, чшобы покровишельствовали всѣмъ Богослуженіямъ, а сами ужаснымъ образомъ преслѣдуешъ Хрисстіанскую вѣру. Однакожь споль великая ненависъ служишъ только въ большему доказательству ея истины: у лжеца нѣшъ инаго врага, кромѣ ея.

Наши мудрецы хощашъ изобрѣ-

спи для себя особенную Религію, копорая была бы различна ошъ Религіи просшаго народа; но развѣ они не знающъ, что просшой народъ сосшавляешъ главное народонаселеніе на земномъ шарѣ? Истинная Религія должна, подобно солнцу, озаряшъ собою всѣхъ безъ различія. Но религія, изобрѣшенная мудрецами, не можешъ произойти ошъ общаго Ошца.

Нынѣ говоряшъ, что праведникъ какую бы онъ ни исповѣдывалъ вѣру, всегда пріятенъ Богу. Но что разумѣющъ они подъ именемъ праведниковъ? Праведникъ крошкѣ, цѣломудренъ, воздерженъ, и живешъ по заповѣдямъ Бога, копорого любилъ ошъ всего сердца. Но такой человекъ не можешъ бышъ подлымъ ошсшупникомъ Евангелія: онъ, прочишавъ его даже одинъ только разъ, сдѣлаешся Хрисшіаниномъ.

Наши оспроумцы хошашъ, ка-

жешся, воздвигнушь пронѣ разсудку; но это случается у нихъ почти такимъ же образомъ, какимъ они воздвигаютъ оный прекрасно-му полу, — чшобѣ послѣ унизишь его.

Ежелибѣ всѣ они были споль опкровенны, какимъ показалъ себя одинъ изъ нихъ, издавъ свое признание или исповѣдь; тогда бы во всѣхъ ясно можно было видѣшь, что однѣ и тѣ же помѣшательства побудили ихъ къ одинаковымъ заблужденіемъ.

Вѣра есть даръ Божій, копорымъ я не пользуюсь, говоришъ безбожникъ, смиренно просящій о семъ дарѣ, свергающій съ себя земныя оковы, его бременящія, и на крыльяхъ Религіи возносящійся къ Богу, копорый призываетъ его къ себѣ и хочетъ просвѣтитъ свѣтомъ своея истины.

Всякое доказательство о безсмер-

пії, изыскиваемое челоуѣкомъ, естъ искра, долженствующая его восхити, и связь, примѣчаемая имъ между онымъ и Религією, должна излить неизреченную опраду въ его сердце. Напрошивъ того безбожникъ - силился и напрягаетъ весь свой разумъ, чѣмъ попушишь, или по крайней мѣрѣ ослабитъ сію искру.

Всѣ такія нечесливныя системы запусываютъ понятія, повреждаютъ сердце и не убѣждаютъ не только никого, но даже и самыхъ ихъ основателей. Они суть тщетныя покушенія дерзкихъ головъ, напрягающихъ всѣ свои силы, чѣмъ бышь сколько можно вредѣе; но сіи покушенія однакожь въ послѣднія минушы ихъ жизни всѣ обнаруживаются, и Баяль, болѣе извѣстный между ими, при приближеніи сей кристической эпохи сдѣлалъ прошивныя прежнимъ разсужденія, кои доказали, чѣмъ онъ позналъ исти-

ну и старался также прочихъ
увѣришь въ ея силѣ.

Въ то время, когда нечесливое
идолопоклонство владычествовало
на большой части земнаго шара,
Философія принудила нѣкошорыхъ
мудрецовъ удалиться отъ сей зара-
зы и желать, чтобъ Богъ непо-
средственно обрашилъ человѣковъ
на путь истины. Но нынѣ, когда
исполнились сіи желанія, и Хри-
стіанство распространяетъ чистѣй-
шій свѣтъ свой, философъ долженъ
отличать себя отъ простолюдиновъ
ничемъ инымъ, какъ очищенною
вѣрою, и только одному закоснѣ-
лому пороку человѣковъ должны мы
приписать, ежели они по упрям-
ству, или своенравію впадаютъ
снова въ гораздо опаснѣйшія заблу-
жденія, нежели каково есть самое
язычество.

Г Л А В А V.

Б о г ъ.

Богъ назвалъ самого себя: *Я есмь* тотъ, кто *Я есмь*, и сіе высокое наименованіе ясно показываетъ необходимость его бытія и всеобъемлющее свойство его.

Существо безконечное не можетъ быти понимаемо никакою шварью, ни Ангеломъ, ни человекомъ, но можетъ быти ошущишельно для его сердца. Человеку надлежитъ только любить, а не пошшигать его.

При одномъ имени Бога должно бишься ошъ радости сердце человеческое. Изъ всѣхъ существъ, которыми рука Божія наполнила шаръ земной, одинъ только онъ знаетъ Творца своего, и сіе различіе составляетъ его превосходство.

Кто не знаетъ Бога, тотъ съ-
шой высокой почки, на которую
поспавило его Провидѣніе, низхо-
дитъ въ классъ чувствственныхъ су-
ществъ и уподобляется живошнымъ,
его окружающимъ.

Всѣ швари вопіютъ къ человѣку:
мы такъ же, какъ и ты, родились
отъ руки Бога, создавшаго насъ на
службу тебѣ, а при томъ также
и къ тому, чтобы заспавляшь тебя
любишь Его.

Имя Божіе весьма явственнымъ
буквами написано на крылѣ каждой
бабочки и всюду повпоряется какъ
на земли, такъ и на небѣ.

Ежели и никогда не было испин-
ныхъ ашеисповъ, то сколько же
есть людей, знающихъ Бога един-
ственнымъ какъ нѣчто темное и ош-
даленное, чѣмъ вовсе не занимающ-
ся—и это есть обыкновенный, весь-
ме общій ашеизмъ.

Какое во всѣ времена мудрецы имѣли поняшіе о Богѣ?—Они ощу-щали рабской страхъ предъ невѣдомою силою, неосновательное мнѣніе о Высочайшемъ Существѣ, копорое почитали подверженнымъ необходимости, или слѣпому случаю: такія-то были ихъ поняшія о Богѣ! и нѣкоторое число людей до сихъ еще поръ не имѣющихъ лучшихъ.

Не значить вѣровать въ Бога, ежели подъ симъ именемъ признавашъ нѣкоторую власъ, кошорая, одаривъ человека инстинктомъ и отдавъ его подъ владычество онаго, взираешь на пороки такъ же, какъ и на добродѣтель, и сему - то Божеству поклоняющся большая часть людей нынѣшняго свѣта.

Одинъ только нечестивецъ можетъ желать, чтобъ не существовалъ Богъ. Начало сердечнаго атеизма есть тогда, когда допуская имя Бога, отвергающъ свойства его.

Вѣроваць вѣ Бога значитѣ при-
знавать верховнѣйшаго владыку, ко-
шорый посредствомъ своей прему-
дроспи всемѣ управляетѣ, любитѣ
тварей своихѣ и пребываетѣ ошѣ
нихѣ взаимной себѣ любви; кошорый
наказуетѣ и награждаетѣ, воздавая
каждому по дѣламѣ его.

Праведникѣ не слѣпо вѣруетѣ вѣ
Бога, но зритѣ его вѣ природѣ, вѣ
обществѣ, вѣ самомѣ себѣ и всюду
видитѣ руку его, кошорая одна
только истинно дѣятельна.

Существо существѣ! мѣръ почти
не хочетѣ слышать о имени Тво-
емѣ; онѣ смѣется надѣ шѣмѣ, что
воспѣваетѣ хвалу Тебѣ. И шавѣ,
уже ли на сей только конецѣ данѣ
умѣ чловѣку! Горе шому, кошор-
ый достойнымѣ наказаніемъ мол-
чаніемѣ колеблется приступитѣ
къ поклоненію и служенію Ему!

Богѣ есть духѣ, говоритѣ намѣ
Религія. I

обра, но духъ, неимѣющій никакой связи съ духами естесственными. Образъ его бышя и его совершенство превосходящъ силу нашего поняшя, а при томъ ихъ шакъ много, что мы даже не вѣримъ онымъ.

У насъ нѣтъ выражений, кромѣ заимствованныхъ отъ плоти; и пошому, говоря о Богѣ, мы говоримъ о его лицѣ, силѣ, гнѣвѣ и проч.; а всѣ сіи выраженія заимствованы отъ природы, и копорыя упошреблялъ самъ Христосъ, когда жилъ во плоти на обитаемомъ нами шарѣ. Однакожъ Богъ безконечно превосходитъ всѣ сіи изображенія, и вещественная природа хотя показываеиъ намъ его величіе, но опускаеиъ между имъ и нами завѣсу, кошорая раздерешя только по смерти.

Впрочемъ сколь по видимому ни удивишельна плодовишость Боже-

екихъ качествъ , сколь ни великъ Богъ въ существѣ своемъ; но мы можемъ научишься шакже и посредствомъ вѣры, что онъ по свойству своему способенъ производишь чудеса гораздо превосходнѣйшія.

Троица, сія неизреченная тайна, которая не разрушая единства, различаетъ въ Богѣ при особенныя существа его, не болѣе дѣлаетъ для насъ непоспимымъ его свойства; однимъ словомъ: мы не можемъ ничего знать о Богѣ, кромѣ того, что угодно Ему было самому открышь намъ.

Богъ святъ , ибо не выходитъ изъ самаго себя, и все , что ни дѣлаетъ , дѣлаетъ только для себя (*universa propter semet ipsum*). Созданные духи не иначе могутъ достигнуть свящости, какъ приближась въ семусредоточію всякой существенности (*realitet*); а существо вещественное, заключающееся въ шѣсныхъ своихъ предѣлахъ, можетъ

найши въ одномъ себѣ только ничтожество и бѣдствие.

Пространство и время не измѣряютъ величія Божія и не могутъ быть соотвѣтственными его свойствамъ, равно какъ и движеніе: все сіе принадлежитъ только матеріи и не имѣетъ ничего общаго съ безконечнымъ.

Естество Божіе есть область духовъ. Существо простое не состоитъ изъ частей. Богъ есть средоточіе, стихія всего мыслящаго. И душа человека, хотя находясь въ связи съ его тѣломъ, не имѣетъ однакожь съ нимъ ничего общаго, но принадлежитъ къ Творцу, создавшему ее по своему подобію.

Но что такое за существо, которое не занимаетъ никакого мѣста, которое едино существуетъ далѣе вѣчности—вѣчно покоющееся существо? Для чего создало оно міръ

сей, а съ нимъ вмѣстѣ и сколько золъ? — Вотъ совершенно безспыдные вопросы, давно уже предлагаемые людьми.

Къ чему служишь Писаніе: уже ли не имѣешь Богъ инаго средства возвѣсшишь намъ волю свою? — Такъ точно, писаніе и рѣчи суть средства, употребленныя имъ для своего сообщенія съ людьми, и слѣдственно также для возвѣщенія имъ своего закона. Ему долженъ поклоняться даже послѣдній червячокъ, внимаешь ему въ своемъ внутреннемъ и познаваешь его волю на пути, показуемъ ему его милосердіемъ.

Нѣтъ, не щеславіе внушило людямъ понятіе о Провидѣніи и заботливости, которую Богъ имѣетъ о немъ: дѣйствіе Божіе на свѣтѣ его неразрывно связано съ понятіемъ и Богъ; оно есть существеннѣйшій и ошлительнѣйшій признакъ его.

Когда у Бога нѣшѣ постепенно-
сти въ его дѣйствіяхъ, когда Онъ,
какъ вѣчное и необходимое суще-
ство, не имѣетъ времени: то ми-
нуша міросозданія находящія еще
въ совершенной свѣжести предъ оча-
ми Его. Воля и дѣйствія Его сшоль
же постоянны, какъ и существо,
и продолжающіяся въ сохраненіи по-
то чшо уже произвели они.

Богъ, говоряшѣ, допускаетъ дѣй-
ствовашѣ постороннія причины (*ca-
usas secundarias*); но безумные! они
не знаютъ, чшо ни одна изъ сихъ
причинъ не можетъ дѣйствоватьъ
сѣ успѣхомъ, ежели не дѣйствуетъ
по Его волѣ. Все мертво безъ руки
Его: Онъ всему, чшо ни есть, во вся-
кое время и во всякомъ мѣстѣ да-
етъ жизнь и движеніе; Онъ испол-
няетъ и проникаетъ собою все и
болѣе присутствуетъ во внутрен-
ности насъ, нежели какъ мы въ са-
михъ себѣ, шо есть, Онъ лучше насъ
знаетъ сердца наши.

Богъ великъ, человекъ слишкомъ малъ, чшобъ такое высокое существо захопѣло имъ заниматься. Вошъ какое глупое сужденіе мудрецовъ, касающихся въ своихъ умствованіяхъ только поверхности человека. Они не знаютъ, что и самое послѣднее насѣкомое безъ Его содѣйствія не можетъ пронуться свѣтѣмъ.

Даже власы на главахъ вашихъ сочтены, говоришъ Спаситель. Все совершается по распоряженію Божію, какъ паденіе дышаши, такъ и паденіе Государства.

Человекъ насаждаетъ, Богъ орошаетъ насажденное, работа же наша есть только условное содѣйствіе къ урожаю, и мы въ успѣхъ онаго бываемъ обязаны не самимъ себѣ, а должны благодарить Орошателя.

Богъ дѣлаетъ для насъ все, но съ нами вмѣстѣ, или при нашемъ

содѣйствіи. Разсудокъ увѣряетъ насъ, что шварь никогда не можетъ бытъ независима; а также говоришь намъ, что мы можемъ дѣйствовать свободно, или по собственнѣйшей волѣ своей; и сіи истины кажутся по тому только взаимно себѣ противорѣчащими, что мы не знаемъ ни Божіихъ, ни собственныхъ намъ дѣйствій.

Воля Божія при своемъ исполненіи не имѣетъ нужды въ нашемъ на то согласіи; но она пребываетъ нашего содѣйствія, чтобы мы приобрѣли себѣ чрезъ то права на Его награду.

Все имѣющее конецъ есть въ опредѣленіи Божіемъ ничто иное, какъ средство, назначенное имъ къ продолжительной цѣли. Переменяющаяся картина міра сего, сія цѣль сценъ, непрерывно возобновляющихся, все сіе было бы ничтожно и недостойно Его премудрости, если-

рей и родителей происходитъ отъ единой власпи: въ родителяхъ нашихъ, въ начальникахъ и владыкахъ земныхъ должны мы повиноваться самому Богу.

Все влечетъ насъ къ поклоненію Творцу нашему и трепету предъ его могущесствомъ; но благость его заславляетъ насъ любовью его, и сія благость въ отношеніи къ человеку есть изящнѣйшее и спасительнѣйшее его свойство: онъ лишается Божескаго подобія, когда перестаетъ быть добрымъ.

Deus meus est omnia, Богъ мой есть все мое достояніе: оставляя для него все прочее, ничего не требуемъ, ибо все въ высочайшей степени совершенства опять въ немъ обрящемъ.

Содѣлавшись способнымъ любить Бога есть право человѣческое на славу и счастіе а удалясь сей любви лишаемся всѣхъ благъ.

Къ чему сполько сочиненій, писанныхъ въ доказательство бышїа Божїа?—Человѣкъ подлинно можешъ оскорбѣшься, когда хошашъ ему доказать истину, которая понятна уже самой низшей степени ума человеческого. Пространная книга природы споль громогласно проповѣдуетъ сію истину, что безбожникъ, отвергающій оную, лжешъ предъ самимъ собою.

Не увѣряшъ ушвердительно, что Богъ существуетъ, значшъ утверждашъ, что нѣтъ его. Вотъ какъ объясняеши о семъ Паскаль, и сіи слова его имѣютъ одинаковый смыслъ съ слѣдующею Спасителя нашего рѣчью: кто не за меня, вѣщаетъ онъ, шотъ противъ меня. Между шѣмъ и другимъ середины бытъ не можешъ.

Должно бояшся Бога, но шакъ какъ послушное дитя боишся навлечь на себя гнѣвъ своего родителя, а не шакъ какъ подлый и кова-

любѣ такія средства не клонились
къ предмету, соопвѣтственному
безконечнымъ его совершенствамъ.

Мы увѣрены, что Богъ любитъ
насъ: это принадлежитъ его свой-
ству, и сіе чувство, глубоко ощу-
щаемое въ сердцахъ нашихъ, соблю-
детъ насъ въ щастіи во всякомъ
состояніи жизни.

Утѣшительное понятіе о вездѣ-
сущности Божіей должно всюду намъ
соупсвовать, ежели мы хотимъ
быть людьми истинно добрыми. Оно
есть вмѣстилище всѣхъ добродѣте-
лей и одно только можетъ укра-
шать жизнь нашу.

Кто любитъ Бога, тотъ нахо-
дитъ также удовольствіе созерцать
его совершенства. Тогда онъ упо-
добляется сыну, путешествующему
по великимъ владѣніямъ багатаго
отца своего.

Любитъ Бога отъ всего сердца
Религія. К

не только похвально, но есть также естественнѣйшая, необходимѣйшая и любезнѣйшая изъ всѣхъ нашихъ обязанностей: это та любовь, которая одна только можетъ содѣлать блаженнымъ существо духовное.

Въ хладнокровіи, въ которомъ человекъ пребываетъ въ разсужденіи Бога, состоитъ все его пресшупленіе; ибо всякой порядочно размыслившій, какое должно быть существо, которое единымъ дуновеніемъ извлекло изъ ничтожества тысячу міровъ, не будетъ имѣть болѣе глупой дерзости прошившись такому владыкѣ.

Презирать все, прилѣпившись къ единому Богу, есть геройство; презирать Бога есть ужаснѣйшій порокъ, неблагодарность. Слава человеческая состоитъ въ совершенной ему покорности.

Всякая власть, то есть власть Ца-

ГЛАВА VI.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Есть ли послѣ сего бытія еще другой родъ существованія? Вопросъ въ самомъ дѣлѣ важнѣйшій вопросъ, могущій занимать бѣдныхъ смертныхъ. Положимъ, что было бы уже неоспоримо доказано, что по смерти мы существовать перестанемъ, то и тогда постыдною было предаться корыстолюбію, невоздержности и всѣмъ спрашамъ, посрамляющимъ человѣковъ. Однакожь сей вопросъ подлежащъ только сомнѣнію, и пошому конечно было бы безразсудно пожертвовать вѣчностію минушъ своихъ услажденій. Но какъ же должно поступать, ежели безсмертіе неоспоримо доказано?

Прежде нежели узнаемъ, какую что исповѣдуетъ Религію, должны

изслѣдовашь , испинно ли вѣришь
человѣкъ безсмертію, ибо безъ шо-
го хопябъ онъ принадлежалъ и къ
правой вѣрѣ, будешъ однакожъ языч-
никомъ.

Все нѣкогда начавшееся должно
нѣкогда и кончиться. Вошъ какое
нелѣпое заключеніе ! Уже ли Богъ
для того создалъ существо, чтобы
минушу спусня опяшь разрушишь
его ? Нѣшъ , но все , что воспрі-
яло начало свое дѣйсшвіемъ Боже-
ской воли, можетъ только кончиться
прошиводѣйсшвіемъ.

Почишаешь Бога виновникомъ ни-
чтожества значить унижаешь его.
Изъ всего имъ созданнаго ничто не
обратится къ первобытному ни-
чтожеству : разрушеніе прошивно
его качеству.

Ежели долженствовало истре-
биться когда либо существо , то
сіе случилось только со злымъ и

рный рабъ боишся строгаго своего
господина,

Какое благородное упражненіе
молишва! посредствомъ ее обходим-
ся мы съ Богомъ не такъ какъ съ
владыками земли: просишь вельмо-
жу значишь обращаешься къ такому
же слабому и брениому существу,
каковы мы сами; но молишься Бо-
жеству значишь восходишь къ ис-
точнику всякаго изобилія, съ несо-
мнѣнною надеждою получишь съ бла-
горазуміемъ отъ него требуемое.

Сколь жалокъ человѣкъ, когда не
помышляетъ о томъ, что одно только
можетъ содѣлать похвальными
его удовольствія въ сей жизни. Ла-
зуревое небо съ свѣшозарнымъ солн-
цемъ, велелѣпіе сельской природы,
картина общежитія, дружба и са-
мая любовь—словомъ, всѣ пріятно-
сти жизни сей получають болѣе
цѣны, ежели происходятъ отъ руки
Бога; и ежели онѣ не наполняютъ

собою всего нашего, сердца, по причина сему естѣ не иная какая, какъ только по , что благодѣшель , дарующій оное, хочешъ самъ обиташъ въ немъ.

Надежное средство заблуждаются естѣ конечно по, когда въ физическомъ , нравственномъ и даже политическомъ отношеніи отступаютъ отъ Бога. Между Творцемъ и его слугами надлежитъ бытъ непремѣнному сношенію , отъ коего продолжается бытіе его слугъ. И хотя человекъ не всегда его примѣчаетъ, однакожъ, не взирая на то, оно существуетъ; а сіе-то незнаніе онаго и естѣ единственная причина стольаго числа ложныхъ умствованій о шеченіи сего міра.

ющая собою физическій и нравственный міръ; оно оповѣстствуетъ намъ на всѣ возраженія и оправдываетъ Провидѣніе въ мнимомъ злѣ подсолнечной.

Всякое зло или несчастіе, изнуряющее человѣчество, суть мало-знающіе случаи, измѣняющіе только вещественность нашего тѣла; а душа, совершенно неприкосновенная симъ непріятностямъ, оставляетъ тѣло, въ которомъ обитала только временно. Что значитъ разсѣяться сего дня съ темъ, что завтра неминуемо оставишь должно.

Ежели Богъ бытіе наше ограничилъ только симъ мрачнымъ сновидѣніемъ жизни; ежели человѣкъ, умирая, исчезаетъ подобно животнымъ: то конечно ничемъ онъ ихъ не различествуетъ, какъ только своимъ несчастіемъ. Тогда человѣкъ есть шваръ, обезславливающая Творца своего. Сей духъ, который быш-

рымъ полешомъ возноситъ его выше всѣхъ міровъ; сіе опасеніе и страхъ, превозжащіе его въ жизненныхъ удовольствіяхъ, равно какъ нарушающіе его свободу и мучащіе совѣсть — все должно тогда вопіять въ немъ прошивъ Бога, который поступилъ съ нимъ гораздо хуже, нежели съ живошными. Но Богъ по умозрѣніямъ и Писанію есть существо преблагое и преправедное, а пошому такое положеніе неѣпо и прошивно разсудку.

Что значашъ походы государствъ, нападающихъ другъ на друга, изъ копорыхъ одно низпровергаетъ другое и возспаетъ на развалинахъ шрешьяго? Что значашъ сіи роды, невозвратно погружающіеся въ бездну временъ? Къ чему служишъ такое шщеславіе существъ, когда все шлѣбно, и ничтожесство шоржесшвуешъ вообще надъ всѣми сими безпреспанными возрожденіями? Возможно ли шаковой свѣшъ припи-

спропшивымъ Ангеломъ; но впро-
чемъ въ Божіемъ планѣ нѣтъ того,
чтобы воззванное имъ къ бытію
было опослано къ несуществованію.

Богъ по воли своей перемѣняетъ
какъ виды у матеріи, такъ и склон-
ности духа; но ни въ томъ, ни дру-
гомъ естествѣ ничто не разру-
шился, ни одинъ атомъ не исчез-
нетъ, еще же менѣе существо мы-
слящее.

Богъ не положилъ твореніямъ сво-
имъ предѣловъ ни въ числѣ, ни во
времени, и сколько бы количество
ихъ ни было ужасно, но все еще
далеко не можешь превзойти высо-
чайшей его дѣятельности.

Ничтожество, признаваемое злы-
ми, есть глупѣйшая изъ всѣхъ жи-
меръ. Богъ впечатлѣлъ человѣку
характеръ, который онъ тщетно
испребись спарается. Это такое
побужденіе, которому онъ непре-

мѣнно уступитъ долженъ. Воѣ народы, и даже самые дикіе, вѣрили другой жизни и понынѣ продолжающѣ вѣришь оной. Существованіе душѣ по смерти допускали гораздо прежде, нежели ихѣ испребленіе; и гнусная система, общающаяся человѣкамѣ скопской концѣ; а живопнымѣ жизнь человѣческую, была принимаема только нѣкоторыми извергами человѣчества.

Испочникѣ, изѣ котораго происпешающѣ пороки человѣческіе; еспѣ забвеніе безсмертія. Кто часпо мысленно занимаеппя будущимѣ, топѣ пребудешѣ далековѣ отѣ того, чпобѣ превзойши пороками его сочеловѣковѣ, но будешѣ напрошивѣ того презирашѣ всѣ минупные дары счастья, и имѣшѣ вѣ виду только одинѣ самый необходимѣйшій предметѣ; все же прочее явишся вѣ глазахѣ его безчестно и недостойно его напуры.

Безсмертіе еспѣ связь, сопряга-

кровь свою? Благородный гражданинъ, для чего посвящаешь ты даже самыя ночи пользѣ его? Какая вамъ нужда до опечесшва, Царя и самаго Бога, когда все должно обрашишься нѣкогда въ ничтожесшво.

Ужасныя слѣдствія такой системы ясно показывають несправедливость оной. Истина, премудрость, добродѣтель суть въ ней имена ничего незначащія. Разсудокъ не имѣетъ болѣе права, когда человекъ лишенъ будущности; онъ находясь только во власпи чувствъ своихъ, и сіе служишь удѣломъ всѣхъ приверженцевъ къ сей истинѣ.

Небо небесъ, о которомъ говоришь Писаніе, есть по священное мѣсто, гдѣ избранные всѣхъ временъ вмѣстѣ съ чинами небесныхъ существъ находясь соединены со Христомъ, главою и Первосвященникомъ сего преславнаго общесшва.

Живя въ вещественномъ мірѣ,

мы мало способны понимать высокія истины, призывающія насъ къ чему-то иному. Есть споль превосходныя истины, находящіяся внѣ шѣснаго нашего пониманія, что Христосъ, разговаривая нѣкогда съ однимъ книжникомъ о перерожденіи духа, споль высокой истинѣ, сказалъ: ежели вы не понимаете уже и земныхъ вещей, то какъ же можете понимать небесныя.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе, какъ хотѣть заключать по сей жизни о будущей. Еслибъ она съ сею жизнію имѣла нѣчто общее, то заимствовала бы отъ нее и все въ ней гнусное, непричастное вѣчности.

Христосъ есть первый воскресшій отъ мертвыхъ между людьми. Избранные всѣхъ вѣковъ хотя оставили бренныя части свои на землѣ, однакожь сія потеря не возмущала ихъ блаженства. Богъ не имѣетъ недоспашка въ средст-

сашь верховнѣйшей премудрости, кошорая естесшвенно должна бышь превосходнѣ всякой челошеческой премудрости? !!

Кшо не обрашашь вниманія на жизнь свою, шому ходъ міра сего кажешся неразрѣшимою загадкою. Ешпшли же взирашь на жизнь, какъ на крашкую ночь, за кошорою послѣдуешь вѣчный день: шогда не будешь болѣе удивляшсь сему мнимому безпорядку.

Все ешть благо вѣ жизни челошеческой, ибо челошечкѣ безсмершенъ, и нещасшя, случающіяся вѣ сей юдоли, сущь ничшо вѣ безконечной линей послѣдующей судьбы его. Но ешп либѣ всѣ онѣ здѣсь кончились, шо все было бы гибель, кошорую надлежалобѣ приписашь не иному какому, какъ злему началу.

Все преходящее ешть ничшо — вошѣ обыкновенная рѣчь, но кошо-

рую однакожь только пошѣ пони-
маешѣ , кшо занимаешся мыслію о
безсмертіи.

Умспвованіе, заключающее о не-
обходимости безсмертія, есть та-
кая истина, безѣ которой всѣ про-
чія исчезающѣ; сущесствование Бога,
всякой законѣ — все низвергается
сѣ нею вмѣстѣ, все будетѣ безпри-
спрасно для сущесства, ни кѣ че-
му не прибѣгающаго.

Когда мы, моя собака, мои часы
и я сущѣ при машины , равно на-
значенныя бышѣ скоро брошены вѣ
плавильной горшокѣ природы: тогда
личная польза долженспвовалабѣ пре-
бывающѣ единспвеннымѣ высочай-
шимѣ нашимѣ закономѣ ; но чело-
вѣкѣ, равно какѣ и его собака, опа-
саясь бышѣ наказанными , должны
воздерживашься отѣ кусанія.

Храбрый защитникѣ опечесства,
почто спѣшишь ты излечь за него

вахъ содѣлашь шварей своихъ щасливыми во всякомъ соспоянїи — шварей, копорыхъ угодно ему было назначишь для спранспзванїя.

Не здѣсь наша обишель, но гораздо выше. Связи наши и дружба здѣсь на земли должны пасшь только на нашихъ сопупниковъ; при чемъ надлежишь однакожь опасашься, чшобъ не взяшь съ собою шѣхъ друзей, копорые могли бы соврашишь насъ съ испиннаго пущи нашего.

Общесшво праведниковъ, соединенное взаимною любовью, единымъ вѣроисповѣданїемъ, едиными желанїями, одинаковою благодашію и цѣлю, ешь образъ благоденспвія. Напрошивъ шого общесшво злыхъ ешь картина ада; ненависшь, предашельсшво, ревностъ, обманъ и ненасышимостъ подспрекають ихъ ширанишь одинъ другаго.

Время ешь монеша вѣчноспи.

Религїя.

Л

Творецъ всякому раздаетъ извѣстную мѣру оныхъ, и когда мѣра сія исполнишя, тогда опроверзаюшя враша вѣчности, и упопребленіе, которое мы избъ нихъ дѣлали въ сей жизни, рѣшишъ судьбу нашу.

Двое избранныхъ, избъ которыхъ одинъ жилъ на шронѣ, а другой на гнилой соломѣ, могутъ бышъ уподоблены двумъ богачамъ, избъ коихъ одинъ приобрѣлъ копейкою больше другаго. Теперь пусть спросяшъ еще, для чего Богъ допускаетъ сполько добродѣтельныхъ помишя въ нищестѣ.

Ежели мы слишкомъ уважаемъ временное благо и обвиняемъ Провидѣніе въ несправедливиспи, то забываемъ, что время здѣшней нашей жизни ничто въ сравненіи съ будущей.

Еспештво наше неразлучно съ удовольствіями и непріятносшями,

такъ какъ мы чувствуемъ ихъ здѣсь на земли; но духъ человѣческій можешь имѣть безконечныя и намъ невѣдомыя еще чувствованія.

Чего око не видишь, ухо не слышишь, все то печаливаетъ грубаго человѣка и радуешь просвѣщеннаго. Сей послѣдній чувствуетъ недоспаечность земныхъ утѣхъ, а первый совершенно прилѣпляется къ онимъ.

Но въ чемъ же будешь состоять слава и награда праведниковъ? Она будетъ слава самаго Бога, распространяющаяся также и на созданіе рукъ его, на которое пошлетъ онъ свѣтлозарныя лучи оной. Можемъ ли мы составить въ себѣ понятія о блаженствѣ Божіемъ? И однакожь всѣ сіи слабыя изображенія, копорыя мы здѣсь на земли почищаемъ верховнѣйшимъ блаженствомъ, производящъ отъ него.

Мудрецъ видитъ въ насъ стоящихъ

благахъ залогъ будущихъ, а глупецъ съ безразсудною неумѣренностію прилѣпляется къ онымъ; землю почитаетъ онъ вмѣстилищемъ всего своего блаженства, и глаза его, подобно живошному, обращены долу.

Чтобы совершенно увѣришься въ блаженствѣ другой жизни, надлежитъ еще въ семъ свѣтѣ посредствомъ щасливаго времени искуса предвкусишь начало онаго. Любишь Бога, бесѣдоваешь о немъ вмѣстѣ съ природою, любишь челоуѣковъ и желаешь имъ равнаго благополучія есть земный рай и увѣришельность въ будущемъ, небесномъ.

Нѣтъ челоуѣка, столь развлеченнаго, который бы въ нѣкоторыя минуты жизни своей не ощутилъ самымъ поразишельнѣйшимъ образомъ присутствія Божія. И хотя сіи минушы скоротечны и случающа очень рѣдко, однакожь суть шакого рода, что есхлибъ были продол-

жишельны, то всѣ бы земныя радости исчезли предъ ними яко ночь предъ лицомъ дня.

Люди, мало занимающіеся безсмертіемъ естества своего, выдумали за то для себя глупое, фаншазическое безсмертіе, какъ-то, на примѣрѣ, безсмертіе ихъ имени; и такое дурачество чловѣковъ, несдѣлавшихъ ни единого шага въ истинному и вѣчному своему назначенію, подвергло ихъ тяжкимъ и долговременнымъ трудамъ.

Всѣ насмѣшки суешнаго мірскаго чловѣка не удаляютъ отъ насъ ни на минушу другой жизни: мы всегда граничимъ съ нею, и сіи границы соспавляемъ, шакъ скажешь, шонкая нишь, копорую легкое дуновение вѣтерка перервешь можешь.

Но для чего Богъ, существо шоль благое и милосердное, опредѣляетъ вѣчное наказаніе шаккой слабой шва-

ри, наковъ чловѣкъ? — О, вмѣсто сего вопроса должно напрошивъ того удивляясь, что Богъ сіе швореніе рукъ своихъ, когда оно въ шочности исполняешъ его заповѣди, своимъ милосердіемъ возвелъ на споль высочайшую степенъ величія.

Богъ не наказуешъ ни слабостъ, ни невѣденіе. Чловѣкъ, опъ него уклоняющійся, уклоняешся опъ своего блаженства; онъ, не говоря уже о будущемъ наказаніи, не можешъ бытъ и на земли щасливымъ.

Къ кошорой изъ обѣихъ вѣчносшей будемъ принадлежать мы? вотъ ужасный вопросъ, который одинъ только Богъ разрѣшитъ можешъ. Онъ знаешъ что должно случишся съ нашею жизнію, съ нашимъ временнымъ благомъ; а пошому-то и должны мы шѣмъ болѣе пещись какъ объ одномъ, такъ и другомъ.

Ученикъ Евангелія имѣешъ вели-

кое превосходство предъ ученикомъ
 естественнаго закона, когда идешь
 дѣло до вопроса о безсмертіи. Онъ
 не полагается на метафизическія
 умозрѣнія, но на правило, разрѣ-
 шающее всѣ трудности: онъ осно-
 вывается на волѣ Творца своего,
 который могши создать души наши,
 можетъ сохранить и бышіе оныхъ,
 хотябъ онъ по существу своему бы-
 ли смертны или безсмертны. Онъ
 не мечтаетъ, какъ Сократъ, Пла-
 тонъ и прочіе о другой жизни, но
 съ увѣришельностію говоритъ вмѣ-
 стѣ съ Св. Павломъ: когда разру-
 шится чловѣкъ вещественный, то-
 гда возродится внутренній, духов-
 ный.

ГЛАВА VII.

ХРИСТИАНСТВО.

Безспорно, что физическій міръ, гдѣ господствуетъ столь прекрасный порядокъ, заслуживаетъ наше вниманіе, но не одинъ онъ долженъ имѣять взоръ нашъ: моральный міръ имѣетъ столько превосходства предъ физическимъ, сколько духъ предъ матеріей, и въ семъ-то духѣ преимущественно видно могущество и милость высочайшаго судіи души и тѣла.

Слово Божіе, сотворившее и устроившее въ началѣ вещественный міръ для человека, въ послѣдствіи времени произвело еще болѣе чудесъ въ пользу его: оно явилось, чтобы извлечь моральный свѣтъ изъ того хаотическаго состоянія, въ которое погрязъ онъ ошъ пороковъ челове-

скихъ; оно явилось, чшобы возобновишь въ чловѣкѣ почти уже изгладившійся образъ свой и заклю-чишь съ нимъ столь же свяшой и непремѣняемый союзъ, въ какомъ находящаяся между собою Богъ и его Слово.

Иисусъ Христосъ существуеши въ Ощѣ своемъ, чловѣкѣ во Иисусѣ Христѣ, чрезъ коего будучи исполненъ Духа Божія, живеши единственно симъ Духомъ, кошорый щедро изливаеши на него всѣ сокровища своего милосердія. Боши величайшій и утѣшительнѣйшій предметъ, предлагаемый намъ Религіей. Чловѣкѣ посредствомъ Христа соединяется съ Богомъ и нѣкоторымъ образомъ обоготворяется, и въ семъ-то состоиши неизреченное дѣйствіе новаго союза.

Въ сравненіи съ шишломъ Христіанина сколь малы и суепны являюща всѣ шишла, коими укра-

Религія. М

шаешъ міръ любимцевъ своихъ. Кто чувствуетъ сіе величіе въ полной его мѣрѣ, тогда не позавидуетъ никакимъ инымъ пишамъ, кромѣ сего пишла, и возненавидитъ, все, что могло бы опиятъ у него оное. Тогда сердце всего менѣе будетъ завидовать міру въ шѣхъ ничтожныхъ его предметахъ, кои чувственнаго человека сполько къ себѣ приковываютъ, и будетъ удаляться отъ всего, что могло бы удержатъ или опвеситъ его отъ той величественной цѣли, къ которой онъ спремился.

Христіанская вѣра есть законъ непорочности — гораздо превышающій намѣренія человеческія. Всѣ сіи отношенія къ чеспи, величію и корыспольбію исчезають предъ шѣми великими предметами, копорые предлагаетъ намъ Христіанская вѣра. Она хочетъ отъ насъ слѣдующаго: *воздайте убо Кесарева Кесареви, и Божія Богови*; а при томъ требуетъ также и отъ Государя равнаго же

снисхожденія , каковаго и ошѣ послѣдняго изъ его подданныхъ.

Союзъ Бога съчеловѣкомъ основывается на ненарушимыхъ условіяхъ: ежели Богъ снишелъ къ чelовѣку, то чelовѣкъ напрошивъ того долженъ восходити къ нему; прелѣпиться же къ землѣ значить опречься ошѣ сего союза и съ упрямствомъ хотѣвъ оспасться во глубинѣ мрака въ то время, когда Царь Царей призываетъ насъ ко двору своему и своей славѣ.

Какая вѣра, кромѣ Хрисціанской, восходитъ до послѣдняго дня міра, и кошорая началась союзомъ, предшесшвовавшимъ оной; въ чемъ свидѣтельсшвовали многія тысячи людей, кои будучи хранишелями книгъ ея, сдѣлалась ея Апосшолами, не взирая на то, что были враги оной?

Религія по злоупотребленію слу-

жила нѣкопорымъ честлюбцамъ
 прикрышіемъ ихъ постыдныхъ и
 безчеловѣчныхъ дѣлъ, копорыми про-
 извели они на землѣ неустройство
 и беззаконіе. Сіи безумцы пора-
 мили свяпость ея, сражаясь име-
 немъ оной шакимъ оружіемъ, копо-
 рое совсѣмъ не сходствуетъ съ ору-
 жіемъ вѣры, состоящимъ только
 въ кропоси и шерпѣни.

Всѣ ложныя вѣры заимствовались
 ошъ правой нѣкопорыми испина-
 ми, копорыя онѣ смѣшивали съ сво-
 ими выдумками; и изъ сей-то са-
 мой смѣси всего удобнѣе можно ви-
 дѣть разнообразіе оныхъ.

Могомешанская вѣра сосшавле-
 на изъ вѣръ Іудейской и Хрістіян-
 ской; но основатель оной приба-
 вилъ къ ней еще нѣкопорыя нелѣ-
 посши, копорыя почелъ способны-
 ми распалилъ воображеніе Арабовъ,
 и весьма благоразумно сохранилъ
 ту спрасъ, копорая владычест-

вовала въ семъ народѣ и обладала имъ самимъ.

Законъ Ламы, исповѣдуемый нѣкошорыми Азійскими народами, и кошорый древнѣе Магамешанскаго, имѣешъ съ нимъ общее господство въ Азіи. Ихъ богъ Фо, говорящъ они, училъ народъ иносказаніями и оставилъ послѣ себя намѣстника, коему подчинены разные классы Ламовой секты. И шакъ, не естъ ли эшо явное подражаніе нашей Іерархіи?

Чшо была за предосудишельная полишика, заспавлявшая проповѣдывать народу нелѣпости, а высокое ученіе предоспавлявшая только ихъ начальникамъ. Такова шочно была полишика Египтянъ; и шакъ Религія сущесшвуетъ еще и по нынѣ у ученыхъ въ Кишаѣ, у Браминовъ въ Индіи, и всѣ древніе мудрецы поступали шакъ же.

Плашонъ, признавшій Бога швор-

цемъ всяческихъ, запрещаетъ говорить о томъ народу. Наша вѣра напрошивъ того не терпитъ споль посмѣднаго исключенія: по ея правиламъ и бѣдные граждане, и владѣтели земли посвящаются равно къ великимъ таинствамъ оной.

Какою благодарностию обязаны мы Божеству при взорѣ на столькое число народовъ, живущихъ въ не-вѣжествѣ и варварствѣ, что оно повелѣло родиться намъ въ истинной вѣрѣ, ведущей человека по пути добродѣтели къ высочайшему блаженству. Не знаешь цѣны преимущества, происпекшаго единственно отъ его милосердія, есть совершенно скопская безчувствен-ность; а изъ сего преимущества выводимъ доказательство прошивъ Религіи значить быть въ высочайшей степени неблагодарнымъ.

Что будешь съ тѣми націями, кошорыя не имѣютъ вѣры? Но при-

лично ли намъ дѣлать такой вопросъ? — Предѣленіе чловѣка хранишся въ нѣдрахъ Бога, и сіе предѣленіе познаемъ мы чрезъ законъ. И такъ, спросимъ лучше самихъ себя: почему мы такъ дурно пользуемся дарованнымъ намъ свѣтомъ истины?

Христіанинъ никого не поноситъ. Онъ хотя чувствуетъ достоинство своей Религіи, но не осуждаетъ своихъ братьевъ, а только молился за нихъ.

Истина — принятая или непризнанная, послѣдуемая или опровергнутая — рѣшивъ нѣкогда на всегда жребій всѣхъ смертныхъ.

Ослѣпленіе Іудеевъ, равно какъ и разсѣянiе ихъ по всему лицу земли, есть очевидное наказаніе. Съ одной стороны видятъ они, что Христосъ, родившійся въ ихъ народѣ, и шоль недоспойно опровергнутый

ими, обогошворяешся другими народами; а съ другой зряшъ себя безъ законовъ, безъ гражданскаго устройсва, безъ храмовъ: словомъ, все сбылось по пророчесству Иисусову. И шакъ не долженствовало ли все оіе открытъ имъ глаза?

Пророчества его сбылись съ такою точностію, что Порфирій осмѣливается утверждать, будто бы онѣ были сдѣланы уже послѣ ихъ событія; да и самые Іудеи чувствовали исполненіе ихъ столь убѣдительно, что по прошествіи времени, означеннаго сими пророчествами, помѣстили въ канонъ проклятія всѣхъ тѣхъ, кои дерзнули бы сдѣлать сомнительными лѣта Мессіана пришествія.

Сколь малъ; по обыкновеннымъ нашимъ понятіямъ, являешся избавитель Іудеевъ въ сравненіи съ Царемъ міра, виновникомъ всякой спра-

ведливости ! Но желаемость чело-
вѣческая не знаетъ никакой , кро-
мѣ временной власпи , и никогда
не пойметъ того , что единая поль-
ко добродѣтель можетъ имѣть го-
сподство на землѣ.

Не Иосифовъ ли это сынъ ? го-
ворили Іудеи разговаривая объ Ии-
сусѣ. Но такъ говорящъ еще и ны-
нѣ люди , зараженные тщеславіемъ:
добродѣтель въ низкомъ званіи въ
глазахъ ихъ ничто ; побѣдоносный
Магомешъ кажется имъ величест-
веннѣе поспрадавшаго Мессіи.

Народъ Іудейскій видѣлъ , какъ
подобно призраку исчезали въ гла-
захъ его всѣ царства , кои на-
казывали его , равно какъ и то ,
которое разрушило его храмъ и
законы. Сей малый , почти испреб-
ленный и въ рабство приведенный
народъ пережилъ всѣ сіи державы ,
не смѣшавшись ни съ одной изъ
нихъ ; и Парфіяне , которыхъ пред-

спавляють намъ вопреки того ,
 суть только горсть древнихъ
 Персіанъ , живущихъ въ неизвѣст-
 ности и нищестѣ въ одномъ углу
 Азіи , изъ котораго они никогда
 не выходили. Іудейскій народъ на-
 прошивъ того , который теперь
 многолюднѣе прежняго , распростра-
 нился повсюду и вездѣ носитъ съ
 собою свои книги и надежды.

Наши вольнодумцы называютъ
 сокровища Соломоновы баснею , а
 вѣрятъ сокровищамъ Креза , Царя
 Лидійскаго , не взирая на то , что
 онъ владѣлъ гораздо меньшею об-
 ластію.

Христосъ , о которомъ предска-
 зывали , котораго изображали въ
 іероглифахъ и ожидали съ самаго
 начала мірозданія , пришелъ на зем-
 лю дать законъ свой , воскресъ во
 славу и величіи , и паки придетъ
 судить челоуковъ по сему закону.
 Второе пришествіе его сшоль же

несомнишельно и есть слѣдствіе
перваго ; а онѣ сего вторичнаго
пришесствія зависить судьба всего
свѣша , онѣ него и для него сошво-
реннаго.

Всеобщій судѣ есть шонѣ вели-
кій день, для котораго получили
бышіе всѣ другіе ; онѣ есть день
шоржесства Іисуса Христа и его
избранныхъ , въ которъй ошкроет-
ся величіе судебъ Божіихъ.

Сорокъ вѣковъ , прошекшіе до
пришесствія Мессіи , и шѣ , кои
прошекутъ до дня шоржесства его ,
что всѣ они суть , ежели не еди-
ная почка ? Время , кажущееся намъ
сшоль продолжишельнымъ и доспа-
вившее поводъ къ сшолькимъ раз-
дорамъ , кажешся шакowymъ только
въ ошношеніи къ крашкому бышю
нашему.

Всѣ сіи великіе предметы зани-
мають насъ очень мало , шшому

что мы, будучи заключены въ тѣсномъ кругу теперешняго бытія своего, не вѣримъ ничему, что находится внѣ онаго; и самая вѣчность по понятіямъ нашимъ кажется намъ невѣроятною.

До исполненія обѣщанія Іудейство было истинное Богослуженіе; оно примыкаетъ и къ Христіанству, и подобно ему распространено для того только по всей земли, чтобы было всегда послѣднему непреложнымъ доказательствомъ.

Христіанская вѣра есть единая, которая прошла всѣ страны земли: даже въ Азіи и Африкѣ число Христіанъ примѣтно велико; Европа почти вся исповѣдуетъ законъ Христіанскій, такъ какъ и тѣ земли Сѣверной и Южной Америки, которыя находясь теперь въ образованномъ состояніи. Она есть единая, имѣющая признаки повсемѣстной вѣры и сохраняющая оныя;

и естѣли шеряетѣ нѣчто съ одной,
то напротивѣ того пріобрѣтаетѣ
съ другой стороны; она просвѣщая
собою всѣхъ, не придерживающа
климата или мѣстнаго положенія.

Естесшвенная Религія ведетѣ къ
Хриспіянству; но кто ославляетѣ
Евангеліе для того, чѣобы вести
себя по закону естесшвенному, тоѣ
поспупаетѣ противѣ совѣсти и
разсудка: онѣ предпочитаетѣ его
Евангелію не по другой какой при-
чинѣ, какѣ только пошому, чѣо не
взирая на его непостоянство и
зыблемость, можно сверхъ того
перемѣняетѣ сей законѣ по произво-
ленію; но вникнувѣ въ него совер-
щенно, увидишь, чѣо безѣ соеди-
ненія съ Хриспіянскою нравшвен-
ностію онѣ естѣ явный врагѣ вся-
каго закона и начальства.

Какое гнусное дѣйствіе поспав-
ляетѣ на мѣсто Хриспіянской вѣры
тоѣ хладный деизмѣ, который

хощя имѣшѣ свои споль же непро-
 ницаемыя мистеріи, и въ чистотѣ
 своей споль же спрогіе законы,
 но не обѣщаешѣ никакого прибѣ-
 жища. Лучше ли деисша знають пе-
 реходѣ изѣ ничтожества къ бышю,
 и лучше ли бывають научены,
 какѣ Богѣ шворишѣ единственнѣ
 по своему хощѣнію? Какимѣ обра-
 зомѣ онѣ, не занимая никакого про-
 спранства, вездѣ сущесшвовашѣ
 можешѣ? И менѣ ли при шомѣ бы-
 ваютѣ обязаны обращаться къ Богу,
 бышѣ цѣломудренными, воздержны-
 ми и проч. — Но гдѣ можно найши
 сихѣ истинныхѣ деисшовѣ?

Хрисшіянская вѣра возникла не
 для того, чшобы сдѣлашѣ шягосп-
 нѣйшимѣ его еспесшвеннаго закона,
иго мое легко есть говоришѣ Ос-
 новашель оной; она напрошивѣ
 введена для того, чшобы облегчишѣ
 бремя должностей и просвѣшишѣ
 какѣ еспесшво, такѣ и разумѣ че-
 ловѣческій. Вѣра чловѣку ешѣ шо

же , что крылья для пищи ; безъ помощи оной едва ли бы могъ онъ на землѣ пресмыкаться.

Увидя какое нибудь чудо , иной подумалъ бы : какое ослѣпленіе ! Правда , коша есть чудеса очень запущанныя ; однакожь отъ времени до времени являющіяся знаки Божіяго всемогущества — и при всемъ томъ имъ не вѣряшъ , но всегда имѣющъ свои доказательства , по коимъ почишающъ ихъ подозрительными. Если бы чудеса случались чаще , то бы еще менѣе начали довѣряшъ онымъ. Съ сотворенія міра , которое было первымъ чудомъ , до нашихъ временъ видимъ мы безчисленные чудеса — и кого же онъ удивляющъ ?

Философическій скепсизмъ бываетъ иногда только разуменъ и полезенъ , когда относишся къ тѣмъ предметамъ , которые , пошому что мы рѣдко занимаемся ими , имѣющъ

для насъ мало привлекательнаго ;
но упорствовать въ сомнѣніи ка-
сательно нравственности и Рели-
гiи есть глупость , дошедшая до
послѣдней степени , и тогда люди
уподобляющагося тому Государю , ко-
торый опасаясь бытъ оправлен-
нымъ , умеръ съ голоду.

Неимовѣрный обманывается , ду-
мая , что системою своею можетъ
освободиться отъ всякаго страха.
Если для человека нѣтъ ничего
извѣснаго , то онъ вмѣсто из-
вѣстности долженъ принять дока-
зательность. Тогда сія послѣдняя
долженствуетъ управлять его по-
ступками такъ же , какъ и извѣст-
ность.

Наши Философы находятся без-
престанно между собою въ несогла-
сіи. Одинъ изъ нихъ , который бо-
лѣе показалъ здраваго ума человѣ-
ческаго , сперва выхваляетъ вѣру ,
и потомъ почти пошъ же часъ

злословишѣ ее. Вольперѣ говоришѣ, упоминая о моральномѣ злѣ, что одна только вѣра развязала узелѣ сей, и что одна только она есть прибѣжище для человѣка, когда онѣ, находясь вѣ неизвѣсности и робости, скидается вѣ пошьямахѣ; и пошомѣ сей же самый Вольперѣ отрицаешѣ ее самымѣ гнуснымѣ образомѣ. И такѣ какѣ можно полагаться на такихѣ умниковѣ!

Заблужденіе ума, которое при нѣкоторомѣ сходствѣ, найденномѣ имѣ между живошнымѣ и человѣкомѣ, приводитѣ неосторожныхѣ къ заключенію, что они принадлежатѣ къ сему же классу, заспавляешѣ ихѣ также ошибаясь и вѣ нѣкоторыхѣ черпахѣ, общихѣ какѣ истинной, такѣ и ложнымѣ вѣрамѣ, и заключаешѣ, что все есть одно и то же.

Правда, находящаяся ложныя Религіи; но уже ли всѣ онѣ таковы?

Религія.

Н

Священники обманывають, возражають нѣкошорые, оракулы лгують; но уже ли и наши имѣють въ себѣ такіе же пороки? Есмь выдуманная ошквовенія, ложныя чудеса; заблужденіе имѣетъ своихъ мучениковъ, своихъ покаянниковъ: но все сіе уже ли безъ всякаго ограниченія? Нѣтъ, эшо заслуживаетъ размышленія и изслѣдованія. Но мы въ несчастію не любимъ ломать много головы, и для насъ легче опшвергать все безъ разсужденія, нежели вникать съ шонквспію ума просвѣщеннаго.

Опшвергать мисшеріи пошому шолько, чшо онѣ непонятны, значить увѣрять чловѣка, чшо Богъ не имѣетъ ничего шайнаго; особбиво же естѣли при шомъ еще ушверждашь, чшо нѣтъ истины, кошорая моглабъ бытъ сокрыта отъ разума, и чшо несообразно съ разсудкомъ, чшобъ безконечное Существо имѣло высочайшіе виды, нежели сошворенное.

Человѣкъ самъ къ себѣ даже и не помыслилъ бы о мистеріяхъ вѣры. Неизмѣримо пространство, находящееся между ими и его пониманіемъ. Кому бы пришло въ голову, что познаніе, которое Высочайшее Существо имѣетъ о самомъ себѣ, породило второе Лице, которое различно отъ него, однакожь сославлятъ съ нимъ единое; что изъ взаимной чистѣйшей любви ихъ происходитъ третье Лице, которое также одинаково съ обѣими первыми, и что рожденное Лице воплошилось, дабы соединить человѣка съ Богомъ? — Безъ нарочитаго откровенія умъ человѣческій никогда не могъ бы понять сего.

Внемля своему разсудку, покоряюсь Религіи. Когда уже извѣстно, что Богъ говорилъ нѣкогда, то вѣра для моего разсудка уже не мученіе; она напрошивъ того служишь ему утѣшеніемъ.

Тайна Креста въ умѣ невѣрующихъ есть дурачество, но Св. Пётръ почишае дурачествомъ такое мнѣніе. Соблазны, зримые въ церквахъ, возмущающъ духъ невѣрующихъ: но не самъ ли Христосъ сказалъ, что будутъ соблазны? — Возраженія сіи были предвидимы, и мы можемъ принять ихъ доказательствами.

Для когобъ были написаны книги, нападающія на вѣру, Провидѣніе и безсмертіе? во угожденіе беззаконниковъ: во всемъ человѣческомъ родѣ одни только они любящъ искажающъ истину, которая напрошивъ служишъ единой утѣхою всѣхъ добрыхъ людей.

Напрягали послѣднія усилія, испытывали всѣ средства ослабишъ силу книгъ Моисеевыхъ; въ Физикѣ, въ памяшникахъ древности и Исторіи сшаралась найши чтонибудь такое, которое могло бы по-

мрачить истину оных; но тщетны были всѣ такія покушенія : происхожденіе народовъ , ихъ преданія и даже басни сшихотворцевъ вѣщающъ намъ въ пользу книгъ сихъ.

Неоспоримо доказано , что Китайскія и Индѣйскія древности не древнѣ Соломоновыхъ. Тысячи вѣковъ , о коихъ заключили по обломкамъ лавы , найденной во внутренности земли , разрушающа пѣми же самыми обломками , найденными среди развалинъ Геркулана. То же можно сказать и прошивъ другихъ возраженій : вмѣсто пысячи сша звѣздъ открыто телескопомъ великое оныхъ множество ; познали , что солнечный свѣтъ совсѣмъ различное отъ него пѣло , и даже доказано , что Ноевъ ковчегъ могъ вмѣщать въ себѣ всѣхъ животныхъ. И такъ сіи умствованія не только не могутъ низпровергнуть Священной Истории , но даже причинишь ей хотя малѣйшій вредъ.

Различіе въ переводѣ Священнаго Писанія ограничивается только нѣкоторыми пунктами лѣтосчисленія и Исторіи, менѣе интересной для нравовъ; что же касается до догматовъ и нравственности, то въ семъ находящся вездѣ удивительное согласіе.

Вольнодумцы наши издѣваются надъ пресупленіемъ нашихъ прародителей; но пусть же они скажутъ намъ, какимъ инымъ образомъ могли бытъ испытаны два шворенія, которыя, кромѣ плодовъ земли, не имѣли никакихъ другихъ приманчивостей? Они почитаютъ грѣхъ сей бездѣлицей, такъ какъ и преступленіе ихъ дѣломъ маловажнымъ.

Пусть ихъ ломаютъ свои головы пустымъ умствованіемъ; но безконечное саморожденіе человѣческаго рода противно разсудку, и оный необходимо приводится къ заключе-

нію о созданіи; а принявъ оное за истину, прочее обьяснится уже само собою Божественная Премудрость, снизшедшая на землю для обученія человѣка, споль же несомнѣнна, какъ и то, что сія же самая Премудрость создала онаго.

Но для чего же истина не сіяетъ въ томъ блескѣ, который привлекаетъ всѣ мыслящія существа? Это значишь о же, еслили бы спросили: для чего Богъ не являеся человѣку въ полномъ своемъ величіи? Но онъ дѣйствительно явился нѣкогда; однакъъ то время еще не настало. Жизнь вѣры есть жизнь свѣта, смѣшанная со тьмою. Въ семъ мірѣ живемъ мы подобно какъ во тьмѣ, которая скоро долженствуетъ разогнашся Солнцемъ полуденнымъ; а въ ожиданіи сего событія при всѣхъ нашихъ размышленіяхъ о предметахъ, насъ окружающихъ, должны мы руководствоваться свѣтильникомъ вѣры.

Испины , на коихъ человѣкъ долженъ основываться въ своихъ умо-
заключеніяхъ , находясь предъ
нимъ такъ , что онъ по произво-
ленію своему можетъ или прибли-
житься , или отдалиться отъ нихъ.
Все устроено такимъ образомъ ,
чтобы онъ могъ безпрепятственно
пользоваться своею волею. Хотя
Богъ и впечатлѣлъ на всѣхъ тво-
реніяхъ природы нѣкоторыя про-
гательные признаки своего присут-
ствія на земли ; но они могутъ
быть понятны только для тѣхъ ,
которые захотятъ вникнуть въ
оные.

Философы наши почитаютъ вѣ-
ру предразсудкомъ , но сія вѣра са-
ма гнушается всѣхъ предразсудковъ:
она не щадитъ ни самолюбія , ни
щеславія , ни преимуществъ поро-
ды , ни раздоровъ — словомъ , ника-
кихъ пороковъ.

Вѣру почитаютъ удѣломъ толь-

ко слабаго ума; но должно счестъ великихъ мужей какъ съ одной, такъ и другой спороны, и тогда въбра предспавитъ ихъ гораздо большее число, кошорымъ враги ея могутъ прошивопоспавитъ шолько болѣе остроумцевъ, нежели глубоко-мысленныхъ и испинно разумныхъ людей.

Въ свѣтѣ живутъ люди болѣе безприспрасшныя, нежели невѣрующіе. Хошя они и не оспориваютъ истинъ вѣры, однакожь слушающъ Евангеліе съ такимъ равнодушіемъ, съ такою нечувспвишельностію, какъ и испорію Тацита, и ни одна изъ высокихъ истинъ, содер-жащихся въ сей Священной книгѣ, не дѣлаешъ на нихъ никакого впечатлѣнія, и сія нечувспвишельность гораздо вреднѣе самага сомнѣнія.

Глупое ослѣпленіе владычествуетъ между народамъ. Но ештли бы
Религія. О

порядочно размышляли о челоѣкѣ, что онѣ такое, какѣ попалѣ на землю, какѣ провождаетѣ на ней жизнь свою, и какая цѣль крап-каго его на ней пребыванія, то мудрецы наши конечно переспали бы горячишься и входишь въ пусшыя о томѣ распри.

Опвергающіе вѣру не принимающѣ ничего на мѣсто оной; да и справедливо, ибо въ самомѣ дѣлѣ ее не лзя замѣнишь ничѣмѣ разумнымѣ, не наложя на себя оковѣ гораздо тяжчайшихѣ.

Опвергая Хриспіанскую вѣру, надлежитѣ прибѣгнущѣ или въ атеизму, (но какое эшо жалкое прибѣжище!) или, что все одно и шо же, должно принящѣ ученіе Епикурово: а пошому можно ли познащѣ Провидѣніе и ушверждащѣ, будто бы оно хотѣло, чтобы совершеннѣйшій пущѣ, высочайшая добродѣшель, важнѣйшія обѣщованія —

изящнѣйшее швореніе Божіе были
дѣйствіемъ обмана?

Религія показуєть намъ планъ,
въ которомъ все наисовершеннѣй-
шимъ образомъ принаровлено одно
къ другому, и гдѣ одно подкрѣпля-
єть другое. Первородный грѣхъ, за-
конъ, данный Моисею, божествен-
ность Іисуса Христа, его воскре-
сеніе, основаніе его Церкви, всѣ
догматы оной находящаяся въ связи
между собою и образуєть съ нрав-
ственностію единое шѣло, ошѣ
котораго не лѣзя ошнѣть часши,
не разруша до основанія цѣлаго.
Между природою и Христіанствомъ
примѣтно такое согласіе, что оба
они совокупно показывають намъ
Творца ихъ.

Историкъ Іосифъ, Еврей и при-
дворный, мимоходомъ упоминаєть
о Христѣ и долженъ былъ признашь
его, хошѣ не вѣровалъ ни въ него, ни
въ его Пророковъ. И такъ сіе мѣсто,

есшъли шолько испышашель захо-
чешъ присшупишъ вѣ изслѣдованію
по правиламъ чесши , должно бышъ
ему не менѣе досповѣрно , какъ и
врагамъ Религіи , шо ешъ , шо мѣ-
шо , гдѣ онѣ упоминаешъ о смерши
Іоанна , нареченнаго Крещишеля ,
и о смерши Іакова браша Господня.

Свешоній, Тацитъ, Плиній и Лу-
кіанъ пишущъ о Христѣ, и под-
твержденіе ихъ согласно съ наши-
ми преданіями. Іусшинъ, Лакшан-
шій, Оригенъ, Тершуліанъ и всѣ
первые насшоятели Церкви вѣ уш-
верженіяхъ своихъ свидѣтельсшву-
ющся язычниками; и шакимъ обра-
зомъ мы находимъ, чшо они вѣ до-
шедшихъ до насъ сочиненіяхъ не
прошворѣчили одинъ другому.

Халкидъ и Макробій пишущъ,
первый о звѣздѣ, явившейся мудре-
цамъ Воспочнымъ, а другой о кро-
вопролишій, которое учинилъ Иродъ,
получа извѣсшіе о семъ явленіи.

Флегонъ и Таллусъ упоминають о шмѣ , разпростершейся по землѣ при кончинѣ Іисусовой , и сіе приключеніе сохранилось записаннымъ во всѣхъ публичныхъ архивахъ.

Самъ Іуліанъ признается въ своихъ сочиненіяхъ , что онъ намѣренъ былъ снова выспроить храмъ Іерусалимской ; а Аміанъ , шакже язычникъ и любимецъ его , оставилъ намъ по своей смерти подробное повѣспованіе о страшныхъ феноменахъ , которые , разруша его основаніе , прошивились возобновленію онаго ; и сіе подшверждаешся даже самими Раввинами.

Цельзъ , Порфирій и Іуліанъ шакже свидѣшельспвуютъ въ чудесахъ Іисусовыхъ , которые приписываютъ физическимъ причинамъ , и кои , по словамъ ихъ , извѣстны Египешскимъ мудрецамъ , и проповолагають чудесамъ его чудеса , содѣланныя Аполлоніемъ Тіанскимъ

Но замѣшымъ , что сіи свидѣтель-
ства не суть свидѣтельства учени-
ковъ Иисусовыхъ , а враговъ его.

Словомъ сказать , Божественный
основатель нашей вѣры имѣетъ о
себѣ столько доказательствъ , что
не можно сомнѣваться ни въ его
посланіи , ни о его бытіи , ни о его
смерти и воскресеніи въ царство-
ваніе Тиверія , и изъ всѣхъ чело-
вѣческихъ познаній нѣтъ ни одно-
го такого , которое былобъ швер-
же и основательнѣе доказано.

Правда , спраданіе праведника ,
жертвующаго собою для спасенія
братій своихъ , противно нашему
понятію. Одинъ виновный долженъ
спрадать , говоряшъ всѣ и каждый.
Но прилично ли намъ дѣлать пред-
писанія Божіей справедливости , и
уже ли Богъ , награждая жертво-
ваніе самимъ собою праведника , не
можетъ за него наградишь шакже
и его попомство.

Можешъ ли бышь пріятно Богу ,
 когда спрадаешъ шварь его ! вошъ
 возраженіе ; но оно пустое , неосно-
 вательное. — Въ порядкѣ вещей
 находишся правило , чшобы разум-
 ное и свободное швореніе жерш-
 вою заслужило шо удовольствіе ,
 кошорымъ Творецъ хочешъ награ-
 дишь его , и сему условію былъ под-
 верженъ шакже самый Іисусъ Хри-
 спосъ , пожершвовавшій собою для
 спасенія міра.

Спраданіе сего Богочеловѣка ,
 равно какъ его Мучениковъ показ-
 шихся, и все, чшо человѣкъ здѣсь
 на землѣ претерпѣшъ можешъ , ни-
 какъ не сравнишся съ шою славою, ко-
 шорою Богъ вознаградишъ нѣкогда за
 понесеніе сихъ малыхъ шягосшей,
 а пошому всякое спраданіе въ семъ
 ошношеніи должно почишашъ ошъ
 него даромъ.

Какими гореспными идеями ис-

полняєть Христіянство душу, говорять люди, зараженные суешами сего міра; но я скажу, что онъ напрошивъ того производять въ чловѣкѣ утѣшительныя чувства, радостныя понятія и опличныя идеи. Можеть ли бытъ что горестнѣе того положенія, въ кошоромъ находишся чловѣкъ, когда при всѣхъ ужасахъ смерти представляется его воображенію и страшная будущность, содроганіе предъ коею не можеть заглушиться никакими спрасами его раздирающими, и кошораго не можеть онъ сокрыть никакою Волтеріанскою улыбкой.

Чловѣкъ, не имѣющій вѣры, есть слабое, презрительное существо: у него только низкія намѣренія, и всѣ желанія ограничены лишь земнымъ, или симъ шаромъ, на кошоромъ онъ пресмыкается. Когда разорвется связь между имъ и Богомъ, тогда чловѣкъ уподобляется лѣсному жишелю, а уже не

обезьянѣ, кошорая вѣ такомѣ случаѣ
будетѣ лучше его организована ; и
Епикуризмѣ нынѣшняго времени
дѣйспвипельно унижаетѣ человекѣ
до сей степени. И шакѣ вошѣ чшо
можетѣ сдѣлашѣ изѣ него ложная
Философія! . . .

Еспѣли душа не безсмершна , то
всѣ Религіи ложны , и еспѣли всѣ
Религіи ложны , то человекѣ еспѣ
несчасшное швореніе , кошорымѣ
Богѣ играетѣ какѣ игрушкою и
подвергаетѣ его заблужденію , бѣд-
спвію и игрѣ случая. — А такому
шворенію чего ожидашѣ оспашся—
ничшожеспва ? Но обѣ эшомѣ и
помыслишѣ не можно.

Двоякаго рода люди любяшѣ гово-
ришѣ о Религіи : перваго рода , лю-
бя ея по склонности ; а другіе , бо-
ящіеся оной, для шого, чшобѣ предо-
хранишѣ себя ошѣ угрозѣ ея; прешій
же родѣ людей никогда не говоришѣ
о ней, и сіи послѣдніе люди не луч-

ше вторыхъ. Вѣра для нихъ какъ будто бы не существуетъ, пошому что они сами для другихъ людей какъ будто бы не существуютъ.

Кто не имѣетъ вѣры первымъ и отличнѣйшимъ своимъ предметомъ, тотъ почти не имѣетъ ее. Большая часть людей хранитъ оную лишь для благоприспособности и не знаятъ, что одна только она есть существенное и важное, въ чему все должно стремиться.

Поелику Богъ по существу своему есть истина, изъ котораго, какъ единого источника, происходятъ всѣ прочія истины, откуда происходитъ каждая изъ оныхъ, и отъ которой зависятъ всѣ другія: по посему Религія и должна непременно болѣе или менѣе относиться ко всему извѣстному чело-вѣкамъ Нравоученіе, Исторія, Юрис-пруденція и даже самая Политика—все озаряется свѣтомъ ея.

Всѣ изящныя науки , языки , бы-
тописаніе , и самая Мнѳологія —
всѣ онѣ сдѣлались у человѣковъ пред-
метомъ ихъ ученія, и большая часть
изъ нихъ едва ли знаешь , чему вѣ-
ришь и чему не вѣришь должно.

Одной вѣрѣ надлежитъ обучаться
сѣ наивеличайшимъ стараніемъ. Ее
не любятъ потому только , что не
знаютъ , а не хотятъ знать по-
тому , что привержены къ та-
кимъ вещамъ, которыя она не одоб-
ряетъ.

Разсудокъ лишь предполагаетъ ,
что душа , такъ какъ особенная
часть отъ тѣла , должна остаться
и послѣ разрушенія онаго ; но
вѣра напрошивъ того научаетъ
насъ, что душа , назначенная бытъ
въ соединеніи сѣ тѣломъ , чрезъ нѣ-
которое время опять и навсегда
сѣ нимъ соединится. Тѣло, кошо-
рое Богъ обѣщавалъ дать намъ въ
последствіи , не можетъ ни сѣ

чемъ сравнишься на земли; а мы судимъ только въ отношеніи къ земному.

Но такое оббщованіе оббщаетъ слишкомъ многое, чшобъ можно было вбришь оному, говоришь вольнодумецъ; однакожь сіе-то самое и доказываетъ намъ его произхожденіе: награды Божіи должны бышь естесшвенно превыше всбхъ пчнншій человбческихъ.

Философамъ угодно было возвысись нашу матерію до такой понюкости, которая, говоряшь они, можешъ дашь ей способность мысленія. Однакожь мы не пойдешъ споль далеко, а будемъ только вбришь, чшо Богъ можешъ довести наше шбло до непрембняемости, котораго ничшо повредишь не въ сосшояніи.

Къ чему бы послужили намъ органы, ешшли по смерти не будемъ

имѣшь предметовъ? Какъ можно собрать частицы нашего исплѣвшаго шѣла? Гдѣ помѣстишь чело-вѣковъ по ихъ воскресеніи: доста-нешь ли имъ мѣста? Вошъ какія возраженія — самыя пусшыя и без-смысленныя! Для возстановленія шѣ-лесъ нашихъ не нужно намъ такой же матеріи: ибо иначе въ рассу-женіи пространства или мѣста чрезъ приращъ лѣтъ ошъ рожденія не могли бы мы заняшь того же са-маго.

Богъ благъ, говоришь безбожникъ, онъ не содѣлаешь меня навсегда не-щасливымъ; но такой Богъ, какого ему хочешся, былъ бы защитникомъ порока, и Царь, уподобившись сему Богу, былъ бы жесточе самага пи-рана.

Мы оскорбляемъ Творца нашего, приписывая ему милосердіе, кошо-рое простирается на всѣхъ винов-ныхъ безъ исключенія. Милосердіе

его не въ помѣ состоишь, чѣмъ увѣнчиваешь нарушителей порядка, но въ помѣ, что оно подаетъ таковымъ средства обратишься и исправишься; прошивное сему было бы прошивно его свойствамъ.

Жалобы, приносимыя человѣкомъ на великія несправедливости въ дольномъ мірѣ, есть гласъ природы, независящій отъ воли человеческой. И такъ, если находишься въ насъ такое чувство справедливости, то что же должна быть справедливость Божія? уже ли вознаградить она прелюбодѣяніе, грабежъ, смертоубійство и прочіе пороки вѣчнымъ блаженствомъ?

Какъ досадно слышать вопросы и распри о сщепени любви, вошорою обязаны мы Богу!—Но такъ ли разсуждаемъ мы въ нечестивой любви? Она у насъ не знаетъ никакой мѣры. И только для Бога, всѣхъ насъ безконечно любя-

щаго , хотѣвъ принявъ за масштабъ для измѣренія любви его ? Но по сущей справедливости должно сказать , что , если бы человѣкъ имѣлъ и неограниченныя способности , то и онъ были бы жертвою , которую надлежало бы посвящать совершенно единому Богу.

Любимый предметъ долженъ быть единственнымъ предметомъ нашимъ ; надлежитъ безпрестанно заниматься онымъ , любить то , что онъ любитъ , стараться угождать ему и во всемъ поступать по его волѣ. Вотъ признаки любви , хотя бы она относилась къ Творцу , или его творенію. Однакожь , хотя сіи чувствованія случающіяся и нерѣдко между людьми ; но для кого онъ бывающъ ? — всегда по большей части для творенія , а не для Творца его.

Безъ сомнѣнія должно любить Создателя и хранителя бытія своего ; но

человѣкъ; окруженный только вещественными предметами, весьма удаленъ отъ праведнаго Виновника всяческихъ; однакожь, не взирая на сіе, безпредѣльное его милосердіе послало намъ , для вознагражденія или поправленія сего, Христа Спасителя.

Въ Христѣ находить человѣкъ все. Поелику онъ одинаковаго свойства съ Богомъ , то имѣетъ всѣхъ совершенства , которыя принадлежатъ Божеству, и только въ немъ одномъ можемъ мы созерцать сіи совершенства; но обладая при томъ также и одинаковыми свойствами съ человекомъ , обладаетъ въ высочайшей степени и тѣми совершенствами , которыми Богъ можетъ одарить свое твореніе. Словомъ, съ какой стороны ни посмотри на него , то познаніе объ ономъ есть и будетъ превосходнѣйшею наукою человека , и горе тому , который знаетъ все , но не знаетъ Христианства.

Я не отъ міра, міръ не вѣдаетъ меня, говоритъ Спаситель.—Сколько сердце его ни было воспламенено священнымъ огнемъ милосердія, сколько ни любилъ онъ родъ человѣческій; однакожь исключилъ міръ отъ тѣхъ милостей, о коихъ просилъ Отца своего. И можно ли безъ содроганія слышать намъ о семъ, когда мы прилѣплены къ землѣ, поржесшвенно прикляшой самою Истиною? . . .

Философы наши запрудняются въ пониманіи того, что божесшвенная вѣра повелѣваетъ человѣку ему непріятное; видѣшь Бога, содѣлавшагося человѣкомъ, человѣка служишелемъ его Церкви, даже и законъ писанный человѣкомъ—все это для нихъ непонятно, и они во всемъ ономъ хотѣли бы услышать разрѣшеніе отъ самаго Бога. Богъ знаетъ лучше, что прилично человѣку. Ему угодно было, чтобы онъ позналъ величіе своей натуры, и когда по-

сылалъ въ нему Ангела, що облакалъ онаго во плоть его.

Служишелямъ олшаря надлежалобъ бышъ Ангелами; но они во всѣ времена были чловѣки. Даже при самомъ еще основаніи Церкви случались худые служишели оной; но не взирая на всеобщее поврежденіе народа, естъ еще и въ нашъ вѣкъ церковнослужишели, достойные временъ Апоспольскихъ; и ежели изъ сего класса выключишь тѣхъ, кои носятъ только имя оныхъ, то въ нихъ лишъ однихъ можно найти наиболѣе здраваго разсудка и добродѣтели.

Кшо ушверждаешъ, чшо Церковь не одушевляешся уже тѣмъ духомъ, кошорымъ, по его мнѣнію, одушевлялась она въ первое сполѣшіе своего возникнушія; шопъ, можно сказашь, ошвергаешъ даже самое бышіе ея.

Необходимо нужно было, чшобы

Церковь получила въ удѣлѣ видимое совершенное судилище и высочайшаго судію въ предмѣсахъ, касающихся вѣры. Точность Церкви въ ея ученіи, которое возмущаетъ секшы, есть главный догматъ, о которомъ говорилъ самъ Хрисосъ, и безъ котораго колеблющаяся всѣ другіе и не могутъ болѣе сохраниться въ той чистотѣ, въ коей находились въ теченіи XVIII столѣтій.

Когда Лютеръ и Кальвинъ возстали противъ Рима или его догматовъ, тогда ни личное ихъ уваженіе, ни неоспоримость ихъ доказательствъ понудили Государей посылать имъ подкрѣпленіе; но они руководствовались къ тому, имѣя въ предметѣ собственныя выгоды.

Часто фанатизмъ, въ соединеніи съ глупостію и распутствомъ, порицалъ святость вѣры. Мы видѣли Одамировъ, молившихся нагихъ во храмахъ своихъ, и Венеціанскаго Апостола, который показывалъ дѣ-

вицу, выдавая ее за Мессію женскаго пола. Всѣ сіи мерзоспи, проклинаемыя Религією, служащѣ доказательствомъ, съ какою непоколебимостію исребляетъ она все оскорбляющее чистоту ея.

Іоаннѣ Гуссѣ, Серветѣ и прочіе захошѣли лучше погибнуть во пламени, нежели опсшатъ отъ своего мнѣнія; ученики Пифагоровы пять лѣтъ наблюдали непрерывное молчаніе и вели самую строгую жизнь; даже и нынѣ вслѣчаются еще спранными, отъ коихъ природа содрогается: одна только Христіанская вѣра дославляетъ истинныхъ мучениковъ и праведниковъ, одна только она удерживаетъ человека отъ щеславія.

Совершенное есть ослѣпленіе желашъ, чшобы вѣра состояла въ однихъ наружныхъ обрядахъ; они ей, шакъ сказахъ, служахъ только корою; и какъ дерево безъ коры засы-

хаешъ, почно такимъ же образомъ и свѣтъ свѣтъ вѣры безъ пищи и чувственной подпоры угасаетъ въ сердцѣ.

Вѣроваешь, что Христосъ присутствуетъ между нами, и не хочешь по зову его къ нему приближиться есть великое пресупленіе и происходитъ не отъ подобострастія, но отъ равнодушія.

Какое прекрасное учрежденіе обыкновенныя общественныя собранія во храмахъ нашихъ, гдѣ пастырь научаетъ стадо свое въ средствахъ улучшить существо свое и шлемъ угодишь общему Владыкѣ, то есть посвящаетъ сѣмяна добродѣтели.

Если бы мірскія удовольствія были непорочны, то дни, посвященные Религіи, были бы истинными празднествами, куда собравшіяся семейства могли бы научиться высокимъ истинамъ; но сіи дни для

нѣкоторыхъ людей весьма непріятны, ибо въ оныя принуждены они опказашь себѣ въ удовольствіяхъ, которыми никогда не надлежало бы имъ и пользовахься.

Простота и ясность Хриспіанской вѣры, чрезъ что она понятна для самаго бѣднѣйшаго крестіанина, служишъ достаточнымъ доказательствомъ, что Богъ даровалъ намъ ее для того, чѣмъ она была общимъ закономъ всему роду человѣческому. Богъ, непоспимый какъ въ природѣ, такъ и Религіи, дѣйствуетъ какъ въ одной, такъ и другой самымъ простымъ образомъ.

Безразсудство дошло наконецъ до того, что осмѣлились даже утверждать, будто бы общество истинныхъ Хриспіанъ состояшъ не можетъ, между тѣмъ какъ хотѣли однаковъ, дабы могло существовать общество апостоловъ. — Дай Боже, чѣмъ мы видѣли еще болѣе

на землѣ такихъ истинныхъ Христіанъ, коими гордишся наша Церковь. Въ семъ обществѣ равны между собою какъ владыко, такъ и его подчиненный: гордость несовмѣстна съ онымъ. Сіе общество есть собраніе братьевъ, изъ коихъ хоша одинъ владыко, а другой слуга его; но гдѣ всѣ, будучи одушевлены единымъ духомъ, живутъ подъ управленіемъ одинакихъ правилъ.

Царь, гражданинъ, судья, воинъ и проч.—всѣ сіи отношенія существующіе и необходимы только между челоѣковъ въ ихъ обществѣ, и служатъ твердымъ основаніемъ жизни людей правовѣрныхъ. Въра есть подпора справедливости, чести и истины.

Религія, повелѣвающая намъ помышлять только о вѣчности, составляеши также и здѣсь, въ сей крашкѣ жизни, наше блаженство; всѣ ея заповѣди не имѣютъ иной

цѣли , какъ чѣмъ сохранить то душевное спокойствіе, которое одно только можетъ назваться истиннымъ щасіемъ.

Скоро время прейдетъ въ ничтожество , великая завѣса вѣчности начинаетъ уже подниматься и вѣра предуготовляетъ насъ къ той рѣшительной минутѣ—къ минутѣ , которая для всѣхъ вѣрныхъ блюстителей оной будетъ щасливѣйшею эпохой.

Тогда ложное любомудріе и всѣ нечисшныя секшы минуютъ. Сперва философія съ разсудкомъ и осторожностію приспупала въ своему дѣйствію , но скоро дерзостію своею , которая посшепенно увеличивалась, измѣнилась сама въ себѣ ; произведенная ею толпа писателей открыла вмѣсто спасительныхъ гибельныя ея правила; однакожь блестящій колоритъ, копорымъ она украшала оныя , не могъ совершенно

сокрышь ихъ нелѣпости. Прошиво-
рѣчія ея навчають насъ, съ какою
осторожностію надлежитъ вѣришь
философамъ всѣхъ сполнѣй, и мно-
гіе изъ ея учениковъ краснѣють,
вспоминая, что допустили обмануть
себя и здѣлались игрою фанатизма.

О вѣра, священная вѣра только
лишь для познанія тебя озаряешь
насъ свѣшильникъ нашего разума.
Нѣтъ иной премудрости, кромѣ
той, которая подарѣваетъ человѣка
на скользкомъ пути жизни его при-
водящемъ въ истинное его опечесство.

Ежели невѣрующій, по тому что су-
ществуютъ нѣкоторыя ложныя вѣры,
заключаетъ сіе же самое и о всѣхъ
вообще, то ужасно заблуждается.

Ложь всегда предполагаетъ ис-
тину, то есть, можетъ быть ис-
тина только искажена, или пред-
ставлена съ другой стороны, что
впрочемъ можетъ зависѣть также

Религія.

Р

и ошѣ недоспашка вѣ правильномѣ сужденіи; а пошому слѣдовашельно шо, чшо доспавляешѣ испиинная добродѣшель и величіе, можешѣ шакже доспавишѣ и ложная добродѣшель и ложное величіе. Сіе же можно сказапъ и о Религiи: еспъли бы вѣ опношеніи кѣ человѣчу не была она условною (conventionnelle), шо не было бы ни испиинной, ни ложной вѣры, и шогда между вѣрами не было бы шакже и никакого сущешвеннаго различія.

Догмашы о безсмертіи и сущешвѣ Божіемѣ находяшся вѣ шоль шѣсной связи между собою, чшо не лъзя опшвергнушѣ одного не опшвергнувѣ вмѣстѣ и другаго. И вѣ самомѣ дѣлѣ, можно ли, вѣровавѣ вѣ Бога, при шомѣ думапъ, чшо сполько великихѣ людей, копорые хопѣли лучше умерешѣ, нежели нарушипъ данный имѣ законѣ, копорые плѣнясь его красошою, совершенно предались во власпъ его и опреклись ошѣ всего, чшобы слу-

жишь только ему единому; или
 чшобъ существующіе еще и поны-
 нѣ великіе мужи, которые ошдѣлясь
 ошъ свѣта, вовсе о нихъ невѣдуща-
 го, посвящающъ дни свои единствен-
 но исполненію всѣхъ добродѣтелей,
 чшобъ такіе люди, говорю, были пре-
 даны ничтожеству? это несправед-
 ливо и несбыточно. Такое Божество
 ошпоилобъ бышь болѣе призраемымъ,
 нежели любимымъ. Но истинное Бо-
 жество, Творца всяческихъ, невозмож-
 но изображать подъ такимъ видомъ;
 оно напрошивъ премудро и правосуд-
 но; самый слабый нашъ разсудокъ
 удосповѣряетъ насъ въ этомъ.

Религія не только утверждаетъ
 несомнѣнность будущаго существо-
 ванія и говоритъ о томъ въ та-
 кихъ выраженіяхъ, которые и са-
 мимъ группамъ содѣлываютъ понят-
 ной сію истину; но даже въ особѣ
 Основателя своего представляетъ
 намъ множество доказательныхъ
 дѣйствій, которые удовлетворяютъ

чувствамъ, воображенію и самолюбію.

Непрерывный ходъ вѣры, копорая, не взирая на сопротивленіе людей, смѣло прошекала вѣки, достоинъ всего нашего удивленія. Цѣлыя націи соединялись разрушитъ законъ Божій и избранный народъ его; они клялись въ помъ и въ шеченіи многихъ вѣковъ причиняли между онымъ ужаснѣйшее кровопролитіе: однаковъ, хоща народъ сей и смирился, но за то сдѣлался многочисленнѣе прежняго и распроспранилъ Христіянскую вѣру по всему лицу земли. Тщешно, повшоряю, соединялись націи испребишь Христіянство, щешно соединились бы и нынѣ для его разрушенія. Всѣ онѣ со временемъ смешаются какъ прахъ съ земнаго шара, но законъ Божій сущесвуешъ вѣчно, и чудное сохраненіе его служишь непреложнымъ доказательствомъ его истины.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Богъ на себѣ бываеъ ощу-
 шишеленъ тому только человѣку, ко-
 торый ищетъ его. Есѣли бы угод-
 но было Богу шеперь сниси къ
 намъ, то онъ явился бы въ обра-
 зѣ смиреннаго и угнешеннаго чело-
 вѣка, чрезъ что никто бы не по-
 зналъ его. И есѣли онъ разговари-
 ваетъ съ нами въ Священномъ Писа-
 нїи, то говоритъ параболами, кошо-
 рыхъ Еврей не понимаетъ. Когда
 же дѣйсѣваетъ его провидѣнїе, то
 по такимъ причинанъ, коихъ міръ
 никогда поспигнушъ не можеъ.
 Богъ сущесѣваетъ равно какъ въ
 природѣ, такъ и Религїи; но всегда
 подъ завѣсою, кошорую можеъ
 проникнушъ одна шокмо вѣра.

Міръ естъ бытіе преходящее. Мы
 видимъ, что древній законъ изчезъ
 также подобно призраку, даже са-
 мое царшво Мессїи на земли не-
 совершенно. Царшво мое не ошъ
 міра, сказалъ Хрисѣсъ. Въ порядѣ

въ Бож'емъ все устроено такъ,
 что все увлекаемое теченіемъ вре-
 мени покрыто непроницаемою за-
 вѣсою и шаиша подъ мракомъ.
 Только нѣкогда въ великій день вѣч-
 носсти исчезнешь все эмблемати-
 ческое, и истина, кошую брэн-
 носшь человѣческая усмаприваешь
 ино да шолько въ слабомъ мерцаніи,
 явиша тогда очамъ нашимъ въ пол-
 номъ блескѣ своемъ.

Еслили человекъ жалѣешь о томъ,
 что Богъ облеченъ для него шаин-
 ственною мрачностію, то сіе сожа-
 лѣніе происходишъ не отъ инаго
 чего, какъ шолько что ему хошѣ-
 лось бы безъ малѣйшаго труда
 посшигнушь величіе Божіе. Но са-
 мая сія завѣса, сокрывающая Бо-
 жество отъ глазъ нашихъ, служишъ
 намъ побудительною причиною къ
 добродѣтели. Все сіе было необхо-
 димо и сошвѣстственно сосшоянію
 испытанія, въ кошорое приведены мы
 здѣсь отъ Бога. Но коль скоро окон-

чишся сіе испытаніе, тогда завѣ-
са разорвется, человекъ непреодо-
лимо привлеченъ будешь въ высо-
чайшей красотѣ, и вѣру заспушишь
зрительносшь.

Заслуживаешь особливаго примѣ-
чанія, что еще и по нынѣ одно
только Авраамово попомнѣно покл-
нается истинному Богу, а именно:
Іудеи сушь дѣти лишенные наслѣ-
дія, Магомешане дѣти Агара, а
Хриспіяне дѣти обѣщанія; про-
чіе же народы оспались долопо-
клонивами. И такъ не доказыва-
ешь ли сіе событіе обѣщанія, дан-
наго Богомъ праотцу вѣрующихъ.

Какимъ образомъ Богъ, одаря че-
ловѣка разумомъ и внушивъ всѣмъ
народамъ, и даже самымъ грубымъ
язычникамъ понятіе о будущей жиз-
ни, равно какъ открывъ имъ источ-
ники оной, могъ допустить, что
бы сіи важнѣйшія истины были
помрачены и обезображены шолі-

ними неспоспями? Правда, для насъ неспсимо такое дйспіе Божіе опноспельно кв чловкамъ: однакжъ не можешъ бышъ, чшобъ на земли не было никогда положено пуши кв просвщенію, и чшобы не было такого народа, которь бы не обладалъ свщомъ испины для сообщенія оной другимъ народамъ.

Тщешно возражающъ, что во всѣ времена были чловки, кои углубясь въ Философію, доказательспвами своими опровергали суевріе и заблужденія. Какая получена польза опъ сихъ трудовъ ихъ? Въ чемъ успѣли они? Что восшановлялъ или созидалъ одинъ, то разрушалъ другой, безпрешанно прошиворѣча другъ другу; и поелику они находились въ вѣчномъ раздорѣ между собою, то и не могли никого просвщшъ своимъ ученіемъ, которое будучи спѣснено со всѣхъ споронъ, не могло имѣшъ вліянія на весь родъ чловческій.

Правила Философiи зыблемы и неопредѣленны подобно тому духу, ошѣ кошораго происходятъ. Родѣ человѣческой пребываетъ благонадежнаго вождя. Человѣку нужно не одно только привашное щаспiе, не одни только добрые совѣты: все сiе опарался бы онѣ ослаблять и дѣлать недѣйствительнымъ; но ему пошребно непосредственное распоряженiе, ему пошребна вѣра, кошора бы управляла имъ.

Философы наши на мѣсто шворенiя поспавляютъ пошепенное, необходимое или самодѣйтельное разрѣшенiе матерiи; вмѣсто Потопа принимаютъ они всеобщее згорѣнiе земнаго шара, и блестящую фасфорическую матерiю вмѣсто свѣта, явившагося при сообщенiи Моисею закона; приливѣ же и ошливѣ объясняютъ имъ переходъ Израильшянъ чрезъ Чермное море. Они не вѣрятъ чудесамъ и не хотятъ ни въ природѣ, ни въ ходѣ различныхъ событiй мiра

предполагать непосредственна-
го дѣйствія Божія. Но къ какимъ
нелѣпымъ предположеніямъ должно
будетъ прибѣгнуть, если прези-
раетъ доказательства, которыя всю-
ду предсказываютъ намъ непосред-
ственное его дѣйствіе.

Должно непременно существовать
благочестивому богослуженію, ибо
оно служитъ для каждаго общества
необходимымъ союзомъ. Лучше пусть
погаснетъ солнце, говоритъ Плу-
тархъ. И такъ, какъ же можно
предполагать, чтобы Богъ прими-
нулъ дать человѣку связь, сшоль
для него необходимую?

Несправедливые толки соперни-
ковъ Религіи служатъ немалымъ
доказательствомъ въ пользу ея. Все
то, чѣмъ хотѣли они исказить
оную, такъ прошивно свѣту ея,
что подлинно должно быть безум-
цемъ, если повѣришь ихъ умоза-
ключеніямъ. Просвѣщенный, прочи-

павѣ хошя слегка ихѣ сочиненія, находишѣ въ нихѣ подтвержденіе въ вѣрѣ своей и чувствуетѣ болѣе прежняго въ ней необходимости.

Есшѣли бы собраніе доказательствѣ, кои суть подпоры всякой истины или предложенія, были доспапочно челоѣку опредѣлишѣ его мнѣніе, то невозможность опровергнушѣ нѣкоторые возраженія не можетѣ ни сколько уменьшить точности сей истины; ибо иначе не было бы ничего вѣрнаго. Мы не можемѣ ничего обозрѣвать споль совершенно, чшобѣ были въ состояніи постигнушѣ вдругѣ все содержаніе дѣла и преодолѣшѣ всѣ трудности, особенно же относящіяся до Метафизическихѣ истинѣ, предлагаемыхѣ намѣ Религіей.

Дабы лучше изъяснишѣ сіе правило, употреблю я взятое изѣ природы сравненіе. Такѣ какѣ всѣ предметы, освѣщаемые солнцемѣ, всегда

имѣющіе нѣкоторыя спорны, оспаривающіяся въ шѣни, то и каждая истина въ здѣшнемъ мірѣ имѣетъ также свои темныя спорны. Однимъ словомъ, прошивъ самыхъ непоколебимыхъ, несомнѣнныхъ истинъ и даже прошивъ истинъ Религіи можно еще сдѣлать возраженія; однакожь, не взирая на то, высшій свѣтъ озаряетъ сполько человека, что никакъ не можно просиить его, есѣли онъ не захочетъ знать сихъ истинъ. Только нѣкогда на небѣ исчезнетъ тѣнь сія, и истина явится тогда въ неприступномъ свѣтѣ и въ полной красотѣ своей.

Изъ всѣхъ исторій, коимъ мы наиболѣе вѣримъ, нѣтъ ни одной, копорая бы не свидѣтельствовала въ истинѣ Священнаго Писанія. Преданія Воспочныхъ народовъ, какъ то, Арабовъ, Армянъ, Копшовъ и проч. подтверждаютъ истину оныхъ. Провидѣніе во всѣхъ мѣстахъ и у

всѣхъ народовъ сохранило памятни-
ники, которые служатъ ей подпо-
рою; и чѣмъ болѣе обогащаемся мы
познаніями, тѣмъ болѣе чувствуемъ
силу доказательствъ. Одно невѣже-
ство приводитъ все въ безпорядокъ.

Ежели таинства темны, то нрав-
ственные догматы напрашивъ того
вразумительны. Но какъ мы ихъ
употребляемъ? не стараемся ли
разными хитрослѣзиями отклонить
ихъ отъ себя? Мы столь же мало
благоговѣемъ къ очевидному, какъ къ
темному или сокровенному.

Пробѣгая лѣтописи міра, вижу,
что въ теченіи 4000 лѣтъ родъ
человѣческій блуждалъ во мракѣ. Всѣ
преданія предвозвѣщаютъ Избави-
теля, который преобразуетъ землю.
Является Христосъ, и земля въ са-
момъ дѣлѣ получаетъ совсѣмъ дру-
гое образованіе. Сражаясь цѣлые
три вѣка, законъ его преодолевъ
язычество, Аріанизмъ и всѣхъ по-
явившихся низпровергнулъ его.

Богъ, Творецъ всего видимаго и невидимаго, исповѣдуешся во всѣхъ странахъ земнаго шара, и язычествѣ только въ весьма немногихъ, и по почти вовсе неизвѣстныхъ мѣстахъ имѣешь свое владычество. И такъ, не уже ли и шутъ признание единого истиннаго Бога есть еще дѣйствіе омраченія.

Тщешное и совсѣмъ невредимое возраженіе, будто бы народы, неимѣющіе довольно образованія, имѣють Христіанскую вѣру грубую и недоспапочную. Сіе возраженіе ничего не значить; чрезъ то опознались бы мы въ силѣ милосердія, которое одно только производитъ истинныхъ Христіанъ. — Можетъ ли быть недоспапочноѣе Христіанства, существующаго въ роскошныхъ городахъ нашихъ? Однакожь въ каждомъ государствѣ, у всѣхъ народовъ, равно какъ и въ нашихъ городахъ каждый знающій Христіанство будетъ любить его, слѣдо-

вашь ему, и вѣра сохранишѣго ошѣ
всѣхъ свирѣпствующихъ и въ обы-
чай вошедшихъ пороковъ.

Исторія о Христѣ, ославленная
намъ учениками его, не можетъ
быть ни мало сомнительною, ибо
они передали ее людямъ, жившимъ
въ одно съ ними время. Сверхъ того
свидѣтельство ихъ о Христѣ под-
тверждено писателями, на кошо-
рыхъ ссылаясь ошѣ сполѣпія до
сполѣпія, избѣжали поводовъ вну-
шать сомнѣніе. — Слова Христовы,
ошѣ нихъ намъ сообщенныя, не мож-
но имъ приписывать, ибо нѣтъ имъ
подобныхъ даже въ самыхъ древнихъ
сочиненіяхъ.

Евангеліе проповѣдывалось не шай-
но, ошѣ чего бы невѣжество грубаго
и варварскаго народа слушало его
шолько по довѣренности и уваже-
нію къ проповѣдывавшимъ оное:
нѣтъ! Богъ хотѣлъ, чшобы оно бы-
ло проповѣдуемо въ шакѣмъ вѣкѣ,

который блистал своими палан-
шами и был украшеніемъ и славою
міра, дабы чрезъ то нѣкоторыя
великія произшествія, кои должен-
ствовало произвести оно, шѣмъ
поразишельнѣе удословѣряли собою
въ его истинѣ.

Можно ли было когда либо поду-
мать, что Римляне, упоенные сво-
ею славою, и презирая народъ, по
большой части испребленный ими,
а осмашокъ проданный въ рабство
— можно ли было, говорю, поду-
мать, чтобъ Римляне приняли за-
конъ отъ поливо униженного ими
народа? и вѣроятно ли было, чтобъ
они, послушавъ нѣкоторыхъ разсѣ-
янныхъ между ими Іудеевъ, опрек-
лись отъ боговъ своихъ, которыхъ
почишали единственными основа-
телями своего царства, и вмѣсто
оныхъ поклонились Еврею, сколько
ими прежде опвергаемому? — Одна-
кожь не весь ли свѣтъ свидѣтель-
ствуетъ о семъ великомъ событіи?

Естьли бы, какъ говоришь Та-
цишь, Хриспосъ былъ человѣкомъ,
то пришло ли бы кому когда ни-
будь на мысль проповѣдывать его
Римлянамъ какъ Бога и какъ судію
природы, воскресшаго самимъ собою
отъ мертвыхъ? — Могли ли первые
проповѣдники Евангелія льстились
надеждою, что увѣрятъ обладае-
лей міра въ сей чудесной истинѣ
— въ истинѣ споль прошивной
предразсудку сего народа, и кошо-
рая до днесъ еще возмущаетъ про-
шивъ себя гордецовъ нашихъ?

Тинспвенные знаки, введенные
Хриспомъ для увѣренія насъ въ
своемъ присущствіи и доказатель-
ства заслугъ своихъ, дѣйствуюшъ
споль сильно по его всемогуществу.
Подъ сими видимыми знаками скры-
вается невидимая рука Божія. Во
всѣхъ таинствахъ Хриспіанской
вѣры хранился божественное дѣй-
ствіе, посредствомъ коего Богъ
сообщается человѣкамъ, для кажда-

Религія.

С

го избъ нихъ угошовалетъ особливая милости и изливаелъ ихъ на приемяющихъ тѣ таинства.

Теперь спрошу я нашихъ голгодумцевъ: человекъ, который повируется законамъ Христовымъ и его Церкви, размышляетъ о нихъ, вникаетъ въ оныя и повелѣваетъ по же самое семейству своему — человекъ, который бодрствуетъ, молится, постится, смиренно исповѣдывается во грѣхахъ своихъ и исправляется отъ оныхъ, который наконецъ, такъ какъ добрый Христіанинъ, живетъ въ ожиданіи будущихъ благъ и по симъ же правиламъ воспитываетъ дѣшей своихъ — не провождаетъ ли такой человекъ жизни гораздо покойнѣйшей и благополучнѣйшей, нежели прочіе его собраты, коихъ душа занята безпрестанно корыстною и житейскими удовольствіями: ибо такіе люди помятая всегда неизвѣстностию; имъ страшно подумать о

кончинѣ жизни своей и о томъ, чего должно ожидать по смерти. — Но я не буду дожидаться ихъ ошвѣта: пусть они сами себѣ на шо ошвѣчаютъ.

Христіянство возводитъ человѣка на такую степень, гдѣ онъ при помощи вѣры достигаетъ непостижимой власпи; она предлагаетъ своему исповѣдашелю Богочеловѣка; сей Богъ дѣлаетъ созданіе свое соучастникомъ превосходныхъ своихъ дѣйствій, онъ дѣлаетъ его проповѣдникомъ закона своего, повелѣваетъ опускати грѣхи своему собрату и, подобно второму Творцу, дославлять манну на пищу; кошорый наконецъ опличаетъ человѣка святымъ, вѣчно непремѣняющимся шишломъ и проч. Вошъ должностъ, кою не исправляютъ и Ангелы, но кошорая по сущности вещей долженствовала бытъ поручена человеку, въ коему Богъ сниси удостоилъ.

Изъ предвидѣнія и всевѣденія Божія вывели заключеніе, что не надлежалобъ Богу шворишь существъ, о копорыхъ онъ прежде зналъ, что онъ будуще нещасны, и что лучше предупреждашь зло, нежели замѣняешь, или исправляешь его. Но сколь слабы и неправедны сіи умозаключенія! не произошли ли онъ отъ нашего невѣжества?— Съ одной спороны видимъ мы зло въ мірѣ, а съ другой несомнѣнный признакъ Божіаго милосердія. И хоша мы не можемъ согласишь между собою сихъ разнородныхъ истинъ, однакожь онъ не менѣе справедливы и ничего не теряють отъ силы своей. Довольно для насъ, когда мы знаемъ, что человекъ свободенъ, и что самое злоупотребленіе его свободы, въ опредѣленіяхъ Божіихъ, клонится къ его благу и чести.

Справедливо говоряшь, что Богъ непоспизимъ, но изъ того заключающъ, что онъ не долженъ

бышъ предметомъ нашего размышленія. Жалкое и гибельное заключеніе! Будемъ напрошивъ безпрестанно говорить о немъ; свойства его являющіяся намъ во всемъ своемъ блескѣ въ природѣ и Религіи. Не уже ли необходимо нужно понимать какое существо, чшобы занимашься онымъ? Еслии такъ, то не надлежало бы говорить ни о копоромъ, ибо существо шѣлъ для насъ столько же непонятно, какъ и существо Бога.

Въ планѣ шворенія также находилось и было сообразно съ шѣшворносцію матеріи, чшобы сей видимый міръ былъ только предуготовленіемъ къ другому порядку вещей. Существо сего міра столько же несвойственнo оспавашься шажимъ, каковъ онъ есть, сколько естеству человѣческому неприлично бытъ непремѣннымъ; и поелику онъ сотворенъ для человѣка, то и подверженъ подобно ему переменѣ.

Чудное храненіе (economy) Религіи есть главная цѣль части шворенія, извѣстной человѣку; все соображается съ нею; она развязываетъ тотъ узелъ, который, если мы не будемъ искать помощи въ вѣрѣ, останется для насъ неразрѣшимымъ.

О величіе! только лишь потому, что люди никогда не мыслили о семъ словѣ въ полномъ его смыслѣ, (ибо оно никогда въ полной силѣ не выходило изъ устъ ихъ), только потому имѣяшъ они слабое понятіе о Богѣ своего образа. Богъ щедро изливается во всѣ духовныя или разумныя существа (intelligence) и для сего только нѣжнаго благоволенія сотворилъ ихъ.

Все, что ни предлагаетъ намъ Религія, сколько бы предлагаемое ни казалось намъ чудесно, разсудокъ чувствовалъ и одобрилъ Богъ есть неизчерпаемый источникъ величія

и богачства, превосходящій все то, что вѣщаетъ намъ о немъ вѣра.

Религія научаетъ насъ, что человекъ, рожденный къ высочайшему блаженству, проживъ непорочно нѣсколько лѣтъ подлѣ искусомъ, долженъ перейши въ другое состояніе; но безбожникъ напрошивъ кричитъ намъ, что человекъ есть существо несчастное, которое бывъ нѣсколько времени игрою страстей своихъ, послѣвозвращишся къ ничтожеству, изъ котораго никогда уже не выйдешь. — Теперь скажише мнѣ, какая изъ сихъ обѣихъ системъ наиболѣе согласна съ понятіемъ о Богѣ, доставляемомъ намъ разсудкомъ?

Гордый, высокомерный философъ хочетъ подчинить своему понятію все, что Богъ сдѣлалъ или могъ сдѣлать, и къ странной противоположности сего имѣетъ о самомъ себѣ столь низкое понятіе, что никакими доказательствами не лъзя

увѣритъ его , что Богъ могъ сообщаться съ нимъ.

Если обзрѣть всю природу какъ вообще, такъ и въ частности, разобравъ ее со вниманіемъ, посмотрѣть на весь ея порядокъ , и при томъ также замѣнить, что Богъ все устроилъ такимъ образомъ для человека: то не будешь болѣе изумляясь, что Всемогуцій для творенія рукъ своихъ, къ которому оказалъ столько любви, въ порядкѣ своего милосердія произвелъ величайшія дѣйствія.

Но Религія, говоришь невѣрующій , ужасаетъ духъ человека ; она производитъ въ немъ страхъ , который оправляетъ горестію всю жизнь его. Однакожь это несправедливо : дѣтское опасеніе праздника не терзаетъ его сердца , но служитъ ему напрошивъ спасительнымъ утѣшеніемъ въ порывѣ страшей его : страхъ свойственъ

шолько челоуѣку , который безъ проводнива по ненадежному пуши идешъ въ неизвѣстной цѣли.

Для чего истинная вѣра смѣшана съ сполькими родами ложныхъ богослуженій? Для чего въ ней самой сполько расколовъ и злоупотребленій? — Сихъ вопросовъ , относящихся до судебъ Божіихъ , рѣшить не можно : они остающа для насъ загадками , однакожь не помрачающъ самаго яснѣйшаго , находящагося предъ глазами нашими. Вѣра не смѣшана , но имѣетъ шолько различныхъ свойствъ ; и челоуѣкъ , исповѣдующій оную , выходитъ великимъ преступникомъ , когда не любитъ ее и не исполняетъ ея предписаній.

Невѣрующіе признаются , что Религія необходима для обузданія народа , и что она всѣми основателями челоуѣческихъ обществъ введена и защищаема для того ,

Религія.

Т

чтобы укротить порывистое стремление спрасшей; а симъ призна-ніемъ не снимающъ ли они съ себя мазки?

Ежели такое обузданіе челоѣка необходимо для сохраненія его свободы въ приличныхъ границахъ, можно ли еще сомнѣваться, чтобы Творецъ челоѣчества, начальный основатель всѣхъ обществъ челоѣческихъ, не употребилъ столь дѣйствительнаго средства, столь сильной пружины? Все увѣряетъ насъ, что онъ подлинно сдѣлалъ сіе, и всѣ различныя системы, выдуманныя владыками народовъ, суть только искаженные списки Религіи, данной первобытно челоѣку.

Богъ склоняетъ спраспи и политическія намѣренія челоѣка для исполненія своихъ повелѣній; но временемъ посредствомъ своихъ дѣйствій, находящихся внѣ предѣловъ челоѣческой силы, явно показы-

ваетъ также и непосредственное дѣйствіе руки своей, шворящей оныя. Правда, не всѣмъ чудесамъ должно вѣришь, пошому что въ ложныхъ Религіяхъ и даже въ истинной бывають поддѣльныя; но ежели свидѣтельствують въ нихъ великія дѣйствія, вскорости за шѣмъ послѣдовавшія и способствовавшія подшвердишь истину, шо должно вѣннать въ пресшупленіе, ешъли кто не вѣришь онымъ.

Благоразумный Хриспіянинъ конечно посумнишся въ истинѣ чудесъ, о кошорыхъ можетъ говоришь простой народъ, и даже совсѣмъ не повѣришь онымъ, ешъли при томъ будуть разсказываемы такіа обстоятельства, кошорыя содѣлываютъ дѣйствіе смѣшнымъ и предспавляють оное въ видѣ совершенно несогласномъ съ Божескимъ достоинствомъ; однакоже повѣришь ученому Августину, кошорый былъ свидѣтелемъ излеченія слѣпца, по-

слѣдовавшему отъ приближенія къ глазу его мощей нѣкошораго Мученика — чуду, укропившему свирѣпство Импераприцыно.

Кто бы послѣ сраженія при Акціумѣ, которое содѣлало Августа обладашелемъ міра, подумалъ, чшобы сіе великое приключеніе и вскорѣ за шѣмъ послѣдовавшее раздробленіе сего государства находились въ споль шѣсной связи съ младенцемъ бѣднаго ремесленника изъ извѣснаго города въ Іудеи? Но человекъ, знающій хорошо Хрисціанскую Религію, легко поняшь можешъ, чшо все ошносишся къ сему младенцу, и чшо все чрезъ него содѣлано.

Ложныя вѣры, которыя были нѣкогда, или еще сущесшвующъ въ мірѣ, произошли отъ обладашелей земли, были охраняемы силою оныхъ и пишаемы полишивою. Одно только Хрисціанство опираешся, такъ сказашь, на руку Божію. Основа-

шель онаго , не имѣвшій своею собственностію и такого пространства земли , какое потребно для посели , избралъ себѣ изъ всѣхъ народовъ одинъ извѣстный народъ , и научалъ Религіи преимущественно такихъ людей , которые не пользовались ни уваженіемъ , ни властію , но , подобно своему учищелю , были жершвою истины и однимъ только терпѣніемъ защищались отъ озлобившагося противъ нихъ народа.

Кто изображаетъ намъ Христіанство презрительною сенью , могшею соблазнить только простолюдиновъ , и которому Константинъ покровительствовалъ лишь изъ политики , тошъ являеяся гнуснымъ измѣнникомъ истины. Уже съ самаго начала пріобрѣло оно себѣ первыхъ мужей въ государствѣ какъ духовныхъ , такъ Сенаторовъ и проч. Дворцы были наполнены Христіанами и арміи также большею частію состояли изъ оныхъ.

Когда Констаншинъ принялъ Христіанскую вѣру; тогда его обращеніе произвело то, что онъ со всемъ своимъ дворомъ составлялъ одно общество, на коемъ могло опереться сіе новое ученіе.

Всѣ народы въ богахъ своихъ видѣли только повелишелей. Древній законъ представлялъ народу Владыку, коего имя было вмѣстѣ и спрашно и священно; одинъ только Христосъ являетъ намъ въ Богѣ нѣжнаго и милосердаго отца, и сіе оплечіе было предославлено закону милосердія.

Какіе же плоды принесла вѣра? говоришь человѣкъ неимѣющій ее: улучшились ли посредствомъ ее люди? — Конечно! вѣра, замѣнившая постыдныя торжества язычества чистымъ богослуженіемъ, обратила человѣка на путь порядка и умножила число праведныхъ.

Религія возбуждаешъ прошивъ себя враговъ своихъ , ибо они видяшъ , что Богъ избъ всей испорченной массы рода человѣческаго избралъ себѣ только малую часть оныхъ. Но эшо есть слѣдствіе свободы , данной ошъ Бога человѣку. Христосъ пришелъ не для того , чтобы насильно привлечь къ себѣ людей , но пригласишъ ихъ ; а что еще болѣе , шо возраженіе , которое дѣлаешъ философъ Христіянству въ томъ , что находишся шакъ мало истинныхъ Христіянъ , касается самаго его ; ибо число философовъ несравненно менѣе истинныхъ Христіянъ ; а пошому спросишъ можно : для чего дозволилъ Богъ только такому малому числу людей бышъ просвѣщенными , а прочимъ пребывашъ въ невѣжествѣ.

Разкрой Алкоранъ , Ведамъ Индѣйскій , книги Кишайцевъ , и найдешъ въ нихъ многія моральныя истины , драгоцѣнныя осшашки древ-

нихъ преданій ; но все шамъ перемѣшано съ смѣшными нелѣпостями, неимѣющими ни доказательствъ, ни свидѣтельствъ, на которыя можно было положиться: одно только Христіанство доставляетъ основательныхъ писателей, увѣряющихъ насъ въ точности происшествій, и въ чемъ цѣлый народъ свидѣтельствуемъ.

Всѣ возраженія и сомнѣнія, дѣлаемыя относительно Религіи, чѣмъ избавишься отъ исполненія заповѣдей ея, показывающъ худое состояніе души.

Божескій законъ любезенъ уже самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ наградамъ; ибо онъ руководствуетъ человека къ щастію. И шая, нужно ли требовать излишнихъ доказательствъ для принятія такого закона?

Люби Бога—чрезъ сіе уже одно

слово познается высочайшая степень праведности и блаженства, къ коимъ человекъ способенъ. Любящему Бога отъ всего сердца своего не лзя повелѣть ничего болѣе: ибо кто любитъ Бога, тотъ исполняетъ и его нравственность и его учение.

Къ чему служатъ вопросы о безкорыстной любви, какую должны мы имѣть къ Богу? — Богъ необходимо и по существу своему есть благо, къ коему должны стремиться всѣ духовныя существа. Слѣдовательно любовь къ нему неразлучна съ нашимъ блаженствомъ.

Но можно ли любить то, чего мы не вѣдаемъ? Знаемъ ли мы Бога? говорятъ люди, привлеченные къ суешамъ міра сего. Невнимательной, неблагодарной человекъ! не довольно ли являясь онъ тебѣ въ изобиліи жизни твоей, въ распложеніи стадъ твоихъ — словомъ, во всѣхъ

дарахъ , кошорыми безпресшанно осыпаетъ какъ тебя , такъ и семейство твое ? — Правда , мы не знаемъ свойствъ его ; но болѣе ли извѣстно намъ свойства окружающихъ насъ предметовъ ; лучше ли мы знаемъ собственную свою натуру ?

Судя по тому изреченію вѣры , что кромѣ Христа нѣтъ истиннаго спасенія , не должно заключать , что люди , жившіе не знавъ онаго , осужденны ; Христосъ самъ говоритъ : „въ дому Отца моего обитали суть мнози. „ Да и въ самомъ дѣлѣ , хотя неусыновленный и не имѣющъ права претбовать наслѣдія и не можетъ заступитъ сыновняго мѣста ; однакожь долженъ получить награду , какъ вѣрный слуга родителя.

Жалостно состояніе человека , кошорый жилъ и умеръ не вѣдая Христа. Но что , кто имѣлъ без-

цѣнное щасіе знашь его и бышь съ нимъ сопряженнымъ, потѣ поступаешь какъ опчаянный, естѣли опречаешься отъ союза съ онимъ. Не можешь бышь, чшобъ шакому поступку не предшествовало вѣроломство, чему сіе ужасное пресшупленіе было слѣдствиемъ.

Не только сообразно съ разсудкомъ покореніе вѣрѣ, но оно необходимо также и для блаженства нашего. Безъ вѣры человекъ вѣчно скишался бы во мракѣ, и сей дельній міръ былъ бы для него непроницаемою пайною подобно прочимъ пайнамъ, коимъ Религія заспавляетъ слѣпо вѣришь.

Равно глупо какъ всему, такъ и ничему не вѣришь, какъ всему, такъ и ничему не дивишься; но послѣднее можешь дѣлать только душа погибшая.

Богъ самыми просшими средства-

ми шворишъ великія чудеса, и избралъ, какъ говоришъ Хриспосъ, слабыхъ, да побѣдишъ сильныхъ и посрамишъ премудрыхъ. Чего не могли учинишъ оракулы древняго язычества, шо, по его волѣ, дѣлаешъ бѣдной и въ презрѣнномъ сосшояніи родившійся Апостолъ: онъ опводишъ челоѣка ошъ заблужденія и лжи.

О, какъ невѣрно и обманчиво сужденіе челоѣческое! Чшо люди превозносяшъ, шо Богъ унижаешъ. Большая часшь героевъ, бывшихъ удивленіемъ свѣша, большая часшь геніевъ, копорые блиспали въ искусстввахъ и наукахъ и были почишаемы феноменомъ ума челоѣческаго, являющся презришельны и ничшожны въ глазахъ его; а низкій, въ презрѣніи живущій основашель шихаго приспанища для оспавленныхъ и безпомощныхъ чадъ земли — швореній челоѣческихъ слабосшей и жоршвъ предразсудка и непріязни

великъ предъ Господомъ и служишь
щасливѣйшимъ орудіемъ его про-
видѣнія и все объемлющей любви.

Естьли къ превосходству Еван-
гельскаго ученія и нравственности
прибавишь еще то обстоятельство,
что столько великихъ мужей по-
слѣдовали оному, и что сіе ученіе
и нравственность были приняты
Іуспиномъ, Лаклантіемъ, Тершу-
ліаномъ и проч. то можно ли не плѣ-
ниться онымъ, можно ли проши-
вись споль привлекательному
примѣру? — Обратимся теперь къ
тѣмъ первымъ временамъ, когда
исторія Христа, чудеса его и свя-
тое ученіе были еще въ свѣжей па-
мяти, и изслѣдуемъ, что кромѣ
истины могло склонить сихъ лю-
дей принять Христіанское уче-
ніе.

Должно со вниманіемъ обозрѣть
весь планъ Религіи, естьли хотѣшь
съ разсудкомъ, а не по пристра-

ешію судишь о ней. Слабый, колеблю-
щійся умъ оспанавливаешся на каж-
дой бездѣлицѣ, кошорая въ глазахъ его
являешся величайшею трудностію;
но кошорая, еспьли посмошрѣшь
на нее съ настоящей стороны, воз-
буждаешъ всеобщее удивленіе.

Видѣшь переходъ цѣлыхъ об-
ществъ отъ безконечнаго развраща-
нъ высочайшей степени добродѣтели,
ешъ зрѣлище, случавшееся не рѣдко
въ началѣ Хриспіянства; и хопя
сего чуда уже болѣе не видно,
однакожь и между нами возника-
юшъ иногда люди, кошорые оспав-
ляя безпорядочную жизнь свою,
прилѣпляюшся къ благодѣтельной и
промѣниваюшъ пороки свои на чи-
стые нравы истинныхъ Хриспіянъ.
И не взирая на то, что міръ при-
писываешъ сію перемѣну причинамъ
человѣческимъ, въ глазахъ просвѣ-
щеннаго кажепся она такимъ же
чудомъ, какъ и воскресеніе мерт-
ваго.

Сколько переворошовъ и собышій
 ни изчезло во мракъ временъ , со-
 бышій ешюль же мало намъ извѣст-
 ныхъ , какъ и бывшихъ до Попопа.
 По Моисей обязаны мы единствен-
 но Грекамъ и Римлянамъ неболь-
 шимъ числомъ испорическихъ на-
 мятниковъ , сохранившихся до на-
 шихъ временъ ; языки Греческой и
 Латинской еще и по нынѣ изуча-
 ются нашими священниками , и
 какъ на одномъ , такъ и на дру-
 гомъ имѣемъ мы довольно духовныхъ
 и свѣтскихъ писателей , свидѣтель-
 ствующихъ о событіяхъ , кои спер-
 ва пригошовляли къ созижденію ,
 а потомъ дѣйствительно воздвиг-
 шихъ царствіе Христово. Въ
 драгоцѣнный залогъ , избавившійся
 отъ всеобщаго разрушенія наро-
 довъ , и который , вѣжешся , сохрани-
 ло само Провидѣніе , дабы оный могъ
 служишь подпорою нашей вѣрѣ.

Многіе называли себя боговдох-
 новенными. Сократъ , Нума Пом-

пиль і Магометъ имѣли сей предразсудокъ. Но что же изъ шого слѣдуешъ? не уже ли должно изъ сего заключишь, что не было никогда боговдохновенныхъ, да и бышь не могло? Безумное заключеніе! Дѣятельность Божія проспирается равно на духовныя и шѣлесныя существа и дѣйсшвуешъ какъ на шѣ, такъ и на другія.

Есшлы разсудимъ о вѣчности, о кошорой предсказываешъ намъ вѣра, и посредшвомъ оной узнаемъ, что Богъ не для другой какой цѣли, не не къ иному какому намѣренію создалъ человѣка, какъ только чшобъ вѣчно соединишь его съ собою, и что сей союзъ начался уже во Христѣ; шо подлинно не лзя болѣе изумляшся превосходшву сихъ истинъ, сшолько соопвѣщшвующихъ милосердію Божію. Точно такъ, онѣ не удивляютъ болѣе духа человѣческаго. Но шо, что совершенно приводитъ его въ уныніе

и повергаешъ въ вѣчное безмолвное изумленіе, это есть непроницаемость Божіихъ опредѣленій или судебъ его, по которымъ угодно ему было, чѣмъ большая часть человѣковъ, кои или вовсе не знающъ о семъ, или неправильно судящъ о сихъ истинахъ, опдались во власть скопскихъ похотей.

Человѣкъ, очень увѣренный въ благодѣяніяхъ Творца своего, вздыхаетъ, что не можетъ возблагодарить его такъ, какъ желаетъ его сердце; но чего человѣкъ самъ собою исполнишь не можетъ, то можетъ сдѣлать Церковь: а потому должно ему желать соединиться съ нею, дабы вмѣстѣ съ оною прославишь всеобщаго Благодѣтеля; и такое дѣйствіе можетъ увѣрить его, что посредствомъ сей связи будетъ онъ угоденъ Богу и получишь все, что именемъ Христа пошребуетъ отъ него.

Религія.

У

Воплощеніе Іисусово долженствуетъ быти предметомъ нашихъ склонносшей, въ нему должно возноситься сердце наше; оно есть союзъ, соединяющій небо и землю, время и вѣчность; оно есть источникъ всѣхъ надеждъ нашихъ и порука въ исполненіи оныхъ.

Что такое за Causa primaria ложной Философіи, — хладное, безчувственное существо, которое не любитъ и не хочетъ быти взаимно любимымъ? Какъ опличенъ онъ него Богъ, проповѣдующій намъ Евангеліе! Онъ любитъ меня, и шѣмъ даслуживаетъ всей приверженности моего сердца.

Богъ есть душа душъ нашихъ; и ежели наша душа возненавидитъ его, то дѣлается мертва и схищается во мракъ; любя же его, исполняеши духа Божіа, чувствуешь себя въ состояніи достигнуть высочайшаго величія, желанія ея обла-

готороживаюпся , спремленія дѣлаюпся безпорочнѣе , и силы ея соединяюпся къ блистательнымъ дѣйствіямъ.

Не значишь бышь Христіаниномъ, есшьли только слѣпо и безъ разсмотрѣнія принимаешь формулу вѣры; но бышь Христіаниномъ значишь взявъ Христіанство въ образецъ себѣ, сдѣлаешь его правиломъ мыслей своихъ, желаній и всѣхъ спремленій души своей.

Жизнь Христіянская пребуешь жершвы, коя однажохъ не шрудна и возбуждаешь въ насъ неизвѣяснимое чувствованіе блаженства; все, что принадлежишь любимому предмету, доспойно нашего сердца: въ эшомъ свидѣтельствуюсь я сказаніями твоими, кои нѣкогда имѣли сіе благородное чувство, и кошорое впрочемъ хоща бываешь такъже и у всѣхъ людей, но худо ими упошребляешься.

Когда Христосъ повелѣваетъ намъ подражать себѣ и нести крестъ свой, то къ сему прибавляетъ также говоря, что бремя его легко, пошому что онъ способствуетъ и подкрѣпляетъ несущаго оное. Но какая разница между симъ спраданіемъ и спраданіями отъ міра! Сей вмѣсто того, чтобы оказывать намъ помощь, еще дѣлаетъ неносимымъ свое иго, благопріиспвуетъ лишь щасливцу и не только не облегчаетъ наше бремя, но еще болѣе удручаетъ плеча наши; а стягосъ его тѣмъ чувствительнѣе, что нѣтъ отъ нее никакой пользы и не льзя ожидать за то никакой награды.

Суешные люди нынѣшняго свѣта изобрѣли сами для себя Христіанскую вѣру, принарова ее ко всѣмъ своимъ склонностямъ. Заповѣдь, противная образу ихъ жизни, переспаетъ бышь для нихъ заповѣдью, и много, ежели дѣлаютъ ей честь,

что почитаютъ ее за благочес-
 тивый совѣтъ и благое желаніе, ко-
 торое однакожь, по ихъ мнѣнію, не
 можетъ быть исполнено въ обще-
 ствахъ, и пошому сіе монашьямъ
 предославляють. Имъ не говори ни-
 чего о пожертвованіи своими жела-
 ніями и воздержности: изобрѣшен-
 ная ими вѣра льститъ ихъ похо-
 шамъ и запрещаешь только по-
 зшупки, которые міръ называетъ
 стыдомъ и поношеніемъ. А такое
 Христіанство, безъ всякаго сомнѣ-
 нія, обнаруживаетъ слабость или
 даже самый недоспашокъ вѣры! ..

Христосъ пришелъ взвести за-
 конъ любви, дабы мы съ радостію
 могли исполнять его заповѣди. Къ
 симъ заповѣдямъ присовокупилъ онъ
 еще совѣщанія, которые сколько ни
 кажутся намъ жестоки, подають
 однакожь надежное средство къ ис-
 полненію его закона, уничтожая
 все то, что могло бы склонить
 насъ къ нарушенію онаго.

Хошя Философы всѣхъ вѣковъ въ пышныхъ выраженіяхъ и говорили о соединеніи души со всеобщимъ началомъ; но ни одинъ изъ нихъ не предложилъ человѣку средства и не показалъ пути, по которому могъ бы онъ достигнуть споль вождѣлѣннаго соединенія. Никакая, кромѣ Хриспіанской вѣры, не даетъ намъ права желать и ожидать шѣснаго сопряженія съ Богомъ, и одна шолько Хриспіанская Религія пролагаетъ ему спезю къ такому соединенію.

Служа братіи, служишь Богу — вотъ единое испинное удовольствіе человѣка, досшойное существа его; а не гордый видъ, съ которымъ щеславный благодѣтель взираетъ на существа имъ облагодѣтельствованныя, и отъ которыхъ пребуетъ благодарности и воздаянія. Хриспіанская любовь не негодуетъ на неблагодарныхъ; она не хочетъ обязывать людей собою, но всю свою

награду полагаешъ въ угожденіи Богу.

Законъ Божій есть единственно та высочайшая власъ, предъ копо-рою должны преклоняшся всѣ дру-гія, и копорая ни отъ кого незави-сима. Она пребывая одинаковой во всѣхъ сполбшїа и во всѣхъ климашахъ, сполько же непремѣнна, какъ и основашель ея; полишина и госу-дарственныя выгоды, доспигаемыя неправильными пушмями — все из-чезаетъ предъ нею.

Разсмотри свои недоспашки и слабоспи, какъ-то повелѣваетъ намъ Религія, и тогда безъ сомнѣнїа успыдишся оныхъ и изумишся сво-ему соспоянїю; а сіе самое ус-шыженіе и есть полезнѣйшее лекарство отъ слабоспи на-шей. — О, сколь великъ и доспо-инъ почпенїа шотъ владыко, копо-рый шребуетъ отъ насъ искренняго признанїа, не по иному какому на-мбренїю, какъ чшобъ шолько про-

сшишь насъ и доказашь намъ свое милосердіе!

Не покаянiе во грѣхахъ, но ушаніе оныхъ унижаетъ чловѣка. Желющій освободиться отъ пороковъ, его заразившихъ, скоро и несомнѣнно успѣетъ въ томъ и будетъ сопричтенъ къ лику праведныхъ.

Терзайте сердца ваша, а не плашье; поспишесь, бодрствуйте и возсылайте моленія къ Создателю.—Ежели Религія вооружаетъ такимъ образомъ чловѣка противъ самаго себя, то доставляетъ при томъ душѣ власть надъ чувствами, и это цѣлиштельное принужденіе самаго себя обращаетъ чловѣка на путь порядка, исправляетъ его пороки и освобождаетъ отъ рабства плоти.

Какъ прогашельны моленія, возсылаемыя Церковію къ Владыкѣ своему! какъ благородны ея восклицанія, какъ справедливы молишвы! Въ

нихъ не упоминаєть она никогда •
временномъ , какъ развѣ шолько въ
ошношеніи къ духовному ; а изъ се-
го ясно видно, какимъ духомъ оду-
шевляєтся она.

О, сколь велика та минуша, ко-
гда поднимєтся завѣса вѣчносши,
когда измѣримъ мы глубину ея ; и
должно подивисься, для чего вооб-
раженіе наше всегда стараєтся ош-
срочиваєть такую минушу!

Краснѣють предъ людьми въ раз-
сужденіи Христіянства, и опасаясь
пересудовъ и посмѣяній отъ нихъ,
не могутъ рѣшисться исполняєть его
закона. Это єсть родъ апоспасіи,
содѣлавшейся слишкомъ обыкновен-
ною въ свѣтѣ, или , что все равно,
это значить споспѣшествоваєть
поржєству беззаконія , содѣйствуя
къ увеличенію числа сообщниковъ
его. Что могъ бы сдѣлаєть неопва-
живающійся презираєть насмѣшки
развращаго міра въ такомъ слу-

Религія.

Ф

чаѢ, когда, по примѢру первыхъ ХристіанѢ, былѢ бы долженѢ прошивоборствовать, такѢ сказать, тысячекрапной смерти?

БлагоговѢніе безѢ добрыхъ дѢлъ есть истинный фанатизмѢ; Религія имѢетѢ неразрывную связь съ нравственностію, и всѢ, кои примѢшиваютѢ къ ней порочные обычаи, свою чувственность, самолюбіе и корысть, безчестяѢ ее. ЧеловѢкъ слабѢ, немощенѢ: онѢ сполнается и падаетѢ; однакожь должно пороки легкіе, или происшедшіе отѢ недоразумѢнія и слабостей человѢческихъ, отѢ кошорыхъ онѢ придивсидѢ и чувствво, шотчасѢ исправляеѢся, опличаѢ отѢ тѢхъ тяжкихъ преступленій, при коихъ не чувстввуемѢ ни раскаянія, ни желанія исправиться.

ВѢ напастяхъ и горесняхъ люди прибѢгаѢтъ къ Религіи, да и справедливо: вѢ ней найдѢтъ они все-

гда истинное, надежное утѣшеніе. Но при щасливыхъ обспояшельствахъ и въ благополучной жизни имѣющъ они въ ней еще болѣе надобности; и по истинѣ можно сказать, что только при помощи Религіи умѣетъ человекъ пользоваться надлежащимъ образомъ своимъ щасіемъ. Чрезъ злоупотребленіе, которое люди обыкновенно дѣлающъ изъ своего благоденствія, благополучіе ихъ спановишся имъ гибельно и опасно: ибо въ развратномъ человекѣ разкрываетъ оно всѣ спраси, обуревающія его душу; удобность, доспавляемая богатствомъ, удовлетворяетъ онымъ, повергаетъ его въ жизнь преволненную и возбуждаетъ ненасытимое желаніе къ сладоспрасію, за коимъ обыкновенно слѣдующъ нещасія, и опъ коихъ напрошивъ предохранила бы его Религія.

Щасливцы міра сего, всегда спремащіеся съ такою ненасыти-

мощію ꙗко пріобрѣшенію благъ земныхъ, счишающе шѣхъ людей безумцами и обманутыми, кошорые предпочишающе онымъ блага духовныя; они за златой лучъ свѣтской знаменности охотно отдали бы все блаженство неба, и съ состраданіемъ взирающе на гошовыхъ опрѣчсья ошъ міра и всѣхъ его прелестей; между шѣмъ какъ они-то самые и досшойны сожалѣнія: ибо не безумно ли для предмета плѣннаго жертвовати вѣчностію?

Мнѣ пошребно милосердіе, говоришъ человекъ суешной; но гдѣ же милосердію искашъ его: не уже ли въ пиршествахъ, за игрою и въ обѣщаніяхъ сладострасія, кои составляютъ всегдашнее его упражненіе, и гдѣ милосердіе никогда не бываетъ?

Пусть человекъ безъ Религіи скитається въ шуму мірскомъ, въ кругу спрасей, и пришупляется умъ

свой, чрезъ что дѣлается неспособнымъ познавать истины; пусть усыпишь себя опиумомъ чувственности; но нѣкогда пробудится онъ въ такую мину, въ которую бѣдствие его предсавишся ему въ полномѣ своей; всѣ періоды времени будешь тогда способствовать содѣлывать его несчастнымъ. Минувшее въ мрачныхъ краскахъ изобразишь ему безпорядочную жизнь его, настоящее также начнешь занимать его чувства, и все сіе долженъ онъ будешь повторять безпрестанно, дабы не впасъ въ горестное состояніе печали и оставленія. Онъ уподобился тогда кубарю, котораго, коль скоро начинается онъ падать, опять погонять должно. Будущность безпокоишь его и заставляешь содрогаться; между тѣмъ какъ Христіанинъ, исполняющій заповѣди своей Религіи, видитъ прещеніе грѣховъ своихъ, милосердіе и примиреніе съ Богомъ; въ настоящемъ небесное пособіе, которое

покрѣпляешъ и ободряешъ его на скользкомъ пути его жизни, а въ будущемъ обѣщанную награду; одинъ поспрашивается отъ малѣйшаго удара, другаго не поколеблешъ самое разрушеніе міра.

Ежели служишель Всевышняго, засупя его мѣсто, именемъ онаго дѣлаешъ намъ выговоры за просупки наши, и съ Евангеліемъ въ рукѣ вѣщаешъ миръ, запечатлѣнный кровію Хрисша Спасителя: то можешъ ли сей служишель Божества и образъ его рѣчи бысть предметомъ нашей кришики? Не должно ли напрошивъ того простое изображеніе столь великихъ и опвлеченныхъ вещей, продолжающееся въ швердыхъ и непрерывныхъ преданіяхъ, непреодолимо влечь къ себѣ наше вниманіе и воспламеняшъ сердца наши?

Слово Божіе ешъ хлѣбъ, копорый мы каждодневно вкушашъ должны или чишая оное непосредствен-

но сами, или внимая нашимъ паспш-
рямъ. Оно сполько же пишашельно
для души, сколь необходимо нуж-
на вещешвенная пища для шбла,
лишеніе чего причиняешъ слабосъ,
кошорая еспшли усилишся, сдблаетъ
даже смершоносною.

Когда бы, чшобб сдблаетъ пра-
веднымъ, шребовалось шолько, какъ
мірб называетъ, бышъ чесшнымъ
человбкомъ: шо Хришосб посшупилъ
бы неправильно, учинивъ споль ма-
лое число избранныхъ. Но какая раз-
ница между пушемъ имъ назначен-
нымъ и шбмъ, по коему идушъ сіи
чесшные люди.

Ни недосшашочносъ Религіи и
не шо, чо бы можно было вмб-
нишъ ея вб погрбшносъ, засшавля-
ешъ поносишъ ее вб мірб; но шому
причиной лицембры, упошребляющіе
Религію вмбшо личины, и кои по
фарисейской ревности безпрешан-
но возсшаюшъ прошивъ міра, кошо-

рый однакожь, сколько бы онъ испорченъ ни былъ, все еще не столько золъ, какъ сіи гнусные люди.

Мы не живемъ во времена Декія, ни Діонлишіана, но въ эпоху Іуліанову. Вѣроломный міръ ласкаетъ насъ для того, чѣшбы сдѣлашь соучастниками своихъ заблужденій. Намъ не должно бояться отъ свѣшскихъ людей ни оспрія ихъ мечей, ни кинжаловъ; но осшерегаешь ихъ умничанья, шутокъ, коварныхъ насмѣшекъ и искусствва обольщаешь, которое шѣмъ опаснѣе, чѣш кажется тихимъ и крошкимъ.

Обратишь на путь истинный суешнаго челоѣка значишь заставишь его совершенно опречься отъ міра; онъ долженъ презрѣть свѣтъ, который вмѣсто того, чѣшбы подивишься такому его обращенію, почищаетъ всѣхъ за такой поступокъ измѣнникомъ и трусливымъ бѣглецомъ, чѣмъ обижаешься и припи-

сываєтѣ такое дѣйствіе малоду-
шію.

Гордостъ и духъ независимости
— вошѣ зародышъ невѣрія! Онѣ, по-
чишая простой народъ рожденнымъ
для подчинимости, покрываеѣ свои
лжеумствованія именемъ Философіи,
вопрошаеѣ Божество, хочеѣ из-
слѣдоваѣ судьбы его, и рассуждая
о мнимыхъ безпорядкахъ въ приро-
дѣ, опровергаеѣ Провидѣніе, коего
премудрость находящя въ предѣ-
ловъ его зрѣнія.

Человѣкъ, ограничивающій всѣ
свои желанія только земнымъ, ли-
шаеѣ бышіе свое первобытнаго
величія. Онѣ къ видимому или ве-
щественному міру имѣеѣ только
минушное отношеніе, а пошому и
не долженѣ сполько пещись о немъ.

Есѣли неоспоримо, чѣо удоволь-
ствія духовныя несравненно превос-
ходяѣ удовольствія шѣлесныя:

то посудите, какое должны имѣть преимущество предъ всѣми земными радостями удовольствія, дославляемые намъ Религіей.

Религія не терпитъ никакого коварства, никакихъ злоумышленій и насилія; терпѣніе и добродѣтель служатъ ей единою защитою; а есѣли злые люди хоѣя и служили ей нѣкогда спрасами своими, но такія услуги не были ей пріятны: онѣ гнусны предъ нею и посрамляютъ шворящихъ оныя.

Въ нѣкошорыхъ спранахъ нѣкоторые секшаншы умерщвляли дѣтей своихъ, или бросали ихъ въ колодцы, дабы такимъ образомъ спасти оныхъ отъ наспавленія въ Религіи, которую имъ даѣь хоѣбли. Напропивъ того истинный Христіанинъ во время приѣсненія ободряетъ дѣшей своихъ въ терпѣливому перенесенію всѣхъ мукъ и даже самой смерши, а не ошваживаеѣся

самъ собою ни на ихъ жизнь, ни на жизнь ихъ пирана.

Подлинно, не лъзя чипашъ безъ содроганія того мѣста во Всемирной Исторіи, гдѣ упоминаешся, какъ обходились съ брашіями нашими Іудеями. Изъ Французской исторіи видно, что они въ извѣстные праздники должны были всенародно сносить пщечины и удары, и что нѣкогда въ день Пасхи Графъ Рошуаръ далъ столь крѣпкую оплеуху одному изъ сихъ несчастныхъ, что у него глаза вонъ выскочили и бѣднякъ на томъ же мѣстѣ умеръ. А такое варварство, дѣлаемое подъ предлогомъ священнаго имени Религіи, есть напрошивъ поношеніе оной и человѣчества.

Что должны подумашъ языческіе народы Азіи, Африки и Америки видя, что Европейцы, проповѣдующіе имъ въ своей Религіи крошесъ и милосердіе, производяшъ такія

жестокости, которыя самыхъ свѣ-
рѣпыхъ варваровъ приводящъ въ
содроганіе? и что также должны
подумать и сами мы объ озаренной
свѣтомъ Христіанства Европѣ, вда-
ющейся во всѣ пороки и развращъ;
что должны подумать о самихъ
себѣ? — Однакожь изъ сего не слѣ-
дуетъ заключать, что Религія на-
ша несправедлива, но напрошивъ
того, что человекъ золъ, и что
шось, кшо всенародно исповѣдуя
свяшую вѣру, занимаешься ею толь-
ко какъ игрушкою, досиигъ вы-
сочайшей степени злобы и развраща.

Что Цицеронъ говоритъ о Фи-
лософіи, то съ большимъ еще пра-
вомъ можно сказать о Религіи. Въ
городѣ или деревнѣ, въ пусынѣ
или обществѣ, дома или на дорогѣ,
всюду служишь она полезнѣйшею
сопущницею и другомъ. Она въ юно-
сти нашей украшаетъ насъ, въ зрѣ-
лыхъ лѣтахъ доставляетъ намъ
щасливые плоды и содѣлываетъ

непоколебимыми ошѣ ударовѣ рока; а
вѣ глубокой сшаросши воспламеняешѣ
еще нашу надежду и уменьшаешѣ
хладѣ, который вѣ сіе время начи-
наешѣ обыкновенно пошрясашѣ на-
шими членами.

Самолюбіе, упрямшво и жадносшѣ
кѣ снисканію богашсшва сшолько
ослѣпляюшѣ человѣка, что нѣко-
торые даже умные люди упорсшво-
вали вѣ запутанныхѣ шяжбахѣ, ко-
торыя ихѣ до основанія раззорили.
То же самое бываешѣ и сѣ невѣру-
ющими: они впадаюшѣ вѣ ослѣпле-
ніе, придерживаясь нелѣпыхѣ и без-
законныхѣ сисшемѣ, чрезѣ что со-
вершенно погибаюшѣ, не взирая на
шо, что, пакѣ сказашѣ, предѣ ихѣ
глазами находяшся неоспоримыя до-
казашельсшва истины; они по уп-
рамшву и приверженности кѣ соб-
сшвеннымѣ мнѣніямѣ охошнѣе по-
коряюшся лжи.

Нѣшѣ, человѣкѣ не долженѣ гор-

дишься увѣришельностію, кошорую
получаєшъ отъ истинной Религїи,
что Богъ удосхоилъ сниси къ нему,
и что Творецъ всей громады міро-
зданія захошѣлъ совокупишься съ
своимъ твореніемъ—такъ, истинный
Хрисціанинъ не долженъ надмевашь-
ся эшимъ, потому что сей же са-
мый Богъ повелѣваетъ ему глубо-
чайшее смиреніе и совершенную пре-
данность, кои несовмѣстны съ гор-
досшію.

Ежели человекъ есть подобіе Бо-
жіе, то Хрисціанинъ долженъ
имѣть съ нимъ онаго гораздо болѣе;
и ежели Богъ сполько близокъ съ
человекомъ, то какое долженъ онъ
имѣть почшеніе къ самому себѣ и
сколько осшерегаться пошерьять свое
доспоинство! Его слова, взгляды и
каждый дѣлаемый имъ шагъ должны
относиться къ прославленію своего
подобія; а всякіе посшупки, ошвлека-
ющіе его отъ сей великой дѣли,
служащъ къ его безчесшію.

Съ проспыми и обыкновенными предметами содружилъ Хриспосъ великія дѣйсвія : омовеніе водою перемѣняетъ человѣка и возобновляетъ его ; хлѣбъ , необходимый для поддержанія жизни, соединяетъ его съ Богомъ; а миропомазаніе доставляетъ силу свыше человѣческой. Все сіе возмущаетъ духъ невѣрующихъ. Но Слово, воззавшее изъ ничтожества всѣ существа, по волѣ своей или когда ему угодно допускаетъ также и ихъ производить сверхъестественныя дѣйсвія.

Злоупотребленія , вкравшіяся въ Религію, не могутъ ни сколько ослабить ея силы, ни лишить ее непорочности. Какая опрада для чувствительнаго сердца , когда оно, видя себя въ состояніи благодарствования, дѣйствительно исполняетъ сіе , и шѣмъ удостоивается благодаренія свыше , которое никогда не замедливаетъ въ нему низпосылаться!

Напрасно прославляють гостеприймство Музульмановъ. Всѣ неправедныя вѣры и самая языческая Философія, защищая спрасши, особенно же сластолюбіе, которое пагубнѣе всѣхъ прочихъ спрасшей, умножаяють пошребности богача и содѣлывають нечувствительнымъ его сердце. Но истинная Религія естъ всѣмъ вняшный законъ Благадаши, и Издашелю онаго было угодно, чшобъ мы по сему шолько признаку опличали его. Ученіе Хрисшово, нешерпящее никакихъ спрасшей, находишь въ шомъ, что запрещаешь чловѣку, надежное средство доспавишь ему блаженство, невѣдомое въ семъ мірѣ.

Есшъли враги Хрисшіянства успѣхи онаго приписывають обольстительному имени благадаши, шо шакія успѣхи весьма для него славны и доказывають его божественность. Учили ли Философы чему либо сему подобному до введенія Христі-

янства? Іуліанъ и Карифей, представляя въ примѣръ Христіянъ или ссылаясь на оныхъ, доказывають сіе; и естли нынѣшніе наши философы проповѣдують намъ челоѣколюбіе и благодѣяніе, то за сіе, равно какъ и за другія истины, обязаны Религіи, оу которой заимствують оныя, не взирая на то, что порицають ее.

Религія не естъ темная, невразумительная задача. Поелику она должна служишь правиломъ жизни нашей, то всего болѣе пошребно, чшобы разогнавъ шучи, шолпимыя въ нашемъ сердцѣ спрасшями, увѣришь челоѣка въ ея истинѣ. И горе тому, кто въ бышіи своемъ не познаешъ виновника онаго: вѣчная ношъ смерти скоро убѣдишь его въ шомъ.

Всѣ шворенія проповѣдують челоѣку существованіе Бога; одна-кожъ чрезъ нихъ получаетъ онъ шолько опвлеченное поняшіе о Все-

Религія.

Ж

могущемъ Существѣ, котораго взоръ его никогда доспигнуть не можешь. Но въ Христѣ ощутишельно изобразились намъ все любезныя свойства его. Слѣдовашельно чрезъ нихъ только дѣлаемся мы способны познавать его въ здѣшней жизни, дабы соединишься съ нимъ въ будущей.

По всей справедливости, мы не можемъ имѣть никакого понятія о вѣчномъ порожденіи Слова въ нѣдрахъ Отца его, равно какъ и о вѣчномъ продолженіи любви ихъ; и понятіе о Божествѣ, которое сообщили намъ Философы, безъ Откровенія темно и невразумишельно такъ, что намъ надлежало бы, подобно какъ-то сдѣлали нѣкогда Аѳиняне, воздвигнуть олтарь невѣдомому Богу (Deo incognito.)

Еслили несозданная Премудрость снизошла на землю для того, чтобы научить человѣка, то должно

было также уведомить его и о будущем его соспоянии за предѣлами гроба. Но Христосъ не только научилъ насъ о семъ главномъ предметѣ, но и все имъ проповѣданное содѣлалъ существеннымъ въ своей особѣ.

Азъ есмь воскресеніе и животъ!— слова, копорыхъ гордый смершній никогда произнести не осмѣливался, и копорыя смиреннѣйшій и покорнѣйшій изъ всѣхъ человѣковъ говорилъ швердымъ глазомъ вѣчной истины.— Торжествово его и поклоненіе ему рода человѣческаго ушвердили слова сіи.

Естьли вѣчная Истина снизошла къ человѣку, то важное ученіе, которое дала ему, должно быть неопровергаемымъ доказательствомъ того источника, откуда человѣкъ получилъ сіе ученіе. Она должна была принести человѣку небесныя правила, истинное богослуженіе, пред-

писаніе молишвѣ и чувствѣнные
знаки, споль необходимые въ рассу-
жденіи вещевенной нашей напу-
ры: словомъ, всѣ вспомогащельныя
средства, нужныя для цѣли его по-
сланія отъ Отца своего и способныя
къ усовершенствованію его творенія.

Ничто не доказываетъ съ такою
неоспоримостію, что Христосъ есть
свѣтъ истинный, какъ та непрони-
цаемая мрачность, въ которой на-
ходился родъ человѣческій до его
пришествія, и тѣ низкія понятія,
которыя имѣли люди о Творцѣ сво-
емъ. Состояніе, въ коемъ находясь
еще незаренные его свѣтомъ или
непознающіе онаго, есть ясное по-
му доказательство.

Какъ, уже ли не лзя признавъ
во Христѣ величія, превосходящаго
всякое возможное величіе, извѣстное
человѣкамъ? Не свидѣтельствуютъ
ли въ томъ предуготовительныя
приключенія къ его пришествію,

всѣ чудеса , сопровождавшія оное ,
 всѣ великія перемѣны , случившіяся
 въ послѣдствіи , и всѣ вѣки какъ
 минувшіе и ошдаленные , шакъ и
 ближайшіе къ намъ не увѣряющъ
 ли насъ въ Посланникъ Божіемъ.

Въ какомъ же видѣ надлежало
 явишься Мессіи? уже ли, по при-
 мѣру Кира, должно было ему раз-
 рушашъ царства , или бышь Анге-
 ломъ , копорый бы съ молніею въ
 рукъ преклонялъ людей подъ иго
 свое? Кромѣ шого, что сіе было бы
 прошивно свободѣ человѣческой, но
 еще шакія его побѣды и чудеса
 не спали бы удивляшъ пошомства.
 Напрошивъ шого Христосъ съ менѣе
 удивительнымъ или даже съ слабымъ
 блескомъ, посредствомъ чудесъ своего
 милосердія и яснѣйшею нравствен-
 ностию покорилъ вселенную, и шѣмъ
 основалъ царство гораздо прочнѣй-
 шее, нежели кошорое какой нибудь
 могущественнѣйшій монархъ обра-
 зовалъ или образовашъ можешъ.

Чшо Божіе милосердіє даровало
 чловѣческому роду Владыку; чшо
 избрало его изъ мрачнаго и низка-
 го сосшоянія; чшо доровавъ чловѣ-
 ку превосходнѣйшее ученіе, прине-
 сло его въ жершву, и пошомъ вос-
 прославило, и чшо оно послѣдую-
 щихъ его ученію содѣлало учасшни-
 ками славы его: шакъ думали во
 время самаго сего событія величай-
 шіе мужи, и всѣ памяшники свидѣ-
 тельсшвуюшъ въ ономъ; невѣрующій
 же почишаешъ сіе пошому шолько
 за басню, чшо оно прошивно сла-
 бому его поняшію.

Вочловѣченіе Христа заплашило
 собою долгъ чловѣковъ и изглади-
 ло ихъ беззаконія. Незаплашимъ
 былъ долгъ сей; но воплощеніе Хри-
 шово, соединясь со Словомъ, полу-
 чило способность въ погашенію она-
 го и удовлешворило за грѣхи наши.

Всемогуцій Богъ принялъ на себя
 чловѣчешво для шого, чшобы спа-

сти оноє . . . Сія мысль возмуща-
ешь високоумцевъ: по ихъ мнѣнію это
значишь для неважной цѣли упо-
требляшь великія средства. Без-
умные! блаженство разумнаго и сво-
боднаго существа есть напрошивъ
цѣль достойнѣйшая Бога, нежели
непостоянный или скоро преходя-
щій блескъ всѣхъ царствъ земныхъ.

Чтожь касается до того, для
чего Христосъ не являлся въ пол-
номъ своемъ величіи ни судіямъ
своимъ, ни Кесарю: то это есть
только восклицаніе суешныхъ чело-
вѣковъ, это происходитъ отъ гор-
досни человѣческой и не могло
быть содѣлано Богочеловѣкомъ. На
вопросъ же, для чего не являлся
онъ теперь во всемъ блескъ врагамъ
вѣры своей, отвѣчаю: къ чему бы
послужило сіе? онъ бы только изу-
милъ и усмрашилъ такихъ безум-
цевъ, не перемѣня ни ума ихъ, ни
сердца. Нѣкогда явишся онъ дѣй-
ствительно среди грома и молніи;

—и тогда злобный шолько восшрепещешь, но не обратишся.

Есшълибъ Богъ предсталъ шеперь намъ въ полномъ своемъ величїи, то попомсшво наше могло бы еще сомнѣвапсья въ шакомъ событїи, и спуспя тысячелѣшїя совершенно опшвергапсь оное; сїе же самое случаетсь шеперь и съ нами въ разсужденїе чудесъ, видѣнныхъ нашими праопцами, когда мы, не взирая на всѣ свидѣтельсшва въ пользу оныхъ, не хошимъ вѣришъ имъ.

Вездѣ въ Священномъ Писанїи находимъ мы повшоряемыя увѣренїя, что Мессїя избавишъ Израиля опъ рабсшва, очисшишъ опъ грѣховъ народъ свой и возобновишъ въ немъ правду. Да и самые Іудеи желали ль чего иного? Съ ними было то же, что и съ шеперешними нашими Хриспїянами, кошорые весьма мало забошились бы о шакомъ Царѣ, коего по-

сланіе имѣло бывъ предметъ только
возстановленіе царства добродѣтели.

Безчисленные чудеса, произведен-
ныя Христомъ въ прехлѣбшее его
свѣщенство, не были ни знаки не-
бесные, чего требовали отъ него
Іудеи, не дѣла гордости, или бли-
стательныя черты славолубія;—они
были только поступками опеческа-
го благоволенія и нѣжной любви
къ челоуѣкамъ. Христосъ питалъ
неимущихъ, исцѣлялъ недугующихъ
и воскрешалъ мертвыхъ, возвращая
ихъ въ нѣдра печальнаго ихъ семей-
ства; всѣ же сіи поступки не себѣ
присвоивалъ, но они служили къ
прославленію Отца, его пославшаго.
Онъ и всѣ принадлежавшіе къ нему
за труды свои не собрали никакой
иной мзды, какъ только ненависть
злыхъ, гоненіе и смерть.

Здѣсь лежитъ . . . Такая обык-
новенно бывающъ надпись надъ всѣ-
ми могилами, въ коихъ испукающъ

Религія.

Ц

величіе челоуѣческое. Его нѣтъ здѣсь болѣе... вошъ надпись надъ гробомъ Христа Спасителя, единого прославившагося, и изъ котораго исшелъ жизнь и спасеніе.

Всѣ происшествія, подтверждаемыя какъ духовными, такъ и свѣтскими писателями, всѣ учрежденія Церкви, постоянство и непорочность первобытныхъ Христіанъ—все остается нерѣшимою загадкою, смѣсю противорѣчій для того, кто отвергаетъ воскресеніе: оно есть союзъ, которымъ все связуется, оно одно только обьявляетъ намъ причину всѣхъ сихъ моральныхъ феноменовъ.

Пришествіе Христово на землю и слѣдовавшая за онымъ перемѣна на земномъ шарѣ, Римское могущество, служившее пріугошвленіемъ въ тому — все сіе представляетъ намъ величественную картину, единую во Всемирной Исторіи, зрѣлище, которое, какъ говоритъ Писаніе,

было дано Ангеламъ и человѣкамъ ,
— зрѣлище, содѣланное способнымъ
убѣдиль всякой здравый и свободный
отъ празразсудковъ разумъ человѣ-
ческій.

Христосъ есть истина и жизнь.
Мы, подобно ему, воскреснемъ въ день
спрашнаго суда , и сія эпоха ни
сколько не вредитъ блаженству пра-
ведныхъ. Для души, покоющейся въ
Богѣ , нѣтъ ни времени, ни срока;
онъ всею всегда и во всякое вре-
мя вполне наслаждается.

Христосъ побѣдилъ смерть , а
чрезъ него побѣждающъ ее также
и шѣ, кои исполняютъ его заповѣди.
Для того, кого смерть соединяетъ со
Христомъ, она сладостна и пріятна.

Быть со Христомъ и царство-
вать съ нимъ!—можно ли вообра-
зить себѣ большее сего блаженство
праведника? оно все въ себѣ заклю-
чаетъ—все, въ чемъ состоитъ бла-

женство, и что принадлежишь къ
тому. Такое царство есть полное
вмѣстилище всей власи человѣ-
ческой.

Что можешь обвинить меня въ
пресупленіи? сказалъ Христосъ.
Если бы въ иномъ мѣстѣ и не
назвалъ онъ себя Сыномъ Божиимъ,
то одно уже сіе слово довольно бы
ясно сказало о немъ, что онъ есть
дѣйствительно Сынъ Божій. Какой
смертный могъ когда либо такъ
сказать о себѣ не обличивъ себя во
лжи?—

Разсуждая о словахъ Христовыхъ,
о нѣжной его любви къ людямъ,
о безпрестанныхъ молитвахъ, ко-
торыя онъ возсылалъ къ Отцу сво-
ему—о молитвахъ, чѣмъ было все
общее между имъ и нами; о крошкѣ
соспраніи его и пламенной любви,
которая воспламеняетъ въ насъ его
сердце—разсуждая обо всемъ ономъ,
говорю, можно ли не любить его?

Чшо жь касается до того, что мїръ съ такою нечувствительностію и съ такимъ хладнокровіємъ взираешъ на сіе, шо это безъ сомнїнія есть нечто иное, какъ только что мы никогда не размышляемъ порядочно о семъ божественномъ Учищелѣ.

Сколь великою любовію горѣли ко Христу ученики его, сіе видно изъ писаній, послѣ ихъ оставшихся. Все свое помышленіе усмремляли они только къ своему Учищелю, а прочее ни мало не занимало ихъ. Умереть съ нимъ вмѣстѣ почидали они величайшимъ удовольствіемъ. Но и всѣ первые Христїяне горѣли къ Спасителю такимъ же пламенемъ; однакожь могли ли они забыть до того, чшобы поступать прошивъ чувствъ своихъ, если бы не были въ томъ увѣрены наубѣдительнѣйшимъ образомъ?

Какъ ясны параболы, посредствомъ которыхъ угодно было Истинѣ на-

учашь насъ! Какой глубокой смыслъ находишся въ прищачъ о погибшемъ сынѣ и приглащеніи къ шоржесшву!

Сколь нѣжна и величественна послѣдняя рѣчь, произнесенная Иисусомъ ученикамъ своимъ незадолго до своей смерти! Не можно чашашь Евангелиста Іоанна, чшобы не бышъ, подобно ему, воспламенену любовію къ его Учителю. Уже болѣе не слугъ, но друзей своихъ дѣлаешъ онъ учасшниками великаго своего подвига. Всякое сокращеніе сей рѣчи уменьшило бы силу словъ, въ ней заключающихся.

Спрашивающъ, для чего Богъ, снисшедшій на землю, не могъ просвѣщашъ и содѣлашъ праведными всѣхъ человѣковъ? Но взаимно можно спросить: для чего Богъ допускаешъ, чшобы разсудокъ, который даровалъ человѣку, дабы онъ управлялъ имъ, ешоль часто совращаешъ его со

сшези, по кошорой надлежитъ ему слѣдовать? Богъ доставляетъ чловѣку средства, но чловѣкъ воленъ и употребить и ошвергнуть оныя.

Священное Писаніе есть книга, удовлетворяющая каждаго мыслящаго чловѣка. Весьма занимательныя событія въ исторіи Папріарховъ и народа Божія, превосходная поэзія псалмовъ, высокая Философія, заключающаяся въ книгахъ Премудрости, краснорѣчіе, живые и величественные предметы, употребленные Пророками, и Евангеліе, писанное самою Истиною, блискаютъ свѣтомъ болѣе, нежели чловѣческимъ. Писанія Апостоловъ представляютъ намъ исторію возникавшей Церкви; и любезное, спасительное ихъ ученіе, кошорое дали они первымъ Христіанамъ, имѣетъ въ себѣ столько чрезвычайнаго, что просвѣщая умъ, трогаетъ сердце, и сіи книги суть единыя необходимо нужныя для Христіанина.

Чуденъ языкъ Всевышняго, вняш-
ный всѣмъ народамъ земнаго шара,
и для того употребилъ онъ его
также въ планъ своемъ, для того
находясь онъ въ порядкѣ его про-
видѣнія, дабы вѣщалъ объ ономъ въ
великихъ проишесствіяхъ.

Ходъ сего міра есть безпреспан-
ное опкровеніе; но человекъ, усы-
пленный такимъ сцѣпленіемъ чудесъ,
требуетъ спранныго влеченія, ко-
торое освободило бы его отъ сей
шупоспи чувствованія.

Конецъ осмнадцатаго столѣтія
не есть эпоха оспориванія чудесъ,
которыя свершились со времени
введенія Христіанства; если бы
онъ не существовали, то враги она-
го, современники тѣхъ чудесъ, не
сжали бы свидѣтельствовать въ ихъ
пользу.

Для непоколебимыхъ въ вѣрѣ сво-
ей не нужны чудеса: кто вѣруетъ,

тому нѣшѣ нужды въ чувствѣнновѣ
удословленіи, ибо увѣришельность
чувствѣ ни прибавляеѣ ничего къ
испипному вѣрованію.

Когда сынѣ чловѣческій пріидеѣ
судитѣ мірѣ, тогда обрященѣ ли
онѣ вѣру свою у чадеѣ земли? Испи-
на и сама уже предсказала ослаб-
леніе Хриспіянскон Релігії. Без-
законіе, лжевѣріе и прочіе пороки
суть тому доззашельства.

Хриспіянская Релігія имѣеѣ о
себѣ свидѣтельствѣ двоякаго рода,
обоюднѣ одно другое подкрѣпляющія.
Первое изѣ сихѣ свидѣтельствѣ
суть самыя событія, кои споль
согласны съ пророчествѣми обѣ
нихѣ, что никоимѣ образѣ не
дозволяющѣ о себѣ сомнѣваться;
а во вторыхѣ, свидѣтельствѣ, ко-
торыя заимствуюѣ изѣ своего ос-
нованія, и которыя совершенно оп-
носяѣся къ тому, чтобы всегда
удивляѣ собою разумѣ чловѣче-
скій.

Дивляшся Римлянамъ, чшо'они, шер-
 па всякое богослуженіе, вооружались
 только противъ Хриспіянства.
 Причиною шому могло бытъ ничшо
 иное, какъ исполинскіе его успѣхи
 въ своемъ распроспраненіи. Храмы
 языческихъ боговъ тогда опустѣли.
 Эшо озлобило начальство, раздражило
 народъ, и лучшіе изъ Цесарей вы-
 давали указы, по коимъ съ величай-
 шею строгостію исполнялись гоне-
 нія на Хриспіянъ. — Не лзя чи-
 шать безъ содроганія, какія шер-
 пѣли тогда жестокоши первобыш-
 ные послѣдовашели истинной вѣры.
 Неронъ, Декій, Домиціанъ и проч.
 выдумывали мученія и роды смершей,
 при видѣ коихъ сама природа сод-
 рогаешся. Казалось, какъ будто раз-
 верзся тогда самъ адъ и не было
 ничего упущено сохранишь храмы
 язычествва. Однакожь сіи ужасные
 дни, дни кровопролитнѣйшаго гоне-
 нія были яснѣйшими днями для Цер-
 кви кои озарили ее славою немер-
 цающею.

Одинъ челоѡколубивый Государь видя , съ какою спремишельносцію Хрисціане повергались въ обѡяшія мучительной смерши, вскричалъ: нещасные! развѣ нѣшѣ у васъ вервія , развѣ не видише вы утешевѣ , есшлы умерешъ хошите? И шакое дѣйсшвіе Хрисціанѣ приписывалъ онѣ ихъ суевѣрію. Да и нынѣ мірѣ не лучше разсуждаешъ обѣ отреченіи отъ земныхъ удовольствій и жершвахъ , приносимыхъ Религіи ревностною душею.

Религія не предписываетъ челоѡку закономъ оспавляшъ свое имущество, званіе , домъ и семейство; и есшлы нѣкоторые Хрисціанскіе герои , порываемые чрезмѣрною ко Христу любовію, приносили жершвы , которыхъ не требуетъ Религія, шо сіе доказываетъ по крайней мѣрѣ , что мы должны исполняшъ шо, чего она отъ насъ требуетъ.

Маркѣ Аврелій, разговаривая нѣ-

когда съ однимъ своимъ любимцемъ о приверженности Христіянъ въ вѣрѣ своей, почиалъ ихъ глупцами. Они молишся даже о своихъ мучителяхъ, сказалъ придворный. Естли такъ, ошвѣчалъ Императоръ, то мнѣніе мое несправедливо, а вѣра ихъ по сему должна бышь самая свяшая.

Размысли, какія вспрѣчались препятствія возникавшему Христіанству, съ какими бѣдствіями должно было оно сражаться съ начала своего введенія, и тогда надобно будетъ признашся, что зря и распроспраненіе онаго естъ дѣло, достойное величайшаго удивленія. Римляне, бывшіе тогда обладашелями міра, упоенные совершенно своимъ величіемъ и славою, кошорые разрушили народъ Іудейскій—сіи Римляне почишали происшедшихъ ошъ Іудейства Христіянъ презришельною секшою, въ кошорой находили гнуснѣйшее суевѣріе. Христосъ содѣ-

лался предмешомъ ихъ ругательствъ;
 шайнства его явно осмѣивались;
 имя Христіанина было прошивно
 для всякаго; народъ жаждалъ крови
 Христіанской, и крестъ служилъ
 тогда на долго висѣлицею. Попомъ
 едва, казалось, утихло свирѣпство
 гоненія сего, и Христіанство на-
 чало наслаждаться спокоемъ,
 какъ Аріанизмъ, защищаемый Импе-
 раторомъ, возсталъ противъ него
 и причинилъ болѣе кровопролитія,
 нежели какое случилось отъ языче-
 ства. Однакожь Богъ положилъ въ
 совѣтъ своею, чѣобы святая вѣра
 его восшоржесшвовала надъ злобою
 и гоненіемъ всѣхъ чловѣковъ.

Еслибъ Богу угодно было, то
 вѣра его безъ малѣйшаго препяш-
 ствія былабъ принята по всей зем-
 ли всѣми народами; но по мудрымъ
 опредѣленіямъ его должно было,
 чѣобы вѣрующій подвергся тому
 испытанію, которое выдержалъ самъ
 Учитель его, и чѣобы на томъ же
 поприщѣ сражался и одержалъ побѣду.

Чудомъ и чудомъ самымъ поразишельнымъ должно почесшъ событіе, чшо Хриспїянство основалось на развалинахъ языческаго, которое столько льстило спрасшамъ; но не менѣе великимъ и поразишельнымъ чудомъ должно почесшъ также и то, чшо Хриспїянство даже и нынѣ сохраняется среди всеобщаго поврежденія. Суешные люди или прикованные къ міру и приманкамъ его хошя и нарушающъ заповѣди онаго, однакомъ имѣющъ такое понятіе о Хриспїянской вѣрѣ, чшо первые спали бы негодовашъ прошивъ того, кто захошѣлъ бы порицашъ нравственное ученіе онаго.

Человѣкъ, сынъ немощей, спомомъ и воплемъ возвѣщаешъ свое рожденіе: вошъ первые знаки его сущесшвованія. Жизнь его исполнена физическихъ и моральныхъ тягосшей, въ спароспи оныхъ усогубляющся, и наконецъ смершъ исполняешъ мѣру оныхъ. И шакъ не пре-

красна ли и не полезна ли чловѣку
та Религія, копорая, научая его спра-
дашь, доспавляешъ средства почер-
пашъ изъ сихъ спрданій всѣ ра-
досши, честь и блаженство.

Мудрецъ видя, что всѣ народы,
хошя въ неправедныхъ догматахъ,
однакожь чшящъ Бога, сожалѣшъ
о нихъ, а изъ того познаешъ болѣе
прежняго необходимости Ошкрове-
нія.

Я не знаю, а при томъ и не
сполько дерзокъ, чтобы осмѣлился
изслѣдывать, къ чему Богъ гошовишъ
Индѣйца, копорый изъ благоговѣнія
бросается подъ колесницу своего
идола и даешъ себя раздавишъ оною,
и какъ взираешъ на Талакоина, ко-
порый произвольно изъ такой же
ревности обременяемъ себя цѣпями
и рѣжешъ шѣло свое; но я увѣренъ
однакожь, что Богъ не гошовишъ
ничего худого чловѣку, копорый
предпочишаешъ его всему на свѣтѣ

и беретъ себѣ въ примѣръ любви, кою божественный Основатель Христіанства оказалъ самимъ собою Ошцу своему.

Извѣстная мнимая ученость довела многихъ изъ нашихъ ученыхъ, подобно какъ и Кишайскихъ, до ушонченнаго ашеизма. Они по разныхъ окольнымъ путямъ скишающся вокругъ вѣчнаго свѣща, и предметомъ всѣхъ своихъ умозрѣній имѣютъ матерію, которую воззвалъ Богъ къ бытію изъ ничтожества. Для насъ нѣтъ въ семъ средины; но мы должны или признашь сіе твореніе, или кромѣ матеріи не вѣровашь никакому Божеству.

Не только въ книгахъ, но и самомъ своемъ разсудкѣ долженъ человекъ искашь пути, по которому ему ишии надлежитъ. Я не могу чипашъ, говоришь безбожникъ; однакожь говоря такимъ образомъ обманываешься. Человекъ находишь

въ самомъ себѣ только заблужденія и невѣжество; а въ обществѣ человѣческомъ оставилъ Богъ драгоцѣнное сокровище истины, которыя должны управляти имъ; онъ установилъ таинства, которыми повелѣлъ распространять сіи истины; и человекъ долженъ отъ служителей Божества научиться, что Богъ для него сдѣлалъ и чѣмъ онъ обязанъ Творцу своему.

Если философы наши урекаютъ Религію въ томъ, что она все, что жизнь содѣлываетъ пріятною, поспавляетъ на ряду съ преступленіемъ, то шѣмъ обнаруживаютъ слабость мысленной своей способности: ибо что то будетъ за человекъ, который цѣнитъ только пошлыя удовольствія, проклинаемые вмѣстѣ върою и разсудкомъ.

Что нужды до догматовъ, если ли въ точности исполняемъ нравственное ученіе Христіанства.

Религія.

Ч

Вотъ весьма обыкновенная рѣчь въ нынѣшнее время. Однакожь догматы наши суть не однѣ только умозрѣнія, но они заключають въ себѣ также практическое ученіе и служатъ подпорами нравственности.

Одинъ Англичанинъ утверждалъ, что известность событій уменьшается по мѣрѣ того, какъ время, въ которое онѣ случились, болѣе и болѣе теряется во мракѣ минувшаго. Скоро свершився уже двѣ тысячи лѣтъ, что случились дѣйствія, на которыя опирается наша Религія, говорящѣ нѣкоторыя. Но что же должно заключить изъ того? Прошло то время, но Христосъ существуетъ, и понынѣ еще находится предъ глазами нашими святое его ученіе и дѣла, даже и самъ онъ живетъ еще между нами. Истина пребываетъ во вѣки и до сей минуты разливаетъ еще свѣтъ свой, освѣщающій глаза міру.

Мы не знаемъ, что сдѣлалъ Богъ

для Ангеловъ , и что для прочихъ твореній своихъ ; но мы имѣемъ доказательства, что человекъ есть особенный предметъ его благоволенія. Всего, пакъ, всего можешь онъ надѣяться отъ милосердія своего Владыки, который удостоилъ вступить съ нимъ въ связь столь тѣсную.

Соединеніе Бога съ человекомъ, происшедшее чрезъ Христа, подтверждается намъ безпрестанными свидѣтельствами и доказывається самымъ свойствомъ истины, которыя были предметомъ его посланія. Но вмѣсто того, чтобы утвердиться на томъ, о чемъ угодно было ему сказать намъ, коварная Схоластическая Философія выдумала системы, которыя раздѣлили людей между собою; она причинила невразумительности и своими презрительными школьными ссорами распроивала великія семейства Христіанъ. Нѣкоторые хотѣли имѣть только

природу , шолько волю и проч.; а ошѣ шого произошли между людей ненависпѣ, смершоубійспво и гоненіе, и сіе буйспво, господспвовавшее особенно между Греками, доставило скипешрѣ ихѣ вѣ руки варваровѣ.

Всеобщее презрѣніе , посшигшее Іудейскую націю, еспѣ безѣ сомнѣніа наказаніе; но истинный Хриспійнинѣ взираетѣ совсѣмѣ иными глазами на сосшояніе сего народа: онѣ не гнушается брапіями , надѣ которыми превознесенѣ волею верховнаго Ошца своего, и изѣ среды коихѣ произошелѣ свѣтѣ, его озаряющій: Хриспоеѣ родился вѣ царспвѣ Іудовомѣ—нѣтѣ, онѣ напрошивѣ шого молишся о нихѣ и ждешѣ времени, когда сей народѣ, оспавивѣ свои заблужденія, возвѣсшишѣ Мессію всему міру.

Мы употребляемѣ свои искусствва, шоезію , музыку и самыа даже со-

кровица, чтобы придать нѣкошорый блескъ тому богослуженію, которымъ почищаемъ Бога, или, по просшымъ понашіямъ челоувѣческимъ, сдѣлать сколько можно величественнѣе Высочайшее Существо, исповѣдуемое нами; однакожь шѣмъ не означаемъ, будто бы сими ничтожными предъ нимъ вещами хощѣли мы увеличить славу Божію, но опдаемъ ему часть того, что отъ него получили, дабы показать шѣмъ гошваность свою признавать его высочайшее единовластіе и всегда поощрять себя къ благоговѣнію предъ нимъ и благодарности.

Слабые умы ожесшочающся прошивъ Религіи видя, что высочайшія таинсшва оной совершающся недостойными служишелями; но не разсуждающъ того, что Религія совершенно независима отъ челоувѣка. Невѣрующій служишель олшара хоща самъ и погибаетъ, однакожь можетъ распочать такія же благодаренія, какъ и попъ, кто соединяетъ въ себѣ всѣ добродѣтели.

Священное Писаніе наполнено великихъ истинъ, коихъ проспанство и употребленіе опредѣляетъ Церковъ; но фанатизмъ и суевѣріе напрошивъ выводитъ изъ того несправедливыя слѣдствія, кошорыми безбожники обманываются и коими ожесшочается прошивъ Религіи.

Какой неоцѣненный даръ получаемъ мы отъ Христа въ Евхарисшіи! Симъ исполняетъ онъ буквально свое обѣщаніе пребывать съ нами до скончанія вѣка. Безбожники сомнѣваются, чшобы Богъ могъ присуществовать подъ споль незначащими признаками и въ шакомъ маловажномъ видѣ: но онъ споль же мало позналъ бы его въ наружности бѣднаго, презрѣннаго и своими современниками поруганнаго человека; одна шолько вѣра даетъ намъ узнавать его какъ въ шомъ, шакъ и другомъ состояніи.

Кто уже и по просшымъ извѣщеніямъ Христіанской нравственнo-

ещи не хочешъ расположитъ жизни своей, тому не нужно учишься и доказательствамъ оной: ибо ихъ можешъ чувствовать и понимаешь только человекъ съ доброю волею; но въ глазахъ того, въ комъ находишься зародышъ ко злу, или у кого испорченное сердце, слабыя возраженія побуждають наисильнѣйшія доказательства.

Богатства церковныя состоятъ не во временныхъ благахъ, коимъ завидуютъ ей, и кои подвержены всѣмъ превращеніямъ времени: Азійскія церкви, бывшія некогда столь богатыми, нынѣ бѣдны подобно Африканскимъ; но истинное ея богатство состоитъ въ заслугахъ ея Владыки и въ дѣлахъ каждаго праведника, и это есть самое постоянное, никакой превращеніи времени не подверженное достоинство — достоинство всеобщее, которое каждый себѣ присвоитъ и въ немъ участвовать можешъ; но чтобы сдѣлать-

ся достойнымъ сего права , должно заслуживать оное добрыми дѣлами и всѣми силами способствовать въ усогубленію сего достоинства.

Издревѣ соспояло на земли нѣкошорое число избранныхъ, между воими познаніе истиннаго Бога и служеніе оному соблюлось безъ поврежденія. Сіе общество , которое распространилось нынѣ по всему земному шару, кажется какъ будто бы смѣшалось съ незнающими истиннаго Бога ; однакожь, не взирая на все сіе, оно еще сущесшвуетъ и непорочно сохранился среди великой толпы неправовѣрныхъ.

Въ шесшнадцатомъ вѣкѣ по сошвореніи міра пресшупленія народныя были шоль велики, что шолько одно семейшво удостоилось спасенія. Но едва шолько земля снова населилась, какъ народъ, не взирая на ужасное наказаніе, коего слѣды

были еще видны по всей землѣ
 впалъ въ прежніе пороки. Потомъ
 Богъ избралъ одинъ народъ и далъ
 ему законъ, который былъ предвоз-
 вѣстникомъ другаго; но сей народъ
 вскорѣ предается идолопоклонству,
 за что наказывається впопыхамъ, и
 во время пришествія Искупителя
 не было уже и слѣдовъ сего зако-
 на. — Тутъ приходитъ наконецъ
 Христосъ и приноситъ съ собою
 міру милосердіе свое. Онъ основыва-
 етъ свою церковь, и новое царство
 — царство праведности возникаетъ
 въ полномъ блескѣ своемъ, и первые
 Христіане дають намъ образецъ
 отличныхъ добродѣтелей; но отъ
 вѣка до вѣка такое рвеніе просы-
 вать начинало, сшало избранныхъ
 теперь примѣнно уменьшается и
 находишься въ припѣсненіи, а по-
 рокъ распложается повсюду. Вотъ
 въ короткихъ словахъ печальная
 исторія рода человѣческаго! . . .

Человѣкъ, гордящійся самимъ со-
 бою.
Религія.

бою , гнушающійся униженіємъ и
почитающій поруганіе послѣднею
степенью уничиженія — можешъ ли
такой человѣкъ полюбить Христа
бѣднаго, презрѣннаго, униженнаго?
Вмѣсто того, чѣмъ бы взялъ его въ
примѣръ себѣ , онъ ничего сколько
не боится, какъ подражать ему!

Сколь суежна предъ Богомъ слава
міра сего , тому служишь очевид-
нымъ доказательствомъ то, что въ
ней рѣдко участвовали друзья его.
Избранный имъ народъ послѣ кратко-
временной блестящей эпохи въ цар-
ствованіе Соломона былъ почти
всегда въ печальномъ состояніи
угнетенія; Христосъ, предметъ его
благоволенія , былъ попомъ опри-
нутъ и умерщвленъ сею же самою
націей; Церковь его всегда была пре-
слѣдуема и потрясаема раздорами;
любезные его избранники , будучи
едва извѣстны между людей , не
господствуютъ на землѣ ни числомъ,
ни силою , между тѣмъ какъ злые

пользующся всею, и земля исполнена хвалы о нихъ.

Неправовѣрный, поносящій имя Христіанина, обходящся съ нимъ какъ съ фанатиномъ, ибо въ глазахъ его и самая чистѣйшая Религія есть суевѣріе, а исповѣдываніе оной фанатизмъ. Но — о сколь прекрасенъ сей фанатизмъ добродѣтели и совершенной преданности! Сколь великъ и благороденъ фанатизмъ сердца, совершенно отдающаго себя во власть Владыки, съ коимъ чрезъ короткое время навсегда соединится!

Все, что человѣческія чувства и размышленія способны мочь, все, что подлежитъ ихъ способности — все то должно относиться къ Создателю чувствъ и размышленія. Священное Писаніе исполнено величественныхъ изображеній, которыя заимствованы отъ сотворенныхъ существъ для того, чтобы сими

чертами изобразить намъ божественныя совершенства его. Вотъ единое истинно великое, сближающее насъ съ Богомъ; прочее же все суеша и ничтожность.

Никто не видалъ Бога, говоритъ Христосъ, но посредствомъ своего воплощенія явилъ намъ онаго. Кто видитъ меня, тотъ видитъ и Отца моего, вѣщаетъ Богочеловѣкъ, совершенное подобіе милосердія Божія. Оно съ такимъ величіемъ сіяетъ въ немъ, что не лзя не признать онаго. Слѣдовательно намъ повелѣно любить, а не спрашиваться его.

Слушая разговоръ и сужденіе обыкновенныхъ рыбаковъ, крестьянъ нашихъ, намъ проливна суровость и необразованность ихъ нравовъ, и такихъ людей избралъ Христосъ покорить себѣ міръ. Они совершали то, чего всѣ мудрецы не могли одѣлать: испребили предразсудки,

просвѣтили челоуѣческія понятія • богашсшвѣ и величіи, разрушили олшари, воздвигнушыя спрасшамб, и одвергнули вселенную спрогимб законамб Евангелія, ввели Іерархію, кошорая превозмогла всѣ препяшсшвія, и кошорая продолжишся до скончанія міра, между шѣмб какб шакб называемый божесшвенный Плашонб не привелб, шакб сказашь, и горши людей подб свои законы.

Кшо проникб довольно глубоко въ истины Религіи, кшо оставилб предразсудки, разсѣялб облака, скрывающія отб него яснышть шѣхб истинб, и кошорыя лишили его зришельности; шомб можешб приняшь сей дарб небесный, а безб шого будешб щещшно всякое доказательство. Тогда вѣра, почишаемая невѣрующимб за эншузiazмб, разсѣешб нравб, покрывающій его душу, и просвѣтитб оную. Онб шо, по словамб Писанія, можешб шолько преодолѣшь мірб и доказашь его коварство и обольщительность.

Невѣрующіе по большой части мыслятъ шавъ пошому, что не входятъ въ изслѣдованіе. Извѣстный Піишъ, просвѣщенный врагъ Христіанства, отважился во времена наши выдать игру своего воображенія за доказательство, и наши времена приняли ихъ дѣйствительно за таковыя. Вошъ какъ поступающъ ослѣпленные, суетные люди! . . .

Что за рай обѣщаетъ намъ Религія, гдѣ безпрестанно поютъ осанна — чему одинъ только глупецъ дивится можетъ . . . . Сіи ругательныя слова были произнесены шѣмъ же самымъ Піишомъ, и — были приняты за важное возраженіе. Гдѣ же величіе духа высокоумцевъ нашихъ? Не поставляешъ ли сей софистъ Бога наравнѣ съ шѣмъ героемъ, который столько же бременъ и немощенъ, какъ мы? — Онъ принимаетъ пѣснь Осанна прославившихся въ шомъ же чувствен-

номъ смыслѣ, какъ и проспонародныя пѣсни, и предметъ вѣчнаго, неизчерпаемаго удивленія уподобляеиъ скудному искусству, на которое долгое время съ изумленіемъ смошряиъ пошому, что недоспапочесшвуютъ еще въ высшихъ понятияхъ и въ способности къ духовнымъ ощущеніямъ.

Есть доказательство, котораго нельзя предсавишь суешнымъ людямъ — доказательство посредствомъ чувства. Но если захотишь сншш до того, чтобы посѣшишь сихъ малодушныхъ, которыхъ называюиъ благочестивцами, тогда бы всѣ они единодушно сказали, что въ благоговѣніи находятъ сладость и ушѣшеніе, превосходящія всѣ временныя блага, дославляемыя міромъ.

Неправовѣріе всегда влечетъ за собою печальныя слѣдствія. Если бы оно опшнимало у человека страхъ и опасеніе, то лишило бы его драгоцѣннѣйшаго блага — надежды.

Можешъ ли человекъ, уподобляющійся скопу, вѣровать истинной Религіи? — Безъ сомнѣнія нѣтъ: шопъ конечно не можетъ вѣровать, что Богъ имѣетъ сношеніе съ человекомъ, и что назначилъ ему въ наслѣдіе вѣчное блаженство, кпо думаетъ бытъ одинакаго свойства съ собакою.

Что надлежало бы подумать о шомъ человекъ, кошорый родясь между богатымъ и благоустроеннымъ народомъ, вдругъ оставилъ бы его, чшобъ съ дикими народами вести жизнь скопскую? — Но еще глубже упадаетъ человекъ, оставляющій вѣру, познавъ уже ону .

Говоришь съ сасполобцемъ объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ человеку Божиимъ сообществомъ, значишь то же, что съ грубымъ и упившимся поселяниномъ разсуждаешь объ удовольствіяхъ, находящихся въ высшей Математики.

Прежде, нежели начнешь внимашь въ доказательствѣ въ разсужденіи Религіи, вспрѣшишь весьма похвальный для нее предразсудокъ, а имянно, дарованіе жизни врагамъ ея.

Невѣріе, сказалъ нѣкто однажды, происходитъ нерѣдко отъ погрѣшности безумцевъ, а легковѣріе отъ слабости разумныхъ. Причиною тому то, что послѣдніе вникають глубже въ царство возможнаго, а другіе смотряють только на то, что находится у ногъ ихъ.

Должно получаешь блага природы и общежитія изъ рукъ Божіихъ, естли кто хочешь непорочно пользоваться оными

Человѣкъ, провождающій жизнь свою безъ благочестія и добрыхъ нравовъ, находитъ въ природѣ только прошиворѣчія, возбуждающія его негодованіе; въ обществѣ пайныхъ

враговъ, отъ которыхъ всего спра-
шился; и даже въ томъ полѣ, ко-
торый созданъ для того, чтобы
смягчать суровость его характера
и сдѣлать оный крошкимъ и ласко-
вымъ — въ обществѣ даже и въ
семъ полѣ видишь онъ только пред-
метъ минувшаго удовольствія, ко-
торое скоро прискучить можешь.

Въ мірѣ не только не сокруша-
ются о существующемъ въ немъ
злѣ, но оно служитъ еще предме-
томъ шутокъ и удовольствія; на-
примѣръ, оскорбительное происше-
ствіе, гнусная подлость, нарушеніе
брачной вѣрности суть дневныя но-
восты, которыя обыкновенно разска-
зываютъ въ веселомъ тонѣ.

О, сколь далеки мы еще отъ той
жажды къ справедливости, кото-
рая возбуждаетъ въ насъ желаніе
жить въ порядкѣ и видѣть человѣ-
ковъ, собратьевъ нашихъ, идущихъ
по пути онаго.

Надъ чувствственнымъ человекомъ
смерть торжествуетъ, но человекъ
духовный побѣждаетъ оную; и какъ
онъ владычествуетъ надъ чувства-
ми, то мудрецъ, никогда не льстив-
шій чувствамъ, охотно оставляетъ
ему сію добычу.

O mors, utinam virtus te sola daret!
—Такъ рассуждалъ одинъ язычникъ
о смерти, почиая ее наградою;
чтожъ должно говорить о ней Хри-
стіянину?

Мудрецъ хочетъ обладать своею
душею, глупецъ же трепещетъ въ
рассужденіи оной. Онъ заботится
только о шлѣ и содрогается при
мысли, что долженъ пережить оное.

Оставляя глупости, кои большей
части людей служатъ, такъ ска-
зать, помочами, свершается первый
шагъ къ премудрости; должно оп-
речіе міра.

Будущность, столь ужасная для безбожниковъ, ни мало не превозжишь праведнаго: ибо есѣли душа должна пережить шѣло, то побѣда на его споронѣ; есѣли жѣ она столь же брenna, какѣ и плоть его, то онѣ ничего не шеряетѣ. Словомѣ, что для добраго есѣ предметѣ желанія, то для злаго есѣ самое гибельное обшояшельство.

Мнѣ пріятно жить среди чловѣковѣ, изрeкла Вѣчная Премудрость усами Соломоновыми. Какое прекрасное сообщество для чловѣка!— Но и онѣ шаже съ своей споронѣ долженѣ посшавлять себѣ величайшимѣ удовольствіемѣ имѣть премудрость сопушницею жизни своей, кошорая конечно его оставишь, есѣли онѣ предпочтешѣ ей суешности міра сего.

Не безпрешанныхѣ трудовѣ и удрученія, ни жертвы, превосходящей силы чловѣческія, пребуешь

отъ насъ Религія; она хочеѣ шоль-
ко, чѣобы мы любили другъ друга
шакъ, какъ Богъ возлюбилъ насъ.—
О, какъ сладостна сія заповѣдь!
если бы соблюдали ее, то міръ
сей не содѣлался ли бы дольнимъ
раемъ, а обитаемый нами шаръ,
нынѣ юдолю плача и спенанія, не
учинился ли бы мѣстомъ блаженства,
пріугошворяющимъ насъ къ блажен-
ству гораздо превосходнѣйшему?

Люди, которые подъ предлогомъ
страшей человѣческихъ, обезобра-
зившихъ Религію, не хошяѣ при-
знашъ оной, посшупающъ весьма не-
справедливо: шакія злоупотребленія
хошя отъ сполѣшія до сполѣпія
умножались болѣе и болѣе, не могли
однакожъ ни сколько уменьшитъ ни
достоинства, ни силы Религіи; а
сіе неоспоримо доказываетъ, чѣо
она ни есть дѣло человѣческое.

Невѣрующій гордится именемъ
деисша; но его по истинѣ ни шѣмъ,

ни другимъ назвашь не можно. Еспь-
ли онъ признаешь Бога, то изъ се-
го непосредственно слѣдуетъ, что
долженъ предпочесть его всему ино-
му, что онъ обязанъ любить бра-
тій своихъ всѣхъ безъ исключенія;
долгъ его есть презирать земное и
стремиться въ небесному; въра его
въ Бога обязываетъ бытъ цѣлому-
дреннымъ, воздержнымъ и дѣлать
все то, что можешь бытъ пріятно
Тому, въ волю Коего находишься
участъ его. Но обръщаетъ ли онъ
все сіе въ самомъ себѣ? А Хриспі-
янинъ дѣйствительно находишь это
въ себѣ только посредствомъ сво-
его соединенія со Христомъ, въ ко-
емъ единомъ хранишься вся его сила.

Вѣчная Премудрость, имѣющая
престолъ свой на небеси, есть шопъ
живый источникъ, изъ котораго
всѣ духовныя существа почерпають
свой удѣлъ свѣта. Религія есть

то неоцѣненное вмѣстилище , гдѣ
 сохраняется свѣтъ нашъ, который,
 вышекая изъ онаго , распроспра-
 няется по всей земли , и къ сему
 хранилищу божественнаго свѣта
 долженъ прибѣгатьъ какъ мудрецъ,
 такъ и невѣжда , есѣли хочешь
 познать то, что онъ есть и чѣмъ
 послѣ бышь долженъ спвуешь.

Но какъ предметъ спрасей на-
 шихъ болѣе получаетъ надъ нами
 силы, есѣли мы безпресшанно по-
 коряемся ему , и онъ составляетъ
 ежедневное наше занятіе ; точно
 также бываетъ и въ разсужденіи
 истинъ Религіи : ошъ часшаго въ
 нихъ упражненія онъ содѣлывающа
 намъ пріятными и любезными ; а
 такимъ образомъ возрождается въ
 человѣкѣ благородная спрась, лю-
 бовь къ небеснымъ предметамъ, и
 божественный даръ вѣры совершишь
 дѣло сіе въ душѣ его и наградишь
 его безконечною жизнію.

Истинная Философія очень чувствувешъ, сколь необходима для нее сія помощь ; и печальное сосшояніе шѣхъ , въ которое приходяшъ немущіе оной, ясно сіе доказываешъ.

Сія Философія находишся въ равномъ разспояніи отъ упрямаго сомнѣнія и слѣпаго легковѣрія, и смѣлыми, пвердыми шагами идешъ между обѣихъ скалъ ; она не принимаетъ ничего , не испышавъ прежде въ точности доказательствъ въ пользу предлагаемаго. Ешъли къ заключеніямъ, выведеннымъ разумомъ, вѣра присовокупитъ еще новыя поняшія , тогда она съ восхищеніемъ пріемлетъ оныя. Разсудокъ и вѣра соединены шѣснымъ союзомъ между собою ; оба они одинаковаго происхожденія; одинъ ведешъ къ другой, и они никогда не прошиворѣчаютъ себѣ, Такъ, не они , но спраши и предразсудки прошиворѣчаютъ безпрестанно вѣрѣ и разсудку. Слѣдовашельно , чшобы можно

было совершенно посвятивъ себя разсмаптриванію истины, служащей пищею и удовольствіемъ мудрому, должно заспавишь молчанъ ихъ. Разсудокъ, давъ намъ поняшіе о Богѣ и его свойствахъ, даетъ такъ же поняшіе о душѣ и ея безсмертіи; а отъ сего происходятъ сами собою обязанности и Религія. Впрочемъ сіи поняшія имѣють такую связь между собою, кошорая соспавляетъ истинное доказательство.

Прежде всего откроется предъ нами большая книга природы, книга естественнаго открыенія, кошорая и съ невнимательнымъ человекомъ говоришь языкомъ самымъ вразумительнымъ. Сія величественная картина, въ кошорой всѣ части согласованы между собою, заспавляетъ духъ удивляться, а сердце привлекаетъ къ любви. Чѣмъ болѣе провишаемъ мы въ сущность Физики, чѣмъ болѣе вникаемъ въ Единицу природы: тѣмъ болѣе разумъ нашъ

Религія.

Щ

приводишся ко вниманію. Онъ, будучи исполненъ священнаго благоговѣнія, изумляется, и въ сердцѣ его пылаесть пламя священнѣйшей любви.

Прочь тогда темная Философія, которая въ природѣ видитъ только игру и дѣйствіе атомовъ, имѣющихъ жизнь и движеніе; прочь со всѣми жалкими системами, кои хоща и удерживають имя Бога, но лишаютъ его любезныхъ качествъ! — Дѣятельность Божія вѣчна подобно бытію его: даже съ перваго дня сотворенія міра не преставае онъ дѣйствовать въ его сохраненію; дѣятельностію оживляются всѣ одушевленные существа насажденные имъ въ мірѣ; провидѣніе его доставляетъ имъ все нужное, и присутствіе его украшаетъ все видимое нами долу.

Еслили человѣкъ отъ предметовъ природы возвратишся въ самому себѣ, то не найдешь ли тамъ еще бо-

лѣе доказательствъ премудрости и милосердія Творца своего? Онъ на земли болѣе всей вселенной, ибо посредствомъ мысленной своей способности можешъ обнимашъ всѣ мѣста и времена; а сущесствомъ своимъ, которое знаетъ своего Создателя, можешъ возноситься къ нему и за любовь его оплачивашъ любовью. Человѣкъ находитъ въ самомъ себѣ слабое подобіе совершенствъ Божіихъ, и сія связь и соотношеніе между имъ и Творцомъ его составляющъ прекраснѣйшій союзъ между обоими; будучи осыпанъ дарами Божіими, чувсвуетъ онъ, что сердце его еще не исполнено, ибо онъ не обладаешъ еще Виною никакомъ даровъ сихъ.

Правда, человѣкъ получилъ такое же организованное шѣло, какъ и прочія животныя; однакъжь грубая матерія сей оболочки не поставляешъ его еще на ряду съ сими швореніями: Богъ ознаменовалъ

его споль опличительною печатію, копорую не можешъ примѣчашъ только чрезмѣру развращившійся человекъ.

Но коль скоро человекъ почувствуетъ свое достоинство и познаетъ дары Божіи, служащіе неопѣненнымъ залогомъ его безсмертія, тогда душа его возвысится, желанія сдѣлаются благороднѣе, и безсмертное существо его будетъ только начертывать планы безсмертные, подобныя самому себѣ: ибо не только земля, но даже и величественный покровъ оной, вселенная — все подверженное слабіи недостойно его.

Тогда человекъ пойметъ, что послушаніемъ и вѣрностію своею долженъ содѣйствовать какъ къ собственному благу, такъ и къ благу ближнихъ своихъ; тогда почувствуетъ онъ, что первою должно-стію его есть поклоненіе Творцу

своему и почишаніе догмашовъ его Религіи.

Такъ какъ Богъ есть высочайшая власшь надъ общественнымъ устройствомъ, и такъ какъ Религія основана на удобовразумительныхъ законахъ и соотношеніяхъ: то посему должна она всѣмъ членамъ общества доставлять одинакіе способы къ сохраненію чувствованія, коимъ обязаны во всеобщему Благодѣшелю.

Слѣдовательно, не будучи безумцемъ не лзя почишать всѣ Религіи ложными, коимъ полишка доставила вѣру и уваженіе; олшари сполько же древни какъ и міръ, и даже во младенчествѣ онаго были воздвигаемы Божесшву.

Какое должно бытъ богослуженіе и какого рода поклоненія перебуешь Божество отъ человека? О семъ человекъ шщетно вопрошаетъ будешь свой разумъ и споль же мало най-

дешь на сіе разрѣшеніе въ сочиненіяхъ мудрецовъ всѣхъ временъ: несогласіе и борьба ихъ мнѣній безпрестанно доказываютъ ему, сколь несиленъ разумъ въ сихъ важныхъ матеріяхъ.

Повсюду слышишь разговоры, что естественный законъ долженъ повсемѣстно владычествовать и управлять человекомъ; но онъ нигдѣ не введенъ еще. Здѣсь кочующіе разбойническіе народы грабятъ караваны; шамъ содержитъ столько наложницъ, сколько прокормить могутъ; а далѣе выправляютъ дѣшей изъ ушробъ матернихъ, или раждающа отдають ихъ на свѣденіе дикимъ звѣрямъ и собакамъ; другіе пожирають трупы своихъ непріятелей; а въ образованныхъ государствахъ нерѣдко убиваетъ одинъ другаго для чести. — Намъ извѣстно только то, что сей законъ, владычества коего желаютъ всѣ люди, ссуществовалъ, но обезображенъ во всѣхъ обществахъ.

И такъ оспается только спра-
вишься съ народами и ихъ архива-
ми, чѣмъ узнать, не явилъ ли се-
бя Богъ кому нибудь изъ оныхъ.

Всѣ народы утверждающъ, что
богослуженіе, явно ими исповѣду-
емое, получили они отъ неба, и въ
утвержденіе своихъ рассказовъ ссы-
лались на чудеса, оракулы, муче-
никовъ и проч.; а нѣкоторые изъ
оныхъ на Писаніе и преданія, испол-
нованіе коихъ принадлежатъ един-
ственно ихъ священникамъ; но раз-
смапривая ученіе и обрядъ богослуже-
нія многихъ изъ сихъ народовъ, нахо-
жу что въ нихъ самымъ безразсуд-
нымъ образомъ посрамляется имя
Божіе и кажется, что благоуспроен-
ные народы преимущественно упоц-
ребили во зло сіе священное имя.

Въ прежнія времена Египтяне
называли симъ священнымъ именемъ
недостойныя предметы, іероглифи-
ческій смыслъ коихъ, извѣстный

только нѣсколькимъ такъ называемымъ священнымъ, не могъ сохранить сего народа отъ грубѣйшаго идолопоклонства. Вавилонъ ввелъ догматы публичнаго безчестія, который былъ перенесенъ потомъ въ Тиръ и Сидонъ, и наконецъ распространился по всѣмъ прекраснымъ странамъ Востока.

Процвѣтавшая и мудрая Греція приняла сіе нечестивое богослуженіе; искусствва, достигшія здѣсь высочайшей степени совершенства, служили язычеству; поэзія была изобрѣтательницею служащей для чувствъ Мифологіи и религіи, состоявшей единственно въ празднованіяхъ и пиршествахъ; и такіе догматы столько понравились симъ народамъ, что въ Аѳинахъ одного, говорившаго о духовныхъ или невещественныхъ предметахъ наказали какъ атеиста.

У народовъ менѣе благоустроен-

ныхъ и менѣе сладоспращныхъ были разврашны другаго рода. Галлы, Тевпоны и Карфагенцы приносили въ жершву богамъ своимъ челоувъжовъ, и ошцы сжигали дѣшей, какъ лучшій и пріятнѣишій фиміамъ спрашнымъ своимъ идоламъ. Нѣсколько времени такое буйство было общее всѣмъ народамъ; но и что же могли они сдѣлатьъ лучшее, когда дѣволъ былъ предмешомъ ихъ поклоненія?

Римъ, царь народовъ, возвелъ сей разврашъ еще на высшую степень. Гнусныя ихъ шеапральныя зрѣлища и бишвы бойцовъ сосшавляли часшъ празднесшвъ ихъ религіи. Праздники Сивиллины были мисперіи сладоспращія. Сія сполнца міра, принимая боговъ опѣ завоеванныхъ ею народовъ, дѣлаешся наконецъ шакже и сполцею идолослуженія; одинъ только Богъ Іудеевъ не имѣлъ олшаря въ Римѣ.

Религія.

Ъ

Теперь остановимся на минути и разсмотримъ , сколь пуши міра и пуши Божіи прошивоположны между собою. Изъ шѣхъ великихъ и сильныхъ государствъ, копорыя исполняли землю своимъ именемъ и именемъ мужей, приобрѣвшихъ себѣ во всѣхъ часяхъ великую славу, изъ всѣхъ сихъ государствъ и народовъ, говорю, не было ни одного, копорый бы не впалъ въ грубѣйшее идолопоклонство. Только небольшой уголокъ земли, презрѣнный всѣми народами и забвенный въ исторіи міра, пользуется неоцѣненнымъ благомъ , обладая познаніемъ истиннаго Бога и его догматовъ. Въ книгахъ націи, его населяющей, находятся важнѣйшія истины , и въ нѣдрахъ сего въ цѣлости соблюденнаго и съ самаго начала ошъ всѣхъ ошдѣленнаго народа возникаетъ предсказанный Пророками Христосъ. Онъ являеца , чшобы возвѣсшишь народу высшія надежды, коихъ едва ли бы когда могъ посшигнушь умъ человѣческій.

Какую удивительную перемену производитъ пришествіе сего бѣднаго, умерщвленнаго Мессіи спуская 4000 лѣтъ пошомъ, въ теченіи коихъ земля была покрыта непроницаемымъ мракомъ. Истина, заключающаяся дошолъ въ тѣсномъ уголѣ Палестины, проповѣдуется нынѣ всему міру, и минуша, въ которую начинаешъ она озаряшъ оный свѣтомъ своимъ, настаетъ эпоха, влекущая за собою паденіе непризнающихъ ее народовъ. Язычество рушишся вмѣстѣ съ блистательнымъ величіемъ боговъ своихъ, и разбѣянный народъ Іудейскій дѣлается провозгласителемъ доказательствъ въ пользу Христіанства.

Чрезъ шесть столѣтій послѣ введенія сей святой Религіи, ложный пророкъ Арабовъ исполняетъ весь народъ сей своимъ энтузіазмомъ и вводитъ религію, которую проповѣдуетъ именемъ Всемогущаго; прищасливыхъ успѣхахъ своего ору-

жія получаешъ онъ великія выгоды, и догмашы его швердо укореняюща вѣ странѣ, гдѣ господствуютъ самыя грубыя заблужденія.

Не смотря на быстрое успѣхи Христіанской вѣры и насильственное введеніе Магометанства, существующіе еще языческіе народы; дикіе обитатели Африки и Америки признающъ великаго Власпишеля, коему поклоняюща подъ разными видами: однакожъ сіе язычество имѣетъ великое различіе отъ того блистательнаго и побѣдоноснаго язычества Грековъ и Римлянъ, которое бременило землю развращенными и незаконными празднествами своими, кои, не взирая на просвѣщеніе сихъ народовъ, принадлежали болѣе къ догматамъ самыхъ дикихъ и необразованныхъ націй — къ догматамъ, вѣ коихъ понятіе о Творцѣ скрывалось во мракѣ смѣшныхъ басенъ, доказывающихъ болѣе и болѣе необходимость Ошкровенія,

дабы человекъ обратился все свое вниманіе на сей только предметъ великій.

Если бы на землѣ существовала одна только Религія, то не имѣли бы мы нужды въ изслѣдованіи; но Богъ, предославившій человека собственному его разуму и волѣ, допустилъ сему бытъ иначе. Намъ неприсвойно требовашь отъ него отчета, для чего терпимъ онъ зло въ мірѣ; но мы должны только изыскивать между всѣми богослуженіями и религіями, на кошторой изъ нихъ положилъ онъ печать свою.

Не лзя, чтобы между всѣми различными родами богочишанія не существовало ни одного такого, которое было бы пріятно Богу. Если по тому, что на земли существуютъ ложныя вѣры, захотѣли бы заключить, что всѣ онѣ ложны, то сіе было бы столь же нелѣпо, какъ

бы по неправдамъ и порокамъ, господствующимъ долу, заключишь, что нѣтъ ни истины, ни добродѣтели.

И такъ, предположивъ сіе, намъ остается только два заключенія: или всѣ догматы равно пріятны Богу, или есть между ими одинъ только, который соотвѣтственнѣе его достоинству, и поному заслуживаетъ отъ него особеннаго благоволенія. Но первое предположеніе противно понятию, какое мы имѣемъ объ истинѣ, и даже, если бы мы хотѣли удовольствоваться симъ предположеніемъ, то и тогда бы Христіанство одержало побѣду, или, все равно, получило бы преимущество.

Чтожъ касается до втораго положенія, которое допускаетъ разсудокъ, то слѣдуетъ, что если между всѣми употребительными богослуженіями есть одно божественнаго происхожденія, то должно

имѣшь также и опличительные въ
шомъ признаки, кои въ самомъ дѣ-
лѣ сущесшвующь и сущь слѣдующія:

1) Истинная Религія долженств-
вовала сущесшвовашь всегда, и цѣпью
доказательствъ въ свою пользу во-
сходишь до перваго дня шворенія,
пошому чшо Богъ во всякое время
долженъ былъ опкрывашь пушь че-
ловѣку, по кошорому оный можешь
въ нему досшигнушь.

2) Она должна имѣшь вѣчно су-
щесшвующее Опкровеніе, посред-
ствомъ коего Божесшво возвѣщашь
человѣку волю свою.

3) Она не должна предписывашь
ничего прошивнаго закону естесш-
венному, первому дару Создателя.

4) Истинная Религія должна на-
учашь человѣка, какъ надлежишь
ему поклоняшья Богу духомъ и ис-
пиною, и къ сближенію съ онымъ
досшавляшь средшва и содѣйствіе.

5) На послѣдокъ, въ истинной Религіи должно быть хранилище, гдѣ бы соблюлось истинное учение, которое восходило бы въ своемъ началѣ къ первому Блоспищеню сего святилища.

Вопъ въ крапкихъ словахъ главнѣйшіе признаки, по которымъ истинную Религію между тысячи человѣческихъ изобрѣшеній безошибочно оплчишь можно.

И шакъ тщешно спали бы искашь ее между шѣми / грубыми народами, которые совершенно исказили первое преданіе рода человѣческаго.

Изъ прехъ великихъ опродій религіи, имѣющихъ всенародное служеніе истинному Богу, и кои занимающъ большую часть земли, должно излючишь религію Магомешанскую, которая, ссылаясь на посланіе гораздо позднѣйшее, нежели Иисуса Христа,

кого также признаетъ за Пророка, не имѣетъ свидѣтельствъ въ пользу свою.

Слѣдовательно должно остано-
виться или на Хриспіанствѣ, или
на Іудействѣ, и въ книгахъ какъ
того, такъ и другаго искать от-
кровенія, которое тамъ, гдѣ не
дѣйствуетъ разсудокъ, едино спо-
собствуетъ человѣку въ его изслѣ-
дованіяхъ по сей часпи. — Книги
сіи имѣютъ силу и достовѣрность,
которая предохраняетъ ихъ отъ
всякой приписки, и кои даютъ че-
ловѣку превосходнѣйшія понятія о
Богѣ и его качествахъ.

Вся неизвѣстность исчезнетъ,
когда увѣришься, что существуетъ
законъ на земли, соблюденный въ
видимомъ хранилищѣ, и прежде ко-
его былъ иной, восходящій до испоч-
нива временъ, о которомъ свидѣ-
тельствуютъ все нареды, и изъ ко-
торого познаемъ мы, что все дру-

гіе сушь шолько обезображенныя копїи или дурное преобразование сего первобытнаго божественнаго закона. Тутъ не лзя болѣе дѣлать никакого сравненія: сей законъ долженъ привести насъ въ такое положеніе, какъ будто бы на земли всегда существовалъ шолько онъ единый.

Наконецъ увѣришься совершенно, когда разсудишь, что сей законъ опъ всего зговорившагося прошивъ него міра пославляешъ въ защищу себѣ шолько слабые голоса нѣкоторыхъ людей, которые опъ сего міра не пользовались ни довѣренносшію, ни находились въ знаши; но кои напрошивъ, подобно своему Учишелю, содѣлались жершвою ярости враговъ своихъ. И такъ, какъ въ введеніи Хриспїанской Религїи, такъ и въ сохраненіи ее видно непосредственное дѣйствіе Божіе. Шеснадацать вѣковъ нещаспій, нападеній варваровъ, времена невѣжества, ересей и раздоровъ, и даже

гоненіе самых Цесарей — ничто не могло поколебать Христіянскою Религіи. Вошъ чудо, кошорое въ ходу вещей можешъ почешься единшвеннымъ, и кошорое каждодневно возобновляешся въ глазахъ нашихъ.

И шакъ, ужели слѣпой случай досшавилъ въ руки Іудеевъ сіе писаніе, кошорое проповѣдывало величіе Мессіи и паденіе народа Іудейскаго? Ужели случай повелѣлъ въ назначенное время явишья сему досшойному поклоненія челоувку, виновнику закона болѣе, нежели челоувческаго? Случай ли призывалъ Римлянъ опмсшишь за смершь его, и сей народъ, врагъ Христа и свидѣтелей славы его разсѣяшь по всему лицу земли? Ужели опять случай досшавилъ Кресту побѣду надъ всюду владычешствующимъ язычешвомъ, и истинную вѣру въ шеченіи шольныхъ вѣковъ сохранилъ во всей чистотѣ ея посреди толпы спрасшей и шакого міра, надъ кошорымъ Ре-

лигія изрекла приговоръ проклятія. Ежели шакъ, по случай можешъ произвеси и шу удивительную гармонію, на которую мы съ изумленіемъ взираемъ во вселенной.

Богъ въ устроеніи своей Религіи явилъ себя шакъ же, какъ и въ спроенїи природы. Кто не познаешъ его въ одномъ, тошъ не можешъ познавать и въ другомъ: ибо смѣло можно утверждашь, что опвергнувъ всѣ религіи, не лзя познавать болѣе ни Бога, ни провидѣнія.

Христїанская Религія, подкрѣпляемая свидѣтельствами религіи Іудейской, ея предшественницы, соединяешъ въ себѣ всѣ признаки, по коимъ можно опличишь ее какъ божественную, и кои только въ ней одной находящяся. Дѣятельныя доказательства, доставляемыя самими ея врагами, доказательства, почерпнушыя, шакъ сказашъ, изъ сердца ихъ Религіи, памяшники и безпрерыв-

ный рядъ писателей отъ Иисуса до нашихъ временъ—все способствовало въ подтвержденію оной. Нѣтъ ничего на землѣ яснѣе доказаннаго, и даже можно сказать, что одна только Христіанская Религія и все къ ней относящееся есть неоспоримая истина.

Чѣмъ болѣе будешь заниматься ею, тѣмъ болѣе откроешь въ ней того превосходства мыслей, копорыхъ умъ человѣческій совершенно постигнуть не можетъ. Въ нихъ видна рука Всемогущаго, копорый, сошворивъ человека свободнымъ, и слѣдовательно подвергнувъ паденію, восхотѣлъ, не опнимая нисколько отъ его свободы, снова воздвигнуть его, что дослославно какъ для человека, такъ и для его Создателя.

Съ Христомъ приняты и мы въ чада Божіи. Богъ чрезъ него содѣлывается оцемъ нашимъ и призываетъ насъ къ вѣчному блаженству,

въ царство Христа, какъ старша-
го изъ всѣхъ братьевъ. Онъ хочетъ,
чтобы между имъ и нами было все
общее, и мы должны сославлять съ
нимъ едино, яко онъ съ От-
цемъ своимъ едино есть. И сей бо-
жественный Владыко человѣчества,
связанный съ членами своими свя-
щеннымъ союзомъ милосердія, посы-
лаетъ на нихъ даже и на землю—на
мѣсто ихъ изгнанія—жизнь, свѣтъ и
блаженство.

Помышлялъ ли когда либо духъ
человѣческій о такомъ планѣ? Какъ
все сіе далеко отъ образа мыслей
его! Понималъ ли человекъ себя ко-
гда нибудь способнымъ къ такому
возвышенію, еслибъ Богъ не пред-
ставилъ въ образецъ вселенной по-
корность и славу сего Сына? Какъ
восхищенъ выборъ сей, копо-
рый съ такимъ же блескомъ, какой
сопровождаетъ проповѣдываніе Еван-
гелія, возвѣщенъ былъ міру!—Онъ
при своемъ пришествіи, такъ ска-

зашь, создалъ новый міръ, новыхъ людей; и та степень прославленія, на кою человекъ видѣлъ себя возвышеннымъ, есть явно дѣйствіе Божіе, коего слава превышаетъ всѣ желанія наши.—Связь людей между собою, еслии разсудишь о ней порядкомъ, объясняешь намъ причину двухъ великихъ правилъ Христіанства: ни одинъ членъ человечества не долженъ быть почитаемъ отдѣльнымъ существомъ отъ цѣлаго рода; между людьми господствуетъ, такъ сказать, нѣкошорый родъ твердости (soliditet), которая составляетъ гармонію ихъ созданія и служитъ основаніемъ любви общественной. И сія-то непрямѣшая связь, содѣлывающая въ первомъ человекѣ всѣхъ другихъ совиновниками въ его прешупленіи, за коимъ могутъ слѣдовать еще другія, содѣлываетъ въ Богочеловекѣ въхъ пребывающихъ ему вѣрными соучастниками заслугъ его.

И такъ человекъ составляетъ

спайнспвенную цѣпь, коей одно звѣно, непосредспвенно примыкающее къ Божесшву, доводитъ къ нему и шѣхъ, кои умомъ и сердцемъ пребываютъ съ нимъ неразлучны.

О, еспѣли бы тошѣ, ишо имѣетъ щасшіе принадлежатъ къ цѣпи сей, коей первое звѣно ушверждено въ небѣ, почувспвовалъ всю цѣну сего благоволенія! О, спѣли бы онъ крѣпко держался за нее и спокойно слушалъ шумъ цѣлой толпы софисповъ, копорые своими обманчивыми приманками желаютъ ошдѣлать его отъ оной! Спросите его, почему Богъ только немногому числу людей оказалъ сіе милосердіе и допустилъ поликимъ суевѣріямъ и ложнымъ догматамъ посрамлять имя свое: шо получите отъ него въ ошвѣшѣ, чшо сіе происходитъ по той же самой причинѣ, по копорой Богъ повелѣваетъ обезчещивать землю поликими жестокостями.

Религія опвѣщспзуетъ не на всѣ

наши неблагоприятные вопросы; она
научаетъ насъ только тому, что
намъ непременно знать нужно о
Божіихъ намѣреніяхъ; и это есть
такое знаніе, безъ котораго какъ
физическій, такъ и моральный міръ
былъ бы для насъ равно непонятенъ:
безъ надежнаго ориентированія человекъ
не знаетъ, куда идетъ и откуда
приходитъ. Онъ по необозримому
океану блуждаетъ до тѣхъ поръ,
пока слабый челнъ его не ударится
о подводный камень, отъ котораго не-
пременно долженъ разрушиться.

И такъ не будемъ вопрошать
Божество о заблужденіяхъ и злѣ, при-
водящихъ родъ человѣческій въ столь
горестное состояніе; но познавая
непосредственное Божеское дѣйст-
віе въ природѣ, и милосердіе его
въ законѣ Евангельскомъ, пожалѣемъ
о человекѣ, столько несчастливомъ
по своимъ заблужденіямъ, и пойдемъ
по пути, предначертанному Богомъ.
Въ училищѣ Христовомъ, въ сей

священной іерархіи, кошорая еспѣ
 блюстипельница его пророчесствѣ,
 обрѣшаешся свѣтѣ, кошорый еспѣ-
 ли на озаряетѣ насѣ, по причиною
 шому сущѣ предметы нашихѣ же-
 ланій, кои полагаю между имѣ и на-
 ми густыя тучи, скрывающѣ отѣ
 насѣ блескѣ его; но чрезѣ нѣсколько
 минушѣ сіи суешные предметы из-
 чезнушѣ, и человекѣ увидитѣ и по-
 знаетѣ, но поздно, что существен-
 ное благо было шолько доспавляемое
 Религіею.

Будемѣ пользоваться здѣшнимѣ
 міромѣ, — но Богѣ долженѣ бышѣ
 единспвенною нашею утѣхою; бу-
 демѣ срывашѣ въ немѣ цвѣты, коими
 бы благосшѣ его усыпала пыль нашѣ,
 но не теряя однакожѣ изѣ вида
 предназначенной имѣ цѣли. Законѣ
 его шполь справедливѣ, шполь шѣсно
 сопряженѣ съ нашимѣ благоденспві-
 емѣ, что не лзя пользоваться имѣ
 безѣ шого, чтообѣ не полюбитѣ его.
 Пусть онѣ будетѣ единспвеннымѣ

удовольствіемъ нашимъ, и мы особенно должны удаляться той бессмысленной толпы, коей самыя даже добродѣтели, отъ достойнаго наказанія равнодушія къ Виновнику оныхъ, теряютъ свое достоинство.

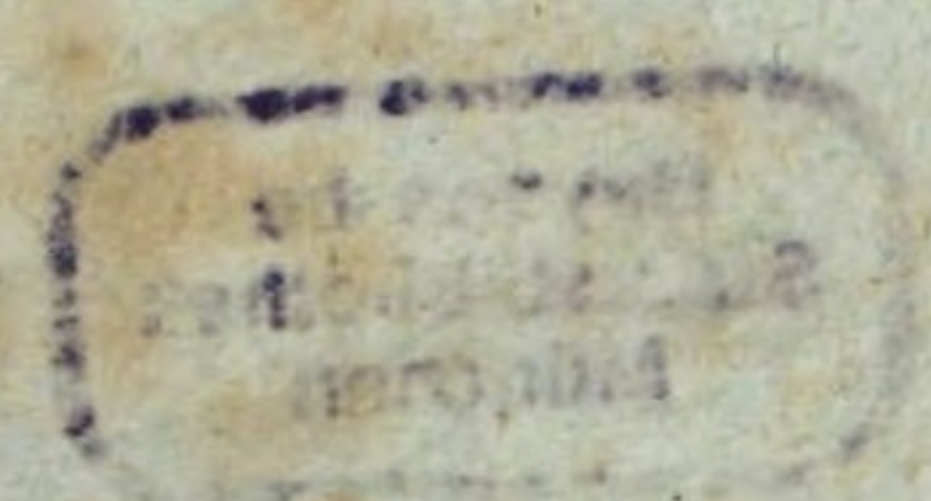
Вотъ нечестіе нашего вѣка: ожиданіе будущаго бытія, стремленіе къ существованію по ту сторону гроба, которое должно быть споль естественнo чловѣку, нажeтся, совершенно угасли; ничто духовное не прогаеетъ его болѣе. И такъ теперь могу ли я ожидать отъ сего своего сочиненія такого успѣха, чшобъ оно хотя одного изъ многихъ могло пробудить отъ смертнаго сна его духа — и тогда сей мой трудъ достойно награжденъ будешь.

К О Н Е Ц Ъ.

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF
ART AND HISTORY
OF THE
CITY OF
NEW YORK

11012-10

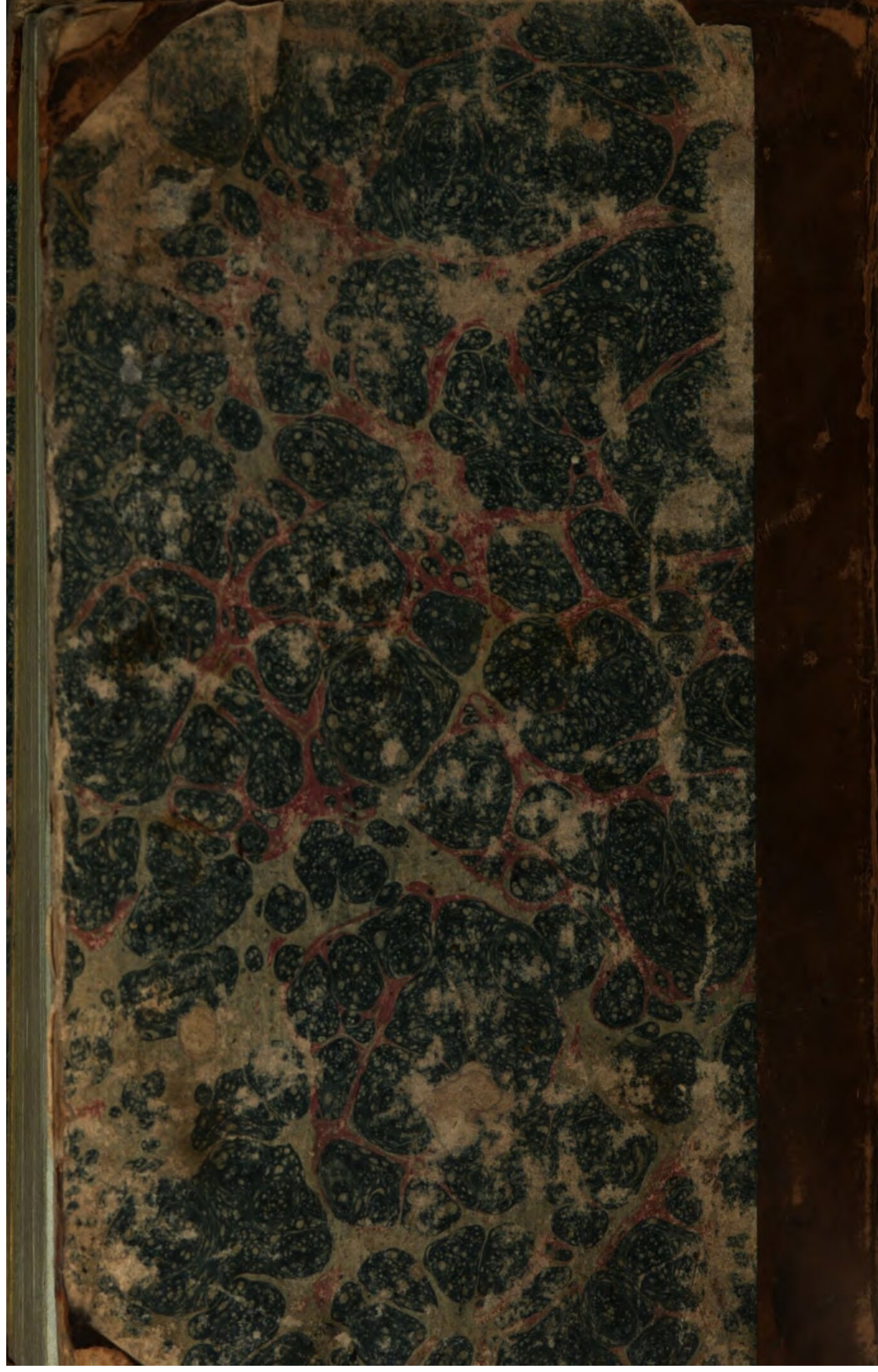

22/21927

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Religija, razsmatrivaemaja kak osnovanie vsjakoj istiny i premudrosti

Moskva 1818

Dogm. 1242 b

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10400275-2